

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 4 (27)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

**ТЕМА НОМЕРА : АВТОМОБИЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА РЕГИОНА:
ГРАНИ ВОЗМОЖНОГО
В ФОКУСЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

От редактора рубрики 5

Литошенко Д.А. Феодалные истоки современной
этики дорожного движения в контексте автомобильной
субкультуры тихоокеанской России 7

Прокопчук А.В. Автомобильные компании и
благотворительность: мировой опыт 17

Лаврентьев А.В. Развитие российско-китайских
автомобильных сообщений: исторический опыт
и современные тенденции 22

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Киреев А.А. Существует ли на Дальнем Востоке
России китайская диаспора? 28

Андреева О.Н. Уровень и качество жизни населения
в Приморском крае (в преддверии проведения
саммита АТЭС) 48

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Реутов Д.А. Вызовы и перспективы
российско-японского газового сотрудничества 56

Стецко Н.И. «Перезагрузка» как основная парадигма
американо-российских отношений
во время первого президентства Б. Обамы 68

ВОЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Губин А.В., Синенко И.Ю. Северо-Восточная Азия
на пороге новой гонки вооружений 75

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ СТРАН АТР

Журбей Е.В. «Мозговые центры» и
внешнеполитический процесс Сингапура:
история вопроса 84

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Жерновой М.В. Радиационная безопасность
Приморья через призму автоимпорта 93

РЕЦЕНЗИИ

Золотухин И.Н. Узел противоречий
в узловом регионе 96

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К юбилею **Элеоноры Васильевны Ермаковой** ... 102

Владивосток
2013

Ставров И.В. «Россия и Китай: диалог цивилизаций». Международная научная конференция (Харбин, 21 – 22 сентября 2013 г.)	103
Латушко Ю.В. Крутлый стол молодых учёных России и стран АТР	106
УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ ЗА 2012 – 2013 ГГ.	109

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев, Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов, Чой Нак Джун, О.И. Шестаков, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 4 (27)

*scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME : THE AUTOMOBILE SUBCULTURE OF THE REGION IN FOCUS OF INTERDISCIPLINARY RESEARCHES

From the editor of the heading 5

Litoshenko D.A. The feudal sources of modern ethics
of road movement in a context of automobile subculture
of Pacific Russia 7

Prokopchuk A.V. Cars companies and philanthropy:
world experience 17

Lavrent'ev A.V. The development of Russian-Chinese
automobile posts:
historical experience and current trends 22

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Kireev A.A. Is there a Chinese diaspora
in the Russian Far East? 28

Andreeva O.N. Level and quality of life
of the population in Primorye Territory
(in anticipation of carrying out the APEC summit) 48

WORLD SYSTEM AND INTER-REGIONAL RELATIONS

Reutov D.A. Prospects and challenges
of Russian-Japanese gas cooperation 56

Stetsko N.I. The "reset" as the principal paradigm
of the U.S.-Russian relations during
the first presidency of Barack Obama 68

MILITARY AND POLITICAL GEOGRAPHY OF EAST ASIA

Gubin A.V., Sinenko I.Yu. North East Asia
on a threshold of new race of arms 74

THE ANALYTICAL CENTRES OF APR

Zhurbey E.V. "Think tanks" and foreign policy process
of the Singapore: Background 84

SCIENTIFIC MESSAGES

Zhernovoy M.V. Radiation safety
of the Primorye Territory in the light of auto import 93

REVIEWS

Zolotukhin I.N. The knot of contradictions
in the pivot region 96

SCIENTIFIC LIFE

On the anniversary of **Eleonora Vasil'evna Ermakova** 102

Stavrov I.V. "Russia and China: dialogue of civilizations".
International scientific conference
(Harbin, September 21-22, 2013) 103

Vladivostok
2013

Latushko Yu.V. Round table of young scientists of Russia and APR countries	106
THE INDEX OF THE ARTICLES AND THE MATERIALS PUBLISHED IN JOURNAL FOR 2012 – 2013	109

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij,
A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor), I.N. Zolotukhin, M.A. Kalugina,
V.N. Karaman, A.A. Kireev, L.I. Kirsanova, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov,
Yu.V. Latushko, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, S.V. Sevastyanov,
Choj Nak Dzhun, O.I. Shestak, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok
state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.

Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with
those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications,
connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Тематическая рубрика «Автомобильная субкультура региона: грани возможного в фокусе междисциплинарных исследований» посвящена обсуждению проблемного поля, содержание которого выступает не только имагинативным конструктом, маркирующим Приморье, (и, шире, весь российский Дальний Восток) в социокультурном пространстве современной России, но и неотъемлемой частью повседневного опыта населения региона.

Перед авторским коллективом тематической рубрики была поставлена весьма непростая задача, заключающаяся в комплексном исследовании различных аспектов жизнедеятельности населения, преимущественно, Владивостока и территорий Приморского края РФ, связанных с эксплуатацией, владением, использованием, ремонтом, техническим обслуживанием, покупкой, продажей, государственной регистрацией и т.д. автотранспортных средств.

О «достижениях» автомобилизации региона, о роли автомобиля в жизни «рядового владивостокца», «рядового приморца» или столь же «рядового дальневосточника», о реалиях и коллизиях автомобильной культуры региона написано и сказано, безусловно, незаслуженно мало. Особый дефицит ощущается именно в части научной литературы. К сожалению, реалии автомобильной субкультуры ускользают из фокуса внимания исследователей самых разнообразных научных специализаций, оставаясь сколь очевидными, столь же и малоизученными.

Значительно лучше обстоит дело в поле художественной литературы и публицистики. Благодаря творческим усилиям владивостокского писателя В. Авченко автомобильная субкультура региона обзавелась даже собственным эпосом, который так же всё ещё ожидает своего пытливого исследователя.

Всё перечисленное в очередной раз убеждает в том, что автомобильная субкультура не только реальна в феноменологическом плане, но и является органической составляющей социокультурной реальности региона, в системном отношении. На страницах тематической рубрики авторам предлагалось обсудить широкий спектр проблемных вопросов, относящихся к бытованию автомобильной субкультуры региона: многообразие феноменов, дискурсивных практик, ролей, обычаев автомобильной субкультуры; опыт конструирования и кодификации мифологии автомобильной субкультуры; роль и значение автомобиля в социально-экономической жизни и хозяйственно-экономической деятельности жителей региона (импорт, эксплуатация, обслуживание, продажа, утилизация); автообразование; гендерные аспекты автомобильной субкультуры (различия мужского и женского понимания реалий автомобильной субкультуры, автомобиль и сексуальность); автоспорт в регионе; многообразие контекстов автомобильной субкультуры региона: геополитический, экономический, демографический, медийный, повседневно-бытовой и др. Особое внимание планировалось уделить «праворульной проблематике»: экономическому, техническому, психологическому и др. аспектам «великой праворульной революции»; «правому рулю» как доминанте региональной социокультурной идентичности и ключевому символу регионального прочтения ценностей и завоеваний российской демократии. Авторам рубрики предоставлялась возможность предложить своё видение интересующих компонентов смыслового поля автомобильной субкультуры региона.

Таковы были планы и намерения... Однако реальность всегда вносит свои коррективы. В «редакционный портфель» тематической ру-

брики вошли всего три статьи. Это весьма показательно характеризует меру инерционности локального научного сообщества юга российского Дальнего Востока, степень готовности его представителей братья за исследование проблем, лежащих за пределами традиционных сфер их познавательных интересов.

В статье Д.А. Литошенко (ВГУЭС) «Феодальные истоки современной этики дорожного движения в контексте автомобильной субкультуры тихоокеанской России» предпринимается попытка исследовать содержание морально-этического компонента региональной автомобильной субкультуры сквозь призму этического наследия культуры феодального общества средневековой Европы, что позволило автору сделать ряд весьма интересных предположений о происхождении и специфических особенностях исследуемого феномена.

Статья А.В. Прокопчук (МГУ им. адм. Г.И. Невельского) «Автомобильные компании и благотворительность: мировой опыт» посвящена рассмотрению одного из аспектов социальной ответственности бизнеса на примере благотворительной деятельности ряда ключевых субъектов мирового автомобилестроения. Особую значимость статье придаёт то, что на её страницах нашла отражение деятельность японского автомобильного концерна «Тойота» по поддержке инициатив в области искусства и культуры именно в социокультурном пространстве российского Дальнего Востока.

Особое место в рамках тематической рубрики принадлежит статье А.В. Лаврентьева (ВГУЭС) «Развитие российско-китайских автомобильных сообщений: исторический опыт и современные тенденции». Автор статьи фокусирует своё внимание на исследовании роли автомобильного транспорта в хозяйственно-экономической деятельности и повседневной жизни населения региона на рубеже XX – XXI вв. На историческом фоне порубежного двадцатилетия в статье проанализированы политические, международно-правовые, нормативно-инфраструктурные особенности организации и проблемы осуществления международных автомобильных перевозок на приграничных территориях Дальнего Востока России.

В конечном итоге судить о том, насколько авторскому коллективу тематической рубрики удалось реализовать её первоначальный замысел, обоснованно, достоверно, убедительно и доступно поведать о таком аспекте общественного бытия региона, как автомобильная субкультура, предстоит читателям журнала «Ойкумена. Регионоведческие исследования».

Д.А. Литошенко

УДК 304.2

*Литошенко Д.А.
Litoshenko D.A.*

Феодалные истоки современной этики дорожного движения в контексте автомобильной субкультуры тихоокеанской России

**The feudal sources of modern ethics of road movement
in a context of automobile subculture of Pacific Russia**

Статья посвящена исследованию феодалных истоков современной этики дорожного движения в контексте автомобильной субкультуры тихоокеанской России, восходящих к рыцарской культуре средневековой Европы.

Ключевые слова: *этика дорожного движения, автомобильная субкультура, регион, феодалная мораль, рыцарская этика, средневековье, исторический опыт, социокультурный контекст*

The article is devoted to research of feudal sources of modern ethics of road movement in a context of automobile subculture of Pacific Russia ascending to knightly culture of medieval Europe.

Key words: *ethics of road movement, automobile subculture, region, feudal morals, knightly ethics, middle ages, historical experience, social and cultural context*

Посвящается Виктории Калининой

В настоящее время можно наблюдать титанические усилия органов государственной власти, уполномоченных насаждать и блюсти «дорожное благочестие» на бескрайних просторах нашего Отечества. Видимо, ужесточение репрессивных мер, революционное увеличение штрафов за нарушение норм «Правил дорожного движения Российской Федерации», уже приносит свои положительные плоды. Перед нами не стоит задача критического анализа существующих данных официальной статистики и сопоставления их со сведениями, полученными из иных, не связанных с государственными учреждениями, источников. В конечном итоге, наша цель в другом.

На страницах данной статьи наше внимание будет сфокусировано на исследовании истоков современной этики дорожного движения (далее по тексту – СЭДД), обнаруживающей своё бытование в контексте автомобильной субкультуры тихоокеанской России, под названием которой, в последнее время, всё чаще предстают обширнейшие пространства российского Дальнего Востока. Особым образом следует отметить, что эта статья никоим образом не претендует на изложение верифицированных результатов законченного по форме и содержанию исследования.

ЛИТОШЕНКО Денис Александрович, к.и.н., доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток).
E-mail: Denis.Litoshenko@vvsu.ru

Напротив, в статье можно найти скорее вопросы, нежели некие научные истины, претендующие на незыблемость и абсолютную объективность. В известной степени, статья – интеллектуальная провокация, и если она произведёт эффект снежка, вызывающего лавину, то этот результат, в конечном итоге, предвосхитит наши самые смелые ожидания. Всякий исследователь, заинтересовавшийся проблемным полем этической составляющей автомобильной субкультуры региона, – да напишет лучше!

Сколь бы всеобъемлющей и изощрённой не становилась система законодательно оформленного нормативного регулирования «совокупности общественных отношений, возникающих в процессе перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог» [17, с. 3], тем не менее, практика жизни гораздо богаче, многограннее и неоднозначнее, нежели самая совершенная нормативная регулятивная модель. Несмотря на то, что действующие «Правила дорожного движения РФ» за время, прошедшее с введения их в действие 1 июля 1994 г., в соответствии с постановлением Совета министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090, подвергались внесению изменений не менее девятнадцати раз [16], содержащаяся в них нормативная модель регулирования соответствующих общественных отношений всё ещё остаётся для многих их участников без преувеличения эзотерическим знанием. Вместе с тем, «Правила» являются отнюдь не единственным, а порой и не самым авторитетным текстом в процессе формирования практик, как самого рассматриваемого кластера общественных отношений, так и его упорядочивания.

Ключевая роль в упорядочивании общественных отношений, связанных с использованием механических транспортных средств, перемещением людей и грузов в пределах дорог, принадлежит комплексу норм конвенционального происхождения, определяющих социально установленные и обеспечиваемые стандарты положительно оцениваемого поведения. Этот свод «приличий» дорожного движения фигурирует в массиве доступных нам источников под разными названиями: «этика водителя» [19], «дорожная этика» [8; 9], «этика дорожного движения» [12], «водительская этика» [6]. Сложившиеся наименования, следуя, по большому счёту, в фарватере законодательно закреплённых «Правил дорожного движения», отсылают к фигуре водителя, не только как главного субъекта регулируемых общественных отношений, но и основного объекта соответствующего нормативного регулирования. Дабы хоть частично компенсировать подобного рода терминологический перекосяк (о его природе, причинах и последствиях – речь пойдёт ниже), для обозначения комплекса норм конвенционального происхождения, определяющих социально установленные и обеспечиваемые стандарты положительно оцениваемого поведения участников дорожного движения, на страницах статьи будет использоваться наименование «этика дорожного движения». Данная этика априорно предполагает множественность и равноправие субъектов данного кластера общественных отношений, выступающих одновременно и объектами его нормативного регулирования.

Этике дорожного движения не уделяется должного внимания в процессе обучения кандидатов в водители в автошколах. Не может этика дорожного движения похвастаться и объёмной литературной традицией, едва ли ни единственным наполнением которой выступает опубликованная во второй половине 80-х гг. XX в., сравнительно небольшая книга Ф.В. Илюхина «Дорожная этика» [11], ставшая к настоящему времени подлинной библиографической редкостью. В силу названных обстоятельств, содержание этики дорожного движения остаётся для многих «тайным знанием», а знакомство с ней сопряжено исключительно

с непосредственной индивидуальной практикой управления транспортными средствами. И как следствие – едва ли не абсолютная непричастность к ней таких полноправных участников дорожного движения, как пешеходы. Обстоятельства их субъектности в рамках данного кластера общественных отношений просто не создают соответствующих когнитивных предпосылок.

В свою очередь, следует подчеркнуть, что именно поведение пешеходов, участвующих в дорожном движении, подчас выступает своеобразным «проявителем» не только реальности самого существования этики дорожного движения, но и особого статуса данной категории субъектов рассматриваемого кластера общественных отношений. Вслед за законодательно установленным «Правилами дорожного движения РФ» формальным нормативным регулированием, этика дорожного движения реализует радикально патерналистский подход во всех случаях, когда речь заходит об ответственности пешеходов не только за собственные действия на дороге, но и за их последствия для других участников движения. Подобного рода позиция наводит на мысль о разных степенях ответственности предписываемых различным категориям участников дорожного движения как законодательно установленными «Правилами», так и неформальным комплексом норм этики дорожного движения. Иными словами, современная этика дорожного движения (СЭДД) предписывает именно водителям автомобилей ролевой статус более «мудрого» и «сильного» субъекта, подталкивает водительскую общественность к позиции «старшего брата» и «защитника малых сих».

При знакомстве с созданными в самых разнообразных литературных формах и жанрах многочисленными наставлениями по СЭДД возникает устойчивое впечатление о том, что её нормы, в подавляющем большинстве, ориентированы на формирование морального и социально ответственного поведения на дороге именно водителей, тогда как по отношению к пешеходам предполагается возможность не стесняемых условностями произвольных действий. Только одно, по сути энциклопедического характера, произведение о СЭДД содержит ряд этических правил и для пешеходов [15]. Такое положение вещей породило в Интернете обширный массив информационных материалов, за авторами которых просматривается консолидированное мнение водительской общественности, призывающее пешеходов руководствоваться если не нормами этики дорожного движения, то хотя бы незыблемыми законами физики.

Сказанное выше позволяют сделать ряд предположений о природе, содержании и смысловых связях СЭДД:

1) СЭДД осуществляет реминисценцию принципов феодальной морали европейского средневековья, нашедшей концентрированное выражение в моральном идеале рыцарской культуры;

2) нормы СЭДД тесным образом связаны с языком условных знаков, сигналов и жестов, принятых в среде водительской общественности;

3) СЭДД выступает неотъемлемой частью автомобильной субкультуры и обладает как универсальными (интернациональными), так и вариативными (национальными и региональными) компонентами;

4) кристаллизация норм СЭДД выступает индикатором зрелости соответствующей автомобильной субкультуры;

5) региональные варианты СЭДД обладают феодальными чертами вне зависимости от наличия оригинального исторического опыта бытования феодальных общественных отношений в прошлом;

6) СЭДД обладает значительным эволюционным потенциалом на всех уровнях своего бытования;

7) СЭДД выступает ресурсом совершенствования системы подготовки водителей и автообразования в целом;

8) СЭДД следует рассматривать как фактор налаживания и гармонизации диалога и взаимодействия между представителями различных субкультурных общностей в рамках разделяемого ими субкультурного поля.

Обозначенные предположения могут быть проверены на материале автомобильной субкультуры тихоокеанской России, южные районы которой (Приморский край) оказались эпицентром и испытательным полигоном революционной автомобилизации российского общества на рубеже XX – XXI вв.

Как уже было отмечено выше не только отечественное, но и мировое водительское сообщество (или, как об этом пишут авторы сочинений по этике дорожного движения, – содружество водителей [5;10]) находятся под жёстким, порой даже – репрессивным давлением со стороны законодательно закреплённых норм, кодифицированных в различных национальных «Правилах дорожного движения», вследствие чего у представителей данной субкультурной общности сложился своеобразный компенсаторный механизм, направленный на преодоление деформирующих последствий правового принуждения. Результатом действия этого механизма явилось формирование у представителей водительской общности модели весьма агрессивного поведения, представляющего собой одну из форм институализированного символического насилия. Сопутствующие ей ментальные установки (гордыня, претензии, недовольство, осуждение, презрение, ненависть, раздражение, гнев, досада, месть, страх, тревога и др.) были исследованы с психолого-педагогических позиций в качестве негативных, а порой, даже, разрушительных ментальных концептов [13, с. 79-89]. С нашей точки зрения, рассмотренный компенсаторный механизм создаёт благоприятные предпосылки для осуществления в рамках СЭДД реминисценций принципов феодальной морали европейского средневековья (понимаемых в ключе высказываний Ж. Дюби и прогрессивных представлений современной медиевистики [7, с. 290-291]), социокультурные условия которого предполагают высокую степень практического и символического насилия. Не тяготей водительское сообщество к аффективным насильственным практикам, подобного рода реминисценции попросту оказались бы невозможны. В рамках же СЭДД задаётся высокий моральный стандарт, выдержанный в лучших традициях рыцарской культуры [14, с. 18-30]. Следует признать, что цивилизующее, «облагораживающее» влияние СЭДД на водительское сообщество тихоокеанской России сродни тому воздействию, которое оказал рыцарский этос на нравы и стандарты поведения различных сословных групп феодального общества средневековой Европы.

В содержательном плане нормы СЭДД предстают либо в форме перечня принципов, изложенных в императивной модальности, число которых варьируется от семи до шестнадцати, либо в форме комплекса из десяти катехизационных упражнений (в данном варианте просматриваются параллели, как с христианским Декалогом, так и с практикой культивирования «семи рыцарских добродетелей»). Каждая из форм и редакций свода принципов СЭДД уделяет значительное внимание (до трёх пятых от общего объёма) языку условных знаков, сигналов и жестов, используемых представителями водительского сообщества. С учётом изложенного весьма правомерным представляется вывод о том, что СЭДД выступает неотъемлемой частью автомобильной субкультуры. Отличительной особенностью СЭДД в рамках автомобильной субкультуры тихоокеанской России выступает отсутствие формальной кодификации

её норм. В доступном массиве информационных ресурсов, позволяющих судить о содержании норм СЭДД, так и не удалось обнаружить те, которые можно было бы возможно с высокой степенью уверенности соотнести с ареалом тихоокеанской России. Некоторым заменителем кодификации норм СЭДД автомобильной субкультуры региона могут служить максимумы этического содержания, разбросанные во множестве по страницам эпических произведений художественной литературы, публицистическихopusов, опубликованных в печатных и электронных СМИ.

СЭДД содержит инвариантную и вариативную часть. Инвариантную часть СЭДД составляет универсальный (интернациональный) компонент. В состав же вариативной части входят национальный и региональный компоненты. Необходимо отметить то обстоятельство, что наиболее изученным и чаще всего обсуждаемым является именно универсальный (интернациональный) компонент СЭДД. Национальный и региональный компоненты СЭДД, по большому счёту, всё ещё ждут своих исследователей. Не является в этом отношении исключением и этика дорожного движения, сформировавшаяся в контексте автомобильной субкультуры тихоокеанской России. Ведя речь о компонентном составе СЭДД, необходимо обратить внимание на соотношение данных компонентов в содержательском плане, что представляет собой весьма непросто исследователю задачу. Дело в том, что доступные для анализа тексты и иные медиаформы содержат сведения именно об универсальном (интернациональном) компоненте СЭДД. В этом отношении имеется уникальная возможность изучения содержания этики дорожного движения (одного из вариантов воплощения в социокультурной реальности регионального компонента СЭДД), сложившейся в рамках автомобильной субкультуры тихоокеанской России благодаря, без преувеличения, эпическому произведению владивостокского журналиста и писателя В.О. Авченко «Правый руль» [1].

Опираясь на разнообразные сведения, содержащиеся в документальном романе В.О. Авченко «Правый руль» (в тексте произведения удалось насчитать более четырнадцати упоминаний о морально-этических аспектах автомобильной субкультуры региона) представляется возможным осуществить реконструкцию содержания регионального компонента СЭДД, выступающего органической частью автомобильной субкультуры тихоокеанской России. Начавшая более двадцати лет назад обвальная автомобилизация региона и последовавшая за этим «великая эпоха» процветания праворульных автомобилей иностранного (в подавляющем большинстве – японского) производства [2], породили автомобильную субкультуру нового типа, аналогов которой в отечественной автомобильной истории ещё не было. Взрывное увеличение числа активных автомобилистов, увеличение числа автомобилей, возрастание плотности и скорости потоков движения, радикальное изменение условий реальной доступности удалённых объектов и территорий – всё это обострило и без того болезненно ощущавшуюся ранее вопиющую неэффективность решений, реализованных в процессе создания транспортной инфраструктуры региона [4, с. 41-45]. Сложившаяся в это время региональная автомобильная субкультура была своеобразным «диким полем», пространством малоцивилизованным, варваризированным, жившим согласно наихудшей версии «закона джунглей». За прошедшее двадцатилетие ситуация изменилась, и изменилась коренным образом. Ныне лихоимство и хамство на дороге воспринимаются как причуда, знак элементарной невоспитанности или как анахронизм ушедшей эпохи «лихих 90-х». В связи с этим, правомерным представляется сделать вывод о том, что кристаллизация норм этики дорожного движения выступает индикатором зрелости автомобильной субкультуры рассматриваемого региона.

Тем не менее, ежедневные наблюдения за поведением участников дорожного движения в урбанистическом пространстве юга тихоокеанской России позволяют обнаружить всё ещё встречающиеся случаи морально-девиантных действий (перестроение без использования световых сигналов поворота, неправомерное использование звукового сигнала для психологического воздействия на других участников дорожного движения и т.д.) со стороны владельцев (водителей) крупных, мощных (и, соответственно, дорогих) легковых автомобилей повышенной проходимости, поступающих в нарушение устоявшихся «дорожных приличий» с позиции «хозяина дороги», статус которого они себе приписывают. Однако, последовательное общественное осуждение подобного рода поведения делает его всё менее престижным и популярным. Более того, в процессе, в конечном итоге, неизбежной кодификации норм региональной этики дорожного движения необходимо уделить особое внимание санкции данного морального недуга в сообществе автомобилистов. Для этого перечень из десяти катехизационных упражнений следует дополнить ещё несколькими, отражающими состояние и проблемы регионального компонента СЭДД. Среди них: 1) обязательная езда по городу в течение нескольких дней в месяц на так называемом «горбате» «Запорожце» советского производства (что могло бы стать основой для расширения спектра коммерческих образовательных услуг автошкол и Всероссийского общества автолюбителей (ВОА); 2) тренинги-медитации сострадания к владельцам джипов и кроссоверов, судьба которых в городском транспортном потоке незавидна (им тесно и неудобно на городских улицах как Кинг Конгу в «бетонных джунглях» Манхэттена).

Отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что тихоокеанская Россия как регион отечественного социокультурного пространства не имеет аутентичного феодального опыта, что, на первый взгляд, в известной степени, проблематизирует наличие у регионального варианта СЭДД соответствующих феодальных черт. Однако, результаты исследований, посвящённых бытованию компонентов рыцарского этоса за пределами собственно западноевропейского социокультурного ареала, позволяют обнаруживать различные феодально-рыцарские аспекты в историческом опыте Руси-России [18, с. 108-109] и стран конфуцианского Дальнего Востока [3, с. 135-143]. Исходя из этого допустимо предпологать, что СЭДД автомобильной субкультуры тихоокеанской России может обнаруживать черты феодальной морали и рыцарского этоса, восходящие к историческому опыту центральных районов отечественного социокультурного пространства (моральный кодекс русских витязей, сословная этика российского дворянства), с одной стороны, и соответствующим аспектам наследия конфуцианско-дальневосточной цивилизации (кодекс Бусидо японского самурайства, этика хваранского движения в Корее). С нашей точки зрения, заимствование этических прототипов региональной СЭДД из этического канона воинского сословия традиционного японского общества выглядит тем более правдоподобным, что сопровождается заимствованием из Страны Восходящего солнца многочисленных компонентов материального субстрата региональной автомобильной субкультуры. Процесс, по всей вероятности, происходит в соответствии с формулой: «Железо открывает дверь идеям», отлично зарекомендовавшей себя в процессе модернизации Японии после Мэйдзи исин. Поэтому неудивительно, что СЭДД автомобильной субкультуры тихоокеанской России обладает феодальными чертами вне зависимости от наличия в регионе аутентичного опыта бытования феодальных общественных отношений в прошлом.

За прошедшие с момента начала революционной автомобилизации региона двадцать с небольшим лет СЭДД автомобильной субкультуры

тихоокеанской России претерпела значительную эволюцию: от «дикого поля» начала 90-х гг. XX в. – через кристаллизацию массива норм и правил в сознании и поведении представителей различных групп участников дорожного движения (в первую очередь, водительской общественности) – к порогу процесса кодификации её содержания в региональном медиа контенте. С учётом указанных обстоятельств, можно утверждать, что СЭДД автомобильной субкультуры тихоокеанской России обладает подтверждённым эволюционным потенциалом.

Как уже отмечалось выше, СЭДД выступает ценным ресурсом совершенствования системы подготовки водителей и автообразования в целом, способствуя расширению спектра форм и направлений автомобильного образования, диверсификации комплекса услуг, оказываемых субъектами данного кластера системы профессионального образования, в том числе и на коммерческой основе. Кроме того, включение СЭДД в содержание автообразования позволит значительно усовершенствовать морально-психологическую подготовку всех участников дорожного движения и обеспечит модернизацию воспитательной составляющей подготовки кандидатов в водители. Для отличающегося насыщенностью конкурентной среды регионального кластера автообразования обращение к СЭДД открывает возможности для осуществления ряда гуманитарных инициатив, призванных продемонстрировать высокую степень социальной ответственности субъектов, существующей в регионе подсистемы автообразования. Речь, в первую очередь, идёт о необходимости проводить благотворительные «Месячники пешехода», в рамках которых представители данной категории участников дорожного движения совершенно бесплатно могли бы не только изучать теорию и практику ПДД, но и знакомиться с нормами СЭДД как моральной основой реального поведения представителей водительской общественности и «тактики эффективного выживания» в реальных условиях дорожного движения. В плане благотворительных акций субъектов региональной подсистемы автообразования, ориентированных на представителей водительской общественности, наиболее очевидной формой их организации могут служить семинары-тренинги, направленные на закрепление в сознании водителей норм и идеалов ответственного и толерантного поведения в процессе дорожного поведения.

Подобного рода действия, в конечном итоге, будут способствовать тому, что СЭДД автомобильной субкультуры тихоокеанской России перестанет быть эзотерическим знанием, доступным только представителям сообщества водителей. Напротив, данная этика способна стать морально-этической основой для конструктивного диалога, взаимодействия и партнёрства между различными категориями участников дорожного движения в регионе. СЭДД автомобильной субкультуры тихоокеанской России обладает реальным потенциалом для совместного преодоления влияния комплекса природно-географических, социальных, экономических, техносферных и др. факторов, значительно осложняющих осуществление дорожного движения в ареале региона для всех категорий участников данного процесса.

Таким образом, можно говорить о том, что обозначенные выше предположения о природе, содержании и смысловых связях СЭДД автомобильной субкультуры тихоокеанской России, в совокупности образующие своего рода, исследовательскую программу, открывают новые горизонты изучения морально-этических аспектов региональной автомобильной субкультуры и практической деятельности, направленной на придание цивилизованного облика дорожному движению в регионе, мерой конечного успеха которой выступает повышение степени безопасности для всех его участников.

В заключение представляется необходимым ещё раз обратить внимание на то обстоятельство, что изучение содержания, тенденций и перспектив эволюции СЭДД в контексте автомобильной субкультуры тихоокеанской России только начато и, в настоящее время, ещё весьма далеко от завершения.

Литература

1. Авченко, В. Правый руль: докум. роман / В. Авченко. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. 368 с.
2. Авченко, В. У нас была великая эпоха / В. Авченко // Новая Газета во Владивостоке [Электронный ресурс]. URL: <http://novayagazeta-vlad.ru/206/Avto/Unashbilavelikaуаеропа> (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).
3. Асмолов, К.В. Воинские сословия конфуцианского культурного региона / К.В. Асмолов // Одиссей: Человек в истории. 2004. М.: Наука, 2004. С. 127-143.
4. Ахиезер, А.С. Неэффективность решений как фактор дезорганизации общества (на примере транспортной системы России) / А.С. Ахиезер, Г.А. Гольц // Общественные науки и современность. 2003. № 6. С. 41-50.
5. Водительская этика [Электронный ресурс]. URL: <http://avtoshkola.pisem.net/etika.htm> (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).
6. Водительская этика, вежливость на дороге, условные знаки и язык автомобилистов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vashamashina.ru/etika.html> (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).
7. Гуревич, А.Я. К истории понятий. «Феодальное средневековье»: что это такое? Размышления медиевиста на грани веков / А.Я. Гуревич // Одиссей: Человек в истории. 2007. М.: Наука, 2007. С. 261-293.
8. Дорожная этика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.honda-club.kz/forum/?topic=806> (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).
9. Дорожная этика [Электронный ресурс]. URL: http://www.raut.ru/article/dorozhnaja_jetika.html (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).
10. Дорожная этика водителей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.autodrive.ru/users/Liluka/blog/654b5bc2f10f/> (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).
11. Илюхин Ф.В., Дорожная этика. М.: Изд-во «Транспорт», 1988. 79 с.
12. Колодийчук, А. Этика дорожного движения для водителей / А. Колодийчук [Электронный ресурс]. URL: http://bycars.ru/journal/etika-dorozhnogo-dvizheniya_883 (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).
13. Кузнецов, В.А. Ментальная подготовка кандидатов в водители: Новая философия обучения: Практич. методика / В.А. Кузнецов. Ижевск, 2010. 114 с.
14. Лучицкая, С.И. Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского средневековья / С.И. Лучицкая // Одиссей: Человек в истории. 2004. М.: Наука, 2004. С. 7-35.
15. НАРОДНЫЕ ПРАВИЛА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ – Форумы на STOP-GAI.by // Stop-gai.by – решение проблем с ГАИ в Беларуси. Действия водителя при ДТП, обжалование действий. Дорожное законодательство. ПДД. КоАП. [Электронный ресурс]. URL: <http://stop-gai.by/index.php?showtopic=71> (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).
16. ПДД 2013 – Правила дорожного движения, знаки, разметка – Действующая редакция от 12.11.2012 – Редакция от 21.01.2013 (с 01.07.2013) [Электронный ресурс]. URL: http://autobloknot.autospectrans.su/load/pravitelstvo_rf/pravila/pdd_2013_pravila_dorozhnogo_dvizhenija_znaki_razmetka_dejstvujushhaja_

redakcija_ot_12_11_2012_postanovlenie_sm_rf_ot_23_10_1993_1090/20-1-0-29 (дата обращения: 03 ноября 2013 г.).

17. Правила дорожного движения Российской Федерации. М.: ООО «ИДТР», 2011. 64 с.

18. Стефанович, П.С. К спору Ю.М. Лотмана и А.А. Зимина о «чести» и «славе» в Древней Руси / П.С. Стефанович // Одиссей: Человек в истории. 2004. М.: Наука, 2004. С. 108-114.

19. Этика водителя // Автошкола на дому | Автошкола онлайн, Уроки ПДД+Вождения, Экзамен онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://natalianakonechnaja.com/etika-voditelya/> (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Avchenko, V. Pravyy rul': dokum. roman / V. Avchenko. М.: ООО «Ad Marginem Press», 2012. 368 с.

2. Avchenko, V. U nas byla velikaya ehpokha / V. Avchenko // Novaya Gazeta vo Vladivostoke [Электронный ресурс]. URL: <http://novayagazeta-vlad.ru/206/Avto/Unasbilavelikayaepokha> (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).

3. Asmolov, K.V. Voinskie sosloviya konfutsianskogo kul'turnogo regiona / K.V. Asmolov // Odissey: CHelovek v istorii. 2004. М.: Nauka, 2004. S. 127-143.

4. Akhiezer, A.S. Neeffektivnost' reshenij kak faktor dezorganizatsii obshhestva (na primere transportnoj sistemy Rossii) / A.S. Akhiezer, G.A. Gol'ts // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2003. № 6. S. 41-50.

5. Voditel'skaya ehtika [Электронный ресурс]. URL: <http://avtoshkola.pisem.net/etika.htm> (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).

6. Voditel'skaya ehtika, vezhlivost' na doroge, uslovnye znaki i yazyk avtomobilistov [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vashamashina.ru/etika.html> (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).

7. Gurevich, A.YA. K istorii ponyatij. «Feodal'noe srednevekov'e»: chto ehto takoe? Razmyshleniya medievista na grani vekov / A.YA. Gurevich // Odissey: CHelovek v istorii. 2007. М.: Nauka, 2007. S. 261-293.

8. Dorozhnaya ehtika [Электронный ресурс]. URL: <http://www.honda-club.kz/forum/?topic=806> (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).

9. Dorozhnaya ehtika [Электронный ресурс]. URL: http://www.raut.ru/article/dorozhnaya_etika.html (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).

10. Dorozhnaya ehtika voditelej [Электронный ресурс]. URL: <http://www.autodrive.ru/users/Liluka/blog/654b5bc2f10f/> (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).

11. Пыухин F.V., Dorozhnaya ehtika. М.: Изд-во «Transport», 1988. 79 с.

12. Kolodijchuk, A. Ehtika dorozhnogo dvizheniya dlya voditelej / A. Kolodijchuk [Электронный ресурс]. URL: http://bycars.ru/journal/etika-dorozhnogo-dvizheniya_883 (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).

13. Kuznetsov, V.A. Mental'naya podgotovka kandidatov v voditeli: Novaya filosofiya obucheniya: Praktich. metodika / V.A. Kuznetsov. Izhevsk, 2010. 114 с.

14. Luchitskaya, S.I. Rytsarstvo – unikal'nyj fenomen zapadnoevropejskogo srednevekov'ya / S.I. Luchitskaya // Odissey: CHelovek v istorii. 2004. М.: Nauka, 2004. S. 7-35.

15. NARODNYE PRAVILA DOROZHNOGO DVIZHENIYA – Forumy na STOP-GAI.by // Stop-gai.by – reshenie problem s GAI v Belarusi. Dejstviya voditelya pri DTP, obzhalovanie dejstvij. Dorozhnoe zakonodatel'stvo. PDD. KoAP. [Электронный ресурс]. URL: <http://stop-gai.by/index.php?showtopic=71> (дата обращения: 20 ноября 2013 г.).

16. PDD 2013 – Pravila dorozhnogo dvizheniya, znaki, razmetka – Dejstvuyushhaya redaktsiya ot 12.11.2012 – Redaktsiya ot 21.01.2013 (s 01.07.2013) [Электронный ресурс]. URL: <http://autobloknot.autospectrans.ru/>

load/pravitelstvo_rf/pravila/pdd_2013_pravila_dorozhnogo_dvizheniya_znaki_razmetka_dejstvujushhaja_redakcija_ot_12_11_2012_postanovlenie_sm_rf_ot_23_10_1993_1090/20-1-0-29 (data obrashheniya: 03 noyabrya 2013 g.).

17. Pravila dorozhnogo dvizheniya Rossijskoj Federatsii. M.: OOO «IDTR», 2011. 64 s.

18. Stefanovich, P.S. K sporu YU.M. Lotmana i A.A. Zimina o «chesti» i «slave» v Drevnej Rusi / P.S. Stefanovich // Odissej: CHelovek v istorii. 2004. M.: Nauka, 2004. S. 108-114.

19. Ehtika vokitelya // Avtoshkola na domu | Avtoshkola onlajn, Uroki PDD+Vozhdeniya, EHkzamen onlajn [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://natalianakonechnaja.com/etika-vokitelya/> (data obrashheniya: 20 noyabrya 2013 g.).

УДК 06

*Прокопчук А.В.
Prokopchuk A.V.*

Автомобильные компании и благотворительность: мировой опыт

Cars companies and philanthropy: world experience

Автомобильные компании, прочно закрепившиеся на рынке, нередко участвуют в благотворительных акциях, являются спонсорами проектов и программ. Иногда эта деятельность осуществляется через системные фонды, как, например, General Motors Foundation, Ford Foundation, Volkswagen Foundation и другие.

Ключевые слова: *автомобильные компании, благотворительные программы, системные фонды автоконцернов*

Famous cars companies very often takes part in philanthropic programs. Many of them have foundations like General Motors Foundation, Ford Foundation, Volkswagen Foundation, ext.

Key words: *cars companies, philanthropic programs, system foundations of automakers*

Автомобильные компании, такие как General Motors, Ford Motors Company, Toyota Motors, Mitsubishi Motors, Honda Motors, Volkswagen, Daimler AG, Renault, прочно закрепившиеся на рынке, нередко участвуют в благотворительных акциях, являются спонсорами проектов и программ. Иногда эта деятельность осуществляется через системные фонды.

Фонд – это некоммерческая организация, которая учреждается юридическими либо физическими лицами на основе добровольных имущественных взносов. Деятельность фонда корпорации как социального посредника заключается, в первую очередь, в том, чтобы разработать политику участия фирмы в социальном сотрудничестве, выделяя приоритетные направления благотворительности. В мировой практике компания, образовавшая фонд, имеет специальные налоговые льготы. Кроме того средства фондов также находятся под охраной закона о налогообложении и являются собственностью фонда. Социально значимая деятельность данных некоммерческих организаций формирует позитивный имидж компании, образовавшей фонд.

Поддержка системных благотворительных фондов сыграла важную роль в развитии современной науки и художественного творчества, оказывая помощь, в первую очередь, тем направлениям, которые не финансируются государством.

ПРОКОПЧУК Александра Владимировна, к.искусствоведения, доцент Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского. (г. Владивосток). **E-mail:** sandra22002@mail.ru

Представительство General Motors Foundation (далее – GMF) находится в США, г. Детройт. Как сообщается на официальном сайте фонда, основными направлениями, которые он финансирует, являются проблемы образования, здравоохранения и социального обслуживания, экологические проблемы, социально-экономические проблемы [8]. Средства могут предоставляться на стартовый капитал, материально-технические расходы, строительство и ремонт, срочную помощь, проведение кампаний по сбору средств для проекта.

Все мероприятия, проводимые при поддержке GMF, регистрируются в разделе «Новости» на сайте. Из последних событий приводятся сведения о выделении 100 000 долларов Central Park города Нью-Йорка на обучающую программу 10 сентября 2013 года. В октябре 2013 г. GMF перечислил 50 000 долларов Музею современных искусств г. Детройта. Здесь же отмечается, что сотрудничество между фондом и различными учреждениями культуры и некоммерческими организациями имеет давнюю историю, а в последние три года фонд выделил Детройтскому музею гранты на общую сумму 23, 2 млн. долларов [8].

Старейший Ford Foundation (далее – FF), учреждённый в 1936 году, в настоящее время ведёт свою деятельность во всех 50 штатах США и в 10 регионах мира, среди которых Латинская Америка, Африка, Азия и Ближний Восток.

Вопросы и инициативы, которые поддерживаются фондом, связаны с проблемами экономики, государственного управления, образования, свободы слова, прав человека, коммунального и социального обслуживания, репродуктивного здоровья и экологии. На официальном сайте подчёркивается, что программы фонда отражают приверженность социальной справедливости, направлены на укрепление демократических ценностей, сокращение бедности, развитие науки, художественного творчества [7].

По официальным сведениям фонда, ежегодно выделяется около 1400 грантов (на 40 000 получаемых заявок), а на финансирование программ по всему миру израсходовано более 16, 3 млрд. долларов. В отчёте за 2012 год указывается, что за подотчётный период в совокупности инвестиции составили более 600 млн. долларов в около 400 проектов [7].

В 2013 году FF принимал финансовое участие в Международной программе «The Power of Manu», программе по совершенствованию структуры управления г. Детройтом, в международной конференции, посвящённой вопросам мировой экономики и многих других. Значительную часть средств FF выделяет на нужды симфонических оркестров в США.

В Ганновере расположено представительство Volkswagen Foundation или Volkswagen Stiftung (далее – VS). Средства данного фонда предоставляются только научным учреждениям. Причём заявки иностранных научных учреждений рассматриваются в случае наличия договора о сотрудничестве с учёными Германии. Основная цель деятельности VS состоит в финансировании научно-исследовательских проектов в случае актуальности заявленной темы.

Направлениями финансирования фонда являются:

– содействие научно-исследовательским проектам в области естественных и инженерных наук, а также теоретической медицины, осуществляемых научными учреждениями стран Центральной и Восточной Европы в сотрудничестве с учёными Германии;

– осуществление различного вида помощи с целью улучшения условий научной работы и академического преподавания в учреждениях стран Центральной и Восточной Европы в сотрудничестве с учёными Германии [11].

Отдавая предпочтение научно-исследовательским проектам, в октябре 2013 года VS оказал содействие в издании англо-язычного журнала «Crossing Borders», в проведении Восьмого международного симпозиума «The World during the First World War» [11].

С 1986 года функционирует Gottlieb Daimler- und Karl Benz-Stiftung (далее – DBS), основанный компанией Daimler-Benz (такое название носил в то время концерн Daimler AG) в качестве самостоятельной организации. Фонд ежегодно присуждает стипендии молодым аспирантам, проводящим исследования в немецких институтах по всем направлениям с целью написания кандидатской диссертации. Стипендии в размере 970 евро в месяц выделяются на срок не более двух лет. По условиям фонда, поддержка предоставляется претендентам в возрасте до 30 лет, получившим диплом (магистра или специалиста) не более 1 года назад, имеющим приглашение от германской стороны и проект предполагаемого исследования. Программа стипендий «Research in foreign countries» не распространяется на исследования с целью написания диплома или докторской диссертации, а также на финансирование визитов с целью обучения и повышения квалификации [9].

Среди руководящих принципов компании Toyota существует принцип, который гласит: «Уважать культуру и традиции всех наций и способствовать своей деятельностью экономическому и социальному развитию общества». Опираясь на данный принцип, руководство компании заявляет: «Где бы мы ни вели свой бизнес, мы активно участвуем в благотворительной деятельности, как самостоятельно, так и с нашими партнёрами, направляя свои усилия на укрепление сообщества и улучшение качества жизни» [3].

Социальная позиция компании реализуется на практике. Так, 11 октября 2013 года Toyota Motors выделила средства на проведение выставки живописи и графики «Бриллиант десяти сил» в Мытищинской районной картинной галерее. Нынешний президент компании господин Такеши Исогая отметил, что данный проект отражает философию автоконцерна – способствовать гармоничному развитию общества во всех регионах своего присутствия [3]. Во Владивостоке в сентябре 2013 года Тойота Центр Владивосток являлся официальным партнёром Международной музыкальной конференции V-ROX, выделив для передвижения участников мероприятия 7 автомобилей [5]. Тойота Центр Хабаровск в августе 2013 года стал автомобильным партнёром группы Мумий Тролль во время их гастролей в городе, а в сентябре этого же года предоставил автомобили для немецкого коллектива U. D. O. в рамках гастрольного тура группы по России [6].

На официальном сайте компании в Америке сообщается о благотворительных акциях Toyota Motors, среди которых отметим благотворительную программу по передаче 100 автомобилей некоммерческим организациям страны [4].

Финансовую поддержку образовательной деятельности осуществляет фонд Renault, выделяя каждый год 70 стипендий иностранным студентам для обучения по специальным программам компании [см. об этом 1].

С 1970-х годов функционирует Honda Foundation, образованный при участии основателя компании господина Соитиро Хонда, выделяя средства на изучение влияния науки и технологии на окружающую среду, на помощь нуждающимся слоям населения [2].

Благотворительную деятельность ведёт компания Mitsubishi. Одно из значимых направлений, которое финансово поддерживает Mitsubishi – социальная адаптация людей с ограниченными возможностями [см., например, 10].

Благотворительная и спонсорская деятельность, осуществляемая автомобильными компаниями, с одной стороны, является формой как имиджевой политики компании, так и экономической стратегии. Но с другой, общественно значимой стороны, способствует решению различных социальных и культурных проблем.

Литература

1. Официальный сайт Посольства Франции о стипендиях [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bgfrussie.ru> (дата обращения: 16.10.2013 г.).
2. Официальный сайт представительства Honda Motors в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.honda.co.ru> (дата обращения: 16.10.2013 г.).
3. Официальный сайт Toyota в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.toyota.ru> (дата обращения: 15.10.2013 г.).
4. Официальный сайт Toyota в США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.toyota.com> (дата обращения: 15.10.2013 г.).
5. Тойота Центр Владивосток [Электронный ресурс]. URL: <http://www.toyota-vvo.ru> (дата обращения: 15.10.2013 г.).
6. Тойота Центр Хабаровск [Электронный ресурс]. URL: <http://www.toyota-khv.ru> (дата обращения: 16.10.2013 г.).
7. Ford Foundation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fordfoundation.org> (дата обращения: 15.10.2013 г.).
8. General Motors Foundation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gm.com/gmfoundation> (дата обращения: 15.10.2013 г.).
9. Gottlieb Daimler- und Karl Benz-Stiftung [Электронный ресурс]. URL: www.daimler-benz-stiftung.de (дата обращения: 16.10.2013 г.).
10. Mitsubishi Electric America Foundation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.meaf.org> (дата обращения: 16.10.2013 г.).
11. Volkswagen Foundation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.volkswagenstiftung.de> (дата обращения: 16.10.2013 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Ofitsial'nyj sajt Posol'stva Frantsii o stipendiyakh [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.bgfrussie.ru> (data obrashheniya: 16.10.2013 g.).
2. Ofitsial'nyj sajt predstavitel'stva Honda Motors v Rossii [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.honda.co.ru> (data obrashheniya: 16.10.2013 g.).
3. Ofitsial'nyj sajt Toyota v Rossii [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.toyota.ru> (data obrashheniya: 15.10.2013 g.).
4. Ofitsial'nyj sajt Toyota v SSHA [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.toyota.com> (data obrashheniya: 15.10.2013 g.).
5. Tojota TSentr Vladivostok [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.toyota-vvo.ru> (data obrashheniya: 15.10.2013 g.).
6. Tojota TSentr KHarbarovsk [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.toyota-khv.ru> (data obrashheniya: 16.10.2013 g.).
7. Ford Foundation [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.fordfoundation.org> (data obrashheniya: 15.10.2013 g.).

8. General Motors Foundation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gm.com/gmfoundation> (дата обращения: 15.10.2013 г.).

9. Gottlieb Daimler- und Karl Benz-Stiftung [Электронный ресурс]. URL: www.daimler-benz-stiftung.de (дата обращения: 16.10.2013 г.).

10. Mitsubishi Electric America Foundation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.meaf.org> (дата обращения: 16.10.2013 г.).

11. Volkswagen Foundation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.volkswagenstiftung.de> (дата обращения: 16.10.2013 г.).

УДК 06

Лаврентьев А.В.
Laurent'ev A.V.

Развитие российско-китайских автомобильных сообщений: исторический опыт и современные тенденции

The development of Russian-Chinese automobile posts:
historical experience and current trends

Анализируются условия организации и проблемы осуществления международных автомобильных перевозок на приграничных территориях Дальнего Востока Российской Федерации.

Ключевые слова: транспорт, международные отношения, история, регион

The conditions of the organization and implementation issues of international road transport in the border areas of the Far East of the Russian Federation are analyzed.

Key words: transport, international relations, history, region

Поиск оптимальных способов сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии продолжается на протяжении нескольких последних десятилетий. Однако достигнуть конструктивных результатов, основанных на стабильной взаимной заинтересованности и доверии, пока не получается.

Не является исключением и система автомобильных коммуникаций, связывающая дальневосточные субъекты и динамично развивающиеся провинции Китая, которая при всей очевидной значимости и перспективности не вполне отвечает современным запросам обеих сторон. Её становление на дальневосточных рубежах происходило на фоне сложных противоречивых обстоятельств перехода к открытой модели экономических связей с зарубежными партнёрами.

В ходе нормализации советско-китайских отношений и активизации торгово-экономических контактов в конце 1980-х гг. возникла потребность их стабильной транспортной обеспеченности. Автомобильные сообщения изначально имели некоторые преимущества перед остальными видами коммуникаций, так как отпадала необходимость в дополнительных погрузо-разгрузочных операциях, существовали возможности для малых (пробных) объёмов перевозок при сравнительно небольших организационных издержках.

По инициативе местных властей в экспериментальном порядке осуществлялись нерегулярные автомобильные рейсы между соседними районами Дальнего Востока и китайскими провинциями. Основой для

ЛАВРЕНТЬЕВ Александр Валентинович, к.и.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. (г. Владивосток). **E-mail:** lavrist@list.ru

движения международного автотранспорта в зимний период становились ледовые трассы, создаваемые по рекам Амур и Уссури на приграничных с КНР территориях Хабаровского края, Еврейской автономной и Амурской областей.

В 1990 г. открылся первый постоянный пункт пропуска автомашин на границе, а в 1992 г. в Пекине было заключено межправительственное соглашение о международном автомобильном сообщении [8]. Созданные впоследствии российско-китайские маршруты сыграли важную роль на новом этапе международных отношений. Помимо функции снабжения населения, они предоставили условия для туристического и делового перемещения людей; содействовали установлению контактов в самых различных сферах.

Однако ввиду ужесточения правил ведения приграничной торговли, повышения тарифов на импорт и установления визового режима посещения сопредельных территорий с середины 1990-х гг. в российско-китайских региональных транспортных связях наблюдалась нестабильность. Негативно на работе международных коммуникаций Дальнего Востока и КНР сказался кризис российской финансовой системы. В Приморском крае, где располагались все круглогодичные автомобильные пункты пропуска, за 1998 г. было перевезено почти в 2,5 раза меньше грузов, чем в 1997 г. (**А ДВ АСАМП. Справка о работе автомобильных пунктов пропуска за период с 1993 по 2001 гг. Л. 4.**)

Пограничные пункты пропуска нередко оказывались под влиянием сомнительных, как правило, маскировавшихся под предпринимательские организации, структур. В ситуации социально-экономической нестабильности и правовой неразберихи допускались многочисленные нарушения с явным криминальным и коррупционным оттенком. Передача местным администрациям права взимания сборов (на развитие приграничной инфраструктуры) не давала ощутимых результатов: к 2001 г. обеспеченность автомобильных переходов на границе с КНР служебными помещениями и техническими средствами таможенного контроля составляла 72%; связью – 64%; вычислительной техникой – 60% [4, с. 39].

В ходе относительной стабилизации и замедления темпов хозяйственной стагнации с начала 2000-х гг. в очередной раз предпринимаются меры по усилению внешнеэкономической направленности государственной политики. Более пристальное внимание начинает уделяться региональным аспектам международных связей. Одной из первоочередных задач в новой внешнеполитической концепции России объявлялось развитие дружественных отношений с Китаем; приведение масштабов экономического взаимодействия в соответствие с уровнем политических отношений [3].

Для улучшения работы пунктов пропуска была принята федеральная целевая программа «Государственная граница Российской Федерации» на 2003 – 2010 гг. В 2007 г. образуется специальное Агентство по обустройству государственной границы с дирекцией по строительству и эксплуатации (Росгранстрой). Создавалась сеть соответствующих территориальных управлений, в том числе и на Дальнем Востоке [5]. Новому органу отводилась функция генерального координатора-заказчика, принадлежавшая ранее исключительно Федеральной службе безопасности. Помимо надёжной охраны и защиты границ в уставных документах ведомства декларировались задачи создания благоприятных условий для внешнеторговой деятельности.

С 2008 г. законодательно изменялся порядок организации и функционирования пунктов пересечения границы. Новые правила расширя-

ли потенциальные возможности для их организации, усиливая вместе с тем формальные требования к соответствию и работе [6].

С учётом предполагаемой интенсификации международных контактов возобновлялись переговоры с представителями транспортных структур КНР о необходимости совместного развития объектов приграничной инфраструктуры. Масштабная модернизация автомобильных объектов закреплялась в «Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики», подписанной главами обеих стран в 2009 г. и рассчитанной до 2018 г. Она ориентирована на транспортировку в китайские провинции сырья и его последующий реэкспорт в дальневосточные районы. Ряд мер предусматривает создание оптимального доступа к китайским курортным зонам российских туристов [10]. Администрациям и специальным службам на сопредельных территориях направлялись поручения из центральных ведомств по подготовке необходимых обоснований намечаемых проектов.

Наметилась поступательная динамика роста объёмов российско-китайских автотранспортных перевозок. Не повлёк за собой длительного спада в этом сегменте сотрудничества мировой экономической кризис. Так, общий объём перемещённых автомобильным транспортом грузов между Россией и Китаем в 2010 г. по сравнению с 2009 г. увеличился на 8,4%. За 5 месяцев 2011 г. перевозки увеличились по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. уже на 33% [11].

Развивались и новые формы участия автотранспорта в международной интеграции Дальнего Востока. Так, крупнейшая компания «Приморавтотранс» стала сухопутным участником маршрута по перевозке транзитных китайских грузов для Республики Корея и соответственно корейских товаров для «Поднебесной». Они доставлялись из южно-корейского порта Сокчхо в приморский порт Зарубино судами, а затем следовали автомашинами в Хуньчун и обратно по той же схеме. Автомобилистами регионального предприятия на этой смешанной транспортной линии за первую половину 2009 г. было перевезено около 1 тыс. контейнеров и 2 тыс. пассажиров [10, с. 15].

Вместе с тем, сохранялись весомые препятствия для совершенствования приграничных (в том числе и автомобильных) связей. Для их преодоления требовался переход уже на другой, более качественный уровень российско-китайского диалога. Однако системных и последовательных изменений в этом направлении происходило недостаточно.

Негативное влияние оказывало отсутствие специальной законодательной основы для полноценных контактов субъектов РФ с территориями сопредельных государств. Отдельные международные договоры и соглашения не формировали общего механизма взаимодействия. В отечественной правовой сфере до сих пор отсутствуют устойчивые характеристики таких понятий, как приграничное сотрудничество и его участники, приграничный субъект и соответствующее муниципальное образование. Существует острая необходимость, с одной стороны, унифицировать нормативную базу, касающуюся этих вопросов, а с другой – определить масштаб самостоятельности регионов и местных администраций в ходе осуществления социально-экономических связей с зарубежными соседями.

Принятие обсуждаемого длительное время законопроекта, регулирующего эти аспекты, пока не случилось. Администрациями различного уровня не только не использовалось важное конкурентное преимущество приграничного положения, но зачастую в ещё большей мере наблюдалось сохранение депрессивных явлений, вызванных распадом СССР.

Пробелы в международном законодательстве сдерживали организацию прямых маршрутов к крупным деловым и культурным центрам сопредельных провинций КНР. Создание удобных схем перемещения обуславливалось как возрастающим грузооборотом, так и потоком российских туристов, которые пользовались услугами автотранспорта для поездок в соседнюю страну. В договорённостях между Россией и Китаем не раскрывалось понятие «приграничное сообщение». В связи с этим, неопределённой остаётся глубина проезда для иностранного транспорта по территории КНР. По причине сформировавшейся зависимости от китайских товаров и необходимости сбыта сырья вышеуказанная проблема негативно сказывается на интересах дальневосточной предпринимательской среды и продолжает являться конкурентным преимуществом для китайцев.

Транспортировка из КНР остаётся довольно хлопотным делом также по причине неучастия Китая в международной таможенной конвенции по автомобильным перевозкам (МДП), которая предусматривает единое документационное обеспечение процесса передвижения. Поэтому, несмотря на видимое преобладание в общей структуре приграничных сообщений отечественных перевозчиков, большая часть материально-организационных издержек и разного рода рисков несёт российская сторона. Ограниченность проезда и длительные таможенные процедуры вынуждают привлекать два транспортных средства: одно доставляет товар или пассажиров к пограничной зоне, а другое (после очередной перегрузки) уже на российский Дальний Восток. По мнению представителя Управления государственного автодорожного надзора по Амурской области Е. Сиянович, китайская логистическая политика состоит в «максимальном использовании своей территории, своего транспорта и складского хозяйства при перевозке грузов внешней торговли» [7].

В связи с этим среди российских специалистов, занимающихся рынком международных перевозок, бытует мнение об ошибочности создания многочисленных непаритетных переходов на российско-китайской границе, неоправданности затрат на их содержание при постоянном дефиците средств и непрозрачности их распределения.¹ Использование механизмов государственно-частного партнёрства в сфере организации и совершенствования международных автомобильных коммуникаций замедляется из-за отсутствия чётких правовых гарантий для потенциальных инвесторов. Соответствующие сборы, устанавливаемые за пересечение границы, не имеют чётких критериев взимания. Они не учитывают в полной мере конъюнктуру международных перевозок, продолжая к тому же уходить часто не по назначению.

Государственная программа технического переоснащения пограничной инфраструктуры, принятая на период с 2003 по 2010 гг., постоянно корректировалась. За время её действия было обустроено менее половины автомобильных и лишь отдельные железнодорожные, морские и воздушные пункты пропуска. Приграничные автомобильные пункты на Дальнем Востоке России (большинство из которых продолжали с периода их открытия не соответствовать установленным требованиям) первоначально вообще не вошли в число объектов этой программы. Исключением стал автопереход «Пограничный», где предусматривалась установка инспекционно-досмотрового комплекса для контроля грузовых автомобилей [1, с. 5].

¹ По последним официальным сообщениям в СМИ контрольными службами выявлены факты нецелевого расходования бюджетных средств руководством Федерального агентства по обустройству границы РФ. Так, в 2011 г. Хабаровский филиал с 35-ю пунктами пропуска получил 53 млн. рублей, а махачкалинскому, на территории которого располагаются 14 пограничных объектов такого типа, было выделено 178 млн. [2].

Несмотря на определённую интенсификацию автотранспортных сообщений Дальнего Востока и КНР, их развитие в начале XXI века сопровождалось противоречивыми условиями. Многие проблемы, сформировавшиеся ещё на ранней стадии проведения внешнеэкономической либерализации региона, не находили качественных решений. Поэтому перспективные начинания в сфере транспортных взаимодействий не обрели устойчивого и взаимовыгодного эффекта.

Литература

1. Братчикова В. Дальний Восток – перспективное направление. // Парламентская газета на Дальнем Востоке. 2008. 7 февраля. С. 5.
2. Глава Росграницы уволен за перевод денег в банк отца. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tribuna.ru/news/economy/glava_rosgranitsy_uvolen_zha_perevod_deneg/ (дата обращения: 23.10.2013 г.).
3. Концепция внешней политики Российской Федерации: Утв. Президентом РФ 28 июня 2000 г. // Российская газета. №133. 2000. 11 июля.
4. Лаврентьев А.В. Приграничная транспортная система сообщений между российским Дальним Востоком и КНР (вторая половина 1980-х – 1990-е годы). // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С.39. С. 36-41.
5. Положение о Росгранице. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosgranitsa.ru/ru/agency>. (дата обращения 15.09.2013 г.).
6. Правила установления, открытия, функционирования (эксплуатации), реконструкции и закрытия пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 26 июня 2008 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. №28. Ст.3381.
7. Сиянович Е. О перспективах развития международных автомобильных перевозок. [Электронный ресурс]. URL: <http://ugadn.webkit.pro/o-perspektivah-razvitiya-mezhdunarodnyih-avtomobilnyih-perevozok/>. (дата обращения 04.11.2013 г.).
8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о международном автомобильном сообщении. // Сборник Российско-Китайских договоров. 1949 – 1999. М.: Терра-Спорт, 1999. С. 171-176.
9. Стратегическое планирование в регионах и городах России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inesnet.ru/2010/10/strategicheskoe-planirovanie-v-regionax-i-gorodax-rossii-2/>. (дата обращения 02.11.2013 г.).
10. Чарская В. АСМАП на рынке транспортных услуг. // Парламентская газета на Дальнем Востоке. 30 июня 2009. №9-10. С.15.
11. 29 июля 2011 г. в Китае состоялось пятнадцатое заседание Подкомиссии по сотрудничеству в области транспорта Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mintrans.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=16571&phrase_id=1456916 (дата обращения 29.06.2013 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bratchikova V. Dal'nij Vostok – perspektivnoe napravlenie. // *Parlamentskaya gazeta na Dal'nem Vostoke*. 2008. 7 fevralya. S. 5.
2. Glava Rosgranitsy uvolen za perevod deneg v bank ottsa. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.tribuna.ru/news/economy/glava_rosgranitsy_uvolen_za_perevod_deneg/ (data obrashheniya: 23.10.2013 g.).
3. Kontseptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii: Utv. Prezidentom RF 28 iyunya 2000 g. // *Rossijskaya gazeta*. №133. 2000. 11 iyulya.
4. Lavrent'ev A.V. Prigranichnaya transportnaya sistema soobshhenij mezhdru Rossijskim Dal'nim Vostokom i KNR (vtoraya polvina 1980-kh – 1990-e gody). // *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2009. № 4. S.39. S. 36-41.
5. Polozhenie o Rosgranitse. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.rosgranitsa.ru/ru/agency>. (data obrashheniya 15.09.2013 g.).
6. Pravila ustanovleniya, otkrytiya, funktsionirovaniya (ehkspluatatsii), rekonstruktsii i zakrytiya punktov propuska cherez gosudarstvennuyu granitsu Rossijskoj Federatsii: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26 iyunya 2008 g. // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii*. 2008. №28. St.3381.
7. Siyanovich E. O perspektivakh razvitiya mezhdunarodnykh avtomobil'nykh perevozok. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ugadn.webkit.pro/o-perspektivah-razvitiya-mezhdunarodnyih-avtomobilnyih-perevozok/>. (data obrashheniya 04.11.2013 g.).
8. Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federatsii i Pravitel'stvom Kitajskoj Narodnoj Respubliki o mezhdunarodnom avtomobil'nom soobshhenii. // *Sbornik Rossijsko-Kitajskikh dogovorov. 1949 – 1999*. M.: Terra-Sport, 1999. S. 171-176.
9. Strategicheskoe planirovanie v regionakh i gorodakh Rossii. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.inesnet.ru/2010/10/strategicheskoe-planirovanie-v-regionax-i-gorodax-rossii-2/>. (data obrashheniya 02.11.2013 g.).
10. CHarskaya V. ASMAP na rynke transportnykh uslug. // *Parlamentskaya gazeta na Dal'nem Vostoke*. 30 iyunya 2009. №9-10. S.15.
11. 29 iyulya 2011 g. v Kitae sostoyalos' pyatnadtsatoe zasedanie Podkomissii po sotrudnichestvu v oblasti transporta Komissii po podgotovke reguljarnykh vstrech glav pravitel'stv Rossii i Kitaya. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mintrans.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=16571&phrase_id=1456916 (data obrashheniya 29.06.2013 g.).

УДК 371

Киреев А.А.
Kireev A.A.

Существует ли на Дальнем Востоке России китайская диаспора?

Is there a Chinese diaspora in the Russian Far East?

На основе предложенного автором определения понятия «диаспора», в статье дается оценка возможности применения этого понятия к китайским мигрантам, находящимся на российском Дальнем Востоке. Эмпирическую базу исследования составляют данные официальной статистики, результаты социологических опросов и мнения экспертов.

Ключевые слова: *трансграничная миграция, китайские мигранты, диаспора, этносоциальные общности, Китай, Россия, российский Дальний Восток*

Based on the author's definition of "diaspora", the article assesses the possibility of applying this concept to the Chinese migrants in the Russian Far East. The empirical base of the study includes the official statistics, the results of surveys and expert opinions.

Key words: *transborder migration, the Chinese migrants, diaspora, ethno-social communities, China, Russia, the Russian Far East*

Несмотря на произошедший в 2000-е гг. явный спад ажиотажного интереса к китайской миграции, она по-прежнему остаётся заметным явлением российской жизни, не выходящим из поля зрения учёных, политиков и общественности. При этом в общественно-политическом и научном дискурсе о китайском присутствии в России всё чаще употребляется такой термин, как «диаспора». Использование этого термина, как правило, не сопровождается какой-либо концептуальной рефлексией, основано обычно на молчаливом допущении того, что он является почти синонимичным термину «мигранты». Между тем, употребление применительно к китайским мигрантам в России термина «диаспора», вольно или невольно «подключает» к изучаемому предмету новые смыслы, которые не могут не оказывать существенного влияния на его анализ и обсуждение, и на получаемые в итоге теоретические и практические выводы.

Именно поэтому размышлениям о китайской диаспоре в России, и в т.ч. её дальневосточном регионе, должно предшествовать осознан-

КИРЕЕВ Антон Александрович, к.полит.н., доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** antalkir@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект «Разработка полидисциплинарного подхода к исследованию проблем безопасности в АТР в рамках инновационного направления антропологии международных отношений». 6.2263.2011.

ное решение принципиальной применимости данного понятия, которое, в свою очередь, требует предварительного раскрытия его содержания. Решение последней из этих двух проблем сопряжено со многими трудностями. Прежде всего, его осложняет фрагментированное состояние современных этнологии и этнополитологии, в рамках которых в основном и развивается сегодня теория этносоциальных общностей, включая диаспоры. Не останавливаясь на ведущихся этнологами и этнополитологами сложных дискуссиях о сущности, признаках и типах диаспор, я предложу здесь свою дефиницию этого понятия. Не претендуя на окончательность, это рабочее определение, вместе с тем, включает в себя основные, наиболее существенные, на мой взгляд, признаки общности диаспорального типа, из выделяемых современными исследователями. Итак, под диаспорой в настоящей работе будет пониматься устойчивая многопоколенная общность мигрантов, проживающих за пределами государства исхода (исторической родины), объединяемая формальными и неформальными социальными институтами и сохраняющая свою этнонациональную идентификацию и культурно-языковое своеобразие¹.

При всей абстрактности данного определения, требующего дальнейшей операционализации, оно указывает на те аспекты предмета, которые не могут быть обойдены исследованием, стремящимся ответить на вопрос: состоялась ли изучаемая общность мигрантов как диаспора. Опираясь на предложенную дефиницию, автор намерен рассмотреть эволюцию китайской миграции на Дальний Восток России и дать типологическую оценку его этносоциальным результатам.

Китайское присутствие на РДВ имеет длительную историю, на протяжении которой численность и положение мигрантов не раз существенно изменялись. Новейший период этой истории начинается с конца 80-х гг. XX в., когда жёстко лимитированные ранее трансграничные связи дальневосточного региона с Китаем вновь оживляются. Обновление внутреннего законодательства, а также заключение нескольких советско-китайских соглашений по вопросам социально-экономического сотрудничества, туризма и пограничного урегулирования способствовали кардинальному расширению форм взаимодействия региона с соседними провинциями КНР. Одним из проявлений этого процесса стал возобновившийся приток на РДВ китайских мигрантов.

Согласно переписи 1989 г., на территории РДВ находилось 1742 китайца [17, с. 81]. Хотя фиксирующие в основном постоянное население переписи, как правило, не дают адекватной картины миграционных процессов, в условиях ещё относительно стабильной ситуации конца 80-х гг., эти данные, по всей видимости, включают в себя большую часть присутствовавших в регионе китайцев. Уже с 1991 г. численность китайского населения РДВ начала стремительно возрастать, а её статистика – становиться всё менее надёжной.

Хронологически первой и долгое время основной формой миграции китайцев на территорию РДВ в новейший период был туризм. При этом китайский туризм в Россию изначально представлял собой внутренне разнородное явление. Весьма либеральный (до бесконтрольности) режим туристических поездок, установленный двусторонними договорённостями и в целом сохранявшийся до 2000 г., способствовал не только росту числа желающих посетить Россию с собственно туристическими (социокультурными) целями, но и появлению широкого спроса на использование этого миграционного канала в иных – экономических – интересах. По крайней мере, до конца 90-х гг., большинство китайских «туристов» в действительности въезжали в регион для ведения торговли и

¹ Подробнее о понятии «диаспора» и подходах к его определению см. работу автора [19], а также [24].

найма на работу. При этом численность официально занятых на РДВ китайских рабочих в этот период оставалась стабильно незначительной [2, с. 8-11].

Определённое повышение эффективности иммиграционного контроля в 2000-е гг. повлекло за собой уменьшение потока «псевдотуристов» и более чёткую дифференциацию статуса мигрантов по целям их пребывания в регионе. Соответственно, в эти годы в составе въезжающих из КНР увеличилась доля таких категорий мигрантов, как коммерсанты, служащие, студенты и рабочие. Удельный вес последних рос особенно быстро: с 2000 по 2010 гг. численность наёмных работников из Китая на РДВ повысилась примерно в 9 раз. Таким образом, с точки зрения мотивации, новейшая китайская миграция в регион (как и век назад) имеет в основном экономический характер, причём производственная составляющая в ней постепенно оттесняет торговую на второй план [2, с. 11; 10].

Обращаясь к рассмотрению динамики общей численности китайских мигрантов на РДВ в 1990-х – 2000-х гг., нельзя не коснуться вопроса о качестве используемых в настоящей работе количественных данных. Учётом мигрантов в России и её дальневосточном регионе, в частности в изучаемый период, занималось несколько государственных ведомств – пограничная (с 2003 г. ПС ФСБ) и миграционная (действует с 1994 г., с 2002 г. как ФМС МВД) службы, а также органы милиции. Каждое из этих ведомств (а также различные подразделения внутри них) производило измерения различных фаз и аспектов трансграничных миграционных потоков, применяя разные принципы и методики учёта. Так, пограничная служба фиксировала случаи пересечения мигрантами государственной границы, их въезд и выезд. Местные органы милиции осуществляли учёт мигрантов как физических лиц на основе данных о регистрации по месту жительства, а также о выдаче разрешений на временное проживание и видов на жительство. Миграционная служба первоначально отвечала главным образом за статистику численности иностранной рабочей силы, разрешения на привлечение которой выдавались её территориальными подразделениями. С введением в 2002 г. миграционных карт, на ФМС была возложена задача обобщения всех данных о движении иммигрантов, однако, по мнению экспертов, вплоть до второй половины 2000-х гг. решить эту задачу на практике так и не удалось [29, с. 77, 86-90; 32, с. 21-24]¹.

Использованию государственных статистических данных о внешних миграциях препятствуют не только их фрагментарность и частая взаимная несопоставимость. Общей проблемой всех видов такой статистики является низкая степень собственной валидности и надёжности каждого из них. Различные виды данных о мигрантах характеризуются либо неполнотой², либо избыточностью³. Ещё одна проблема заключается в труднодоступности многих измеряемых государственными ведомствами количественных показателей миграционных процессов, а порой и их полной закрытости для общества и исследователей [29, с. 86-91; 32, с. 21-24].

В подобных условиях государственная статистика не может служить достаточно прочной эмпирической базой для изучения китайского

¹ О введение в действие общеведомственной системы анализа (интерактивной карты) информации, собранной в центральном банке данных по учету иностранных граждан, руководством ФМС было объявлено лишь в июле 2011 г. [1].

² Этим особенно отличаются данные милиции о регистрации по месту жительства.

³ Это касается статистики пограничных органов, отражающей число пересечений границы, которое может существенно превышать число самих мигрантов.

присутствия в России в целом и на РДВ в частности. Это обуславливает широкую востребованность информации из различных неофициальных источников, включая оценки аналитических организаций и независимых экспертов и частные высказывания чиновников. Однако следует помнить, что такая информация имеет, как правило, вторичный и приблизительный характер, и по самой своей природе не в состоянии существенно прояснить изучаемые процессы. Таким образом, весь доступный массив количественных данных о китайских мигрантах в целом пригоден для описания лишь самых общих, средне- и долгосрочных, тенденций изменения их численности, для выявления наиболее крупных поворотных вех и этапов этого процесса.

Хронологическими рамками первого из таких этапов стали 1988 и 1996 гг. Целый ряд политических решений, либерализовавших условия миграционного движения между СССР и КНР, способствовали тому, что количество поездок китайцев в нашу страну в короткие сроки увеличилось в десятки раз. В 1993 г., по данным пограничного контроля, число въездов китайских граждан на территорию России достигло 751 тыс., причём около 480 тыс. из них пришлось на дальневосточный участок границы [14, с. 259; 26, с. 382-385]. Стремительный приток иностранных мигрантов и негативная реакция на него населения РДВ заставили власти во второй половине 1993 – 1994 гг. принять меры к ужесточению правил въезда и пребывания [18, с. 302-304]. Следствием этого стало резкое сокращение в 1994 – 1996 гг. количества поездок граждан КНР в Россию и её дальневосточный регион [13, с. 58; 26, с. 358]. В частности, в 1996 г. общее число въездов китайцев в Россию составило лишь 349 тыс., в т.ч. 250 тыс. через дальневосточную границу [9].

Зависимый от изменения объёма притока китайских мигрантов показатель их единовременного нахождения на территории РДВ в этот период имел, тем не менее, несколько иную, особую динамику. В условиях крайней неполноты и несистематичности доступных статистических данных территориальных органов внутренних дел, количество постоянно пребывающих в дальневосточном регионе китайцев можно определить только оценочно. Так, в 1993 г., по мнению экспертов, это количество составляло около 100 тыс. чел., а концу 1996 г. могло достигать 200 тыс. [4, с. 97-98; 17, с. 81].

Представленные цифры показывают, что число единовременно находящихся в регионе китайских мигрантов значительно уступало числу их въездов на РДВ из Китая, причём в 1993 г. это расхождение было почти пятикратным. Подобная ситуация вполне вероятна, учитывая, во-первых, транзитное движение части мигрантов в другие регионы страны, и, во-вторых, непродолжительность (до 1-2 мес.) самих поездок, совершавшихся в большинстве своём в целях ведения челночной торговли. Сложнее объяснить взаимно противоположную направленность изменений показателей въезда и пребывания китайских мигрантов на РДВ в 1994 – 1996 гг. На мой взгляд, рост числа находящихся в регионе китайцев при заметном сокращении количества пересечений ими границы был обусловлен последовавшим в ответ на ужесточение российской миграционной политики (и, прежде всего, иммиграционного контроля на линии границы) увеличением длительности поездок, а также массовым нарушением мигрантами сроков пребывания в России. Например, в Приморском крае в 1994 и 1995 гг., по сведениям паспортно-визовой службы, доля китайских мигрантов, не выехавших из страны в срок, составляла около трети от их общей численности [5].

Иные тенденции изменения количественных параметров китайской миграции на РДВ были характерны для этапа 1997 – 2001 гг. В эти годы количество въездов китайских граждан на территорию России че-

рез дальневосточный участок границы в целом постепенно возрастало: если в 1996 – 1999 гг. оно колебалось в пределах 250-280 тыс., то в 2000 г. достигло 350, а в 2001 г. – 386 тыс. случаев [9; 36]. Однако в то же самое время, по оценкам экспертов, численность китайцев, одновременно находящихся на территории дальневосточного региона, существенно снизилась: на рубеже 1990-х – 2000-х гг. она определялась примерно в 80 тыс. чел. [2, с. 10]. Это, на первый взгляд, парадоксальное явление вполне может быть объяснено повышением эффективности иммиграционного контроля. Уже к 1997 г. своевременная «возвращаемость» китайских туристов на родину достигла, по официальной информации, 99% [5]. Кроме того, в результате проведённых пограничниками, милицией и миграционными органами мероприятий на этом этапе за границу были принудительно выдворены десятки тысяч «задержавшихся» на РДВ китайцев [26, с. 399-401].

Третий этап новейшей истории китайского присутствия на РДВ продолжается с 2002 г. по настоящее время. На данном этапе количество поездок китайских граждан в регион поначалу сохраняло тенденцию медленного роста, увеличившись в 2005 г. до 445,5 тыс. [8]. Однако затем, под влиянием, с одной стороны, развёрнутой российскими властями борьбы с челночной торговлей, а с другой, мирового экономического кризиса, этот рост не только остановился, но и сменился определённым спадом [18, с. 389]. Повышение притока мигрантов на РДВ возобновилось с 2010 г., и, судя по неполным данным ФМС, показатель 2005 г. был вновь достигнут в 2011 г. [30].

Тем не менее, численность находящихся на РДВ китайцев на всём протяжении третьего этапа довольно устойчиво возрастала. По оценочным данным, к весне 2007 г. количество присутствующих в регионе китайских мигрантов составляло около 200 тыс. чел. [25, с. 150], а к лету 2010 г. – примерно 300 тыс. Даже если предположить, что последняя цифра является несколько завышенной¹, то сомневаться в том, что в начале 10-х гг. XXI в. прошлый максимум численности китайских мигрантов на РДВ, относящийся к 1996 г., был превзойдён, довольно трудно.

По всей видимости, такая динамика количественных показателей китайского присутствия на указанном этапе (как и в 1994 – 1996 гг.) объясняется двумя основными причинами – увеличением длительности поездок и нарушением мигрантами сроков своего «законного» пребывания в России. Однако, учитывая, что в 2002-2013 гг., по сравнению с 1990-ми гг., качество миграционного учёта и контроля в нашей стране повысилось, ведущим фактором роста китайского присутствия в регионе на этом этапе, на мой взгляд, следует считать первую из названных причин.

Географическое размещение китайских мигрантов в дальневосточном регионе в изучаемый период характеризовалось высокой неравномерностью. Прежде всего, несмотря на то, что выходцы из Китая на сегодня проживают почти во всех субъектах федерации, входящих в ДФО², подавляющее большинство из них сосредоточены на территориях четырёх краёв и областей, непосредственно примыкающих к российско-китайской границе [27, с. 78-91]. При этом с точки зрения количества въезжающих и пребывающих китайских мигрантов, между самими приграничными субъектами также существует ярко выраженное неравенство. Бесспорным лидером в этом отношении на протяжении постсоветской истории остаётся Приморский край. Вслед за ним в порядке убывания (со второй половины 1990-х гг. и до настоящего времени без существенных изменений) идут Амурская область, Хабаровский край и

¹ Она определена автором на основе: [25, с. 150] и [37].

² За исключением Чукотского автономного округа.

ЕАО [26, с. 387]. Подобная пространственная структура иммиграционных потоков обусловлена, прежде всего, протяжённостью участков государственной границы, к которым примыкают соответствующие субъекты, расположением последних относительно демографических и экономических центров, находящихся на сопредельных китайских территориях, а также ёмкостью их собственных рынков труда и товаров.

На территории приграничных краёв и областей в последнее двадцатилетие присутствие мигрантов из КНР фиксировалось как в городах, так и в малонаселённых сельских районах. Сопоставляя данные, относящиеся к 1990-м и 2000-м гг., можно отметить постепенный рост доли китайских граждан, проживающих в сельской местности региона. Эта тенденция была связана с повышением спроса на иностранную рабочую силу в аграрном секторе (овощеводство) и лесной отрасли РДВ, а также с расширением практики сдачи в аренду китайцам сельхозугодий [7, с. 258-262; 25, с. 210- 212, 217-218]. К негородским территориям региона с наиболее значительной численностью китайских мигрантов, в исследовательской литературе чаще всего относят Пограничный и Уссурийский районы Приморского края, Благовещенский сельский, Свободненский и Шимановский районы Амурской области, Хабаровский сельский район и район им. С. Лазо Хабаровского края [5; 15, с. 15].

Однако основными местами концентрации китайских мигрантов с 1990-х гг. и до настоящего времени остаются несколько важнейших экономических и демографических центров РДВ – Владивосток, Уссурийск, Благовещенск, Хабаровск и Биробиджан. Именно в этих крупнейших городах региона сосредоточена большая часть покупателей китайских товаров и труда.

В отличие от дореволюционного периода в названных выше городах сейчас не существует районов сплошного этнического заселения – т.н. «китайских кварталов». Тем не менее, как отмечают многие исследователи, в более локальных масштабах процессы «чайнатаунизации» в городской среде всё же идут. Китайцы часто компактно заселяют отдельные дома (гостиницы, общежития), которые пространственно тяготеют к активно используемым ими (или принадлежащим им) объектам экономической и социокультурной инфраструктуры – рынкам, ресторанам, кафе, магазинам и т.п. [12, с. 183- 184; 13, с. 101-106]. В некоторых случаях, вокруг китайских рынков создаются крупные многофункциональные инфраструктурные комплексы¹, которые, при появлении благоприятных условий, вполне могут послужить основой для формирования «чайнатаунов».

Значительная численность и географическая компактность являются необходимыми предпосылками для трансформации «текучей» дисперсной группы мигрантов в устойчивую диаспору. Однако оценить степень такой устойчивости можно лишь на основе информации о «внутренних» параметрах изучаемой общности, о её составе и сознании. Информацию об этих параметрах содержат результаты социологических обследований китайских мигрантов, неоднократно проводившихся на территории Дальнего Востока, начиная с середины 1990-х гг.

Следует отметить, что ценность результатов всех проводившихся опросов существенно снижается невозможностью построения достаточно репрезентативных выборок в условиях высокой неопределённости численности и состава изучаемой генеральной совокупности. Тем не менее, на сегодня выборочные опросы служат практически единственным источником данных по рассматриваемым параметрам китайских мигрантов.

¹ Подобный комплекс еще в 1990-е гг. возник вокруг находящегося в г. Уссурийске китайского рынка «Торговый центр» [5].

Другой важной проблемой, осложняющей использование опросных данных, являются различия в методиках их получения, включая выбор целевых социальных групп мигрантов, организацию их обследования и формулировки самих вопросов. Кроме того, в научной литературе нередко можно встретить относящиеся к изучаемой проблематике опросные данные, методики и обстоятельства получения которых освещаются очень приблизительно. В этих условиях круг социологических обследований, результаты которых могут рассматриваться как взаимно сопоставимые и валидные с точки зрения целей настоящего исследования, оказывается довольно узким.

Среди представленных в публикациях обследований китайских мигрантов периода 2000-х гг., мною были выделены четыре опроса. К их числу принадлежат опросы, проведённые под руководством А.П. Забияко и Р.А. Кобызова (2004 г.), Е. Загребнова (2005 – 2006 гг.), П.П. Ляха (2006 – 2007 гг.) и А.Г. Ларина (2007 г.). Все указанные обследования были сфокусированы на китайских мигрантах в крупных городах РДВ (Благовещенск, Владивосток, Хабаровск, Уссурийск)¹, охватывая, главным образом, такие их группы, как коммерсанты, служащие и студенты. В обследованиях применялись идентично или однотипно сформулированные вопросы.

Более сложной задачей оказался поиск необходимой информации, относящейся к 1990-м гг. Мне удалось найти только одно социологическое обследование этого периода, результаты которого вполне отвечают поставленным здесь целям и могут быть прямо сопоставлены с итогами обследований 2000-х гг. Это опрос китайских мигрантов (сотрудников китайских фирм, а также студентов и стажёров, обучающихся в российских учебных заведениях), проведённый по руководством В.Г. Гельбраса в феврале-марте 1999 г. в Хабаровске, Владивостоке и Уссурийске.

В научной литературе можно встретить данные и других обследований 1990-х гг., посвящённых изучаемой проблематике. В частности, в работах В.Л. Ларина приводятся некоторые, весьма значимые для настоящего исследования, результаты опросов 1995 – 1997 гг., проводившихся среди китайских мигрантов в Южном Приморье. К сожалению, автор не даёт точного определения географических рамок этих опросов и социально-профессиональной принадлежности их участников, что не позволяет однозначно сравнивать полученные результаты с более поздними. Тем не менее, вероятно, что обследования 1995 – 1997 гг. были обращены примерно на ту же часть китайских мигрантов, что и опросы последующих лет, а потому они также будут использованы в проводимом анализе.

В своей совокупности результаты опросов содержат целый ряд показателей, которые могут послужить основой для оценки степени устойчивости общности китайских мигрантов на РДВ. Эти показатели условно можно разделить на «объективные» и «субъективные». К «объективным» показателям, характеризующим укоренённость иммигрантской общности, помимо самой длительности пребывания мигрантов в стране, на мой взгляд, следует относить, прежде всего, их половой и брачно-семейный состав. «Субъективными» же показателями изучаемого параметра могут выступать разносторонние оценки мигрантами уровня своей адаптированности к условиям принимающего общества и, в особенности, такое

¹ Опрос А.Г. Ларина, помимо городов РДВ, проводился и в Москве, однако ответы респондентов в большинстве случаев дифференцируются автором по географическому признаку. В опросе Е. Загребнова, кроме мигрантов, находящихся в Благовещенске, Владивостоке и Уссурийске, принимали участие и китайцы, проживающие в Забайкальске.

интегральное выражение этого уровня, как намерение остаться в стране въезда для длительного (постоянного) проживания¹.

Информация по вопросу о степени устойчивости общности китайских мигрантов на РДВ, которую можно извлечь из результатов опросов 1995 – 1997 гг., приводимых В.Л. Лариным, довольно скупа. Так, согласно обследованию 1995 г., среди находившихся в это время в Южном Приморье китайцев резко преобладали мужчины (до 90%). Кроме того, опросы 1995 – 1997 гг. показали, что только 18% респондентов хотели бы поселиться в России надолго [26, с. 393, 404-405].

Более широкие сведения по поставленному вопросу даёт обследование В.Г. Гельбраса. По данным этого автора, от 10 до 20% опрошенных во Владивостоке, Хабаровске и Уссурийске китайцев (в среднем по трём городам – 14,3%), проживали в России более 5 лет [6, с. 63]. При этом, около 66% от всех мигрантов, обследованных под руководством В.Г. Гельбраса в дальневосточных городах, а также несколько ранее (октябрь-ноябрь 1998 г.) в Москве, составляли мужчины. От 11 до 39% китайцев, принявших участие в опросе в различных городах РДВ (в среднем по трём городам – 19,7%), жили в них с женой (мужем), в т.ч. от 4 до 6,1% – с детьми [6, с. 66-67].

Хотя данные представленных выше опросов могут сопоставляться лишь с определёнными оговорками, они свидетельствуют о том, что уже на протяжении 1990-х гг. устойчивость сообщества китайских мигрантов на РДВ заметно возросла. Если в первой половине этого десятилетия китайское присутствие в регионе почти полностью исчерпывалось потоками временных (в основном, сезонных) мигрантов, то к концу 1990-х гг. в его структуре начинается формирование относительно стабильного ядра из граждан КНР, избравших территорию РДВ местом своего постоянного проживания. Особенно ярким маркером этого процесса стало появление в это время в дальневосточных городах китайских семей с детьми. Вместе с тем, соглашаясь с исследователями, фиксирующими на основе опросных и иных данных, начавшуюся в регионе в конце 1990-х гг. диаспоризацию китайских мигрантов [26, с. 401-402, 404-406], следует подчеркнуть, что говорить применительно к этому периоду о китайской диаспоре на РДВ, как о состоявшемся явлении, явно преждевременно.

Сравнительно большой, хотя и недостаточно полный, корпус данных относительно изменений в устойчивости общности китайских мигрантов в регионе содержат результаты обследований 2004-2007 гг. Так, в опросе А.П. Забияко и Р.А. Кобызова (2004 г.) и опросе А.Г. Ларина (2007 г.) устанавливалась длительность проживания респондентов в России². Как показал опрос 2004 г., 11% от всех опрошенных китайцев (или 29,8% от всех ответивших) находились в России свыше 5 лет [13, с. 369]. Согласно опросу 2007 г., таковых было уже 23% [25, с. 170].

В двух упомянутых выше обследованиях, а также в опросе П.П. Ляха (2006 – 2007 гг.), респондентам задавался вопрос о том, желают ли они проживать в России постоянно. В обследовании 2004 г. положительный ответ на этот вопрос дали 37,2% опрошенных (или 39,2% от числа ответивших) [13, с. 357]. В обследовании 2006 – 2007 гг. подобный ответ был

¹ Разумеется, что планы относительно длительности проживания в данной стране отражают не только уровень адаптированности к ее условиям, но и, в той или иной мере, также уровень дезадаптированности мигрантов по отношению к условиям страны выезда.

² Формулировки соответствующих вопросов в обследованиях А.П. Забияко и Р.А. Кобызова и обследовании А.Г. Ларина различны: если в первом из них респондентов спрашивали о количестве лет, прожитых в российском регионе (Амурская область), то во втором – о количестве лет, прожитых в России.

получен от 38% респондентов, а в опросе 2007 г. - от 27% [25, с. 195-196; 39, с. 102].

Доля среди опрошенных китайских мигрантов лиц мужского пола измерялась в опросе А.П. Забияко и Р.А. Кобызова и в опросе А.Г. Ларина¹. По результатам обоих исследований – 2004 и 2007 гг. – половой состав респондентов оказался одинаковым: около 60% из них были мужчинами [13, с. 103; 25, с. 164].

Вопрос о брачно-семейном положении мигрантов присутствовал только в обследовании Е. Загребнова (2005 – 2006 гг.). Согласно полученным им данным, 78% опрошенных китайцев проживали в России со своей женой (мужем) [14, с. 262-263].

К сожалению, ни одно из рассматриваемых социологических обследований 2000-х гг. не включало в себя вопросов, касающихся наличия, количества и места жительства детей китайских мигрантов. Поэтому судить о динамике естественного воспроизводства общности китайских мигрантов на РДВ можно только по косвенным опросным данным или исходя из информации ведомственного происхождения. Так, по сведениям Министерства образования и науки РФ, на 2011 г. в дальневосточных вузах обучалось не менее 2000² китайских студентов [31]. Есть основания полагать, что значительная часть из этих студентов являются детьми проживающих в регионе мигрантов из КНР. В частности, в пользу этого говорят данные обследования Е. Загребнова, согласно которым в российских вузах обучаются дети 84% опрошенных китайских коммерсантов [14, с. 263]. Очевидно, что эта цифра вряд ли может считаться репрезентативной для всех китайских мигрантов (и даже для всех китайских торговцев) в регионе. Тем не менее, недооценивать масштабы данного явления в крупнейших городах РДВ также не следует: например, из 408 китайских студентов, учащихся в 2008 г. в вузах Благовещенска, большинство были детьми китайских коммерсантов, работавших в Амурской области [16, с. 232]. Судя по сообщениям СМИ, со своими родителями на территории дальневосточного региона проживает (и обучается в российских школах) и определённое количество детей младшей возрастной группы [22].

Несмотря на неполноту и неоднозначность информации о составе китайских мигрантов на РДВ в 2000-е гг., её сопоставление с соответствующими данными, полученными в 1990-е гг., позволяет сделать некоторые выводы. Так, результаты опросов указывают на тенденцию к увеличению на протяжении изучаемого периода доли в составе мигрантов из Китая лиц, длительно проживающих на территории региона. Учитывая непродолжительность временного интервала между измерениями (1999 и 2007 гг.), темпы увеличения веса в структуре китайской миграции её устойчивого ядра можно считать достаточно высокими. По всей видимости, ускорению процесса «оседания» китайских мигрантов на РДВ поспособствовал целый ряд мер по повышению эффективности миграционного учёта и контроля, принятых в первое десятилетие XXI в.

На фоне увеличения продолжительности проживания китайцев на территории дальневосточного региона, намного более значительный рост демонстрирует показатель готовности приезжих стать постоянными жителями России. Как показывают опросы 2004 и 2006 – 2007 гг., в сравнении с 1995 – 1997 гг., доля высказывающих такое желание выросла более чем в 2 раза. Это свидетельствует о том, что сложившееся на сегодня ядро общности китайских мигрантов имеет хорошие предпо-

¹ В опросе А.Г. Ларина показатель доли мужчин обобщает данные по опрошенным на РДВ и в Москве.

² Эта цифра, по моему мнению, существенно занижена.

сылки для дальнейшего расширения. Вместе с тем, следует помнить, что в данном случае речь идёт о предпосылках «субъективного» плана, которые отличаются своей нестабильностью, высокой чувствительностью к разного рода конъюнктурным факторам. На то, что намерения китайских мигрантов подвержены значительным ситуативным (а возможно, и географическим) колебаниям, указывают, в частности, результаты опроса 2007 г., существенно расходящиеся с данными опросов 2004 г. и 2006 – 2007 гг.

Важным условием укоренения мигрантов в принимающем обществе является выравнивание их полового состава. Данные опросов 1995-1997, 1999, 2004 и 2007 гг. фиксируют значительный и неуклонный рост среди китайских мигрантов на РДВ доли женщин и сокращение, таким образом, численного дисбаланса между полами. Вполне закономерно, что этому процессу сопутствовало и увеличение количества в регионе китайских семей. Представляется маловероятным, что за период с 1999 по 2005 – 2006 гг. доля китайских мигрантов, проживающих на РДВ с женой (мужем), возросла сразу в 4 раза (с 19,7 до 78%). Подобное соотношение двух значений показателя семейного положения, по-видимому, объясняется тем, что более позднее из них относится не ко всем пребывающим в дальневосточных городах китайцам, а к такой их специализированной группе, как коммерсанты. Тем не менее, трудно сомневаться в том, что рост числа проживающих в регионе китайских брачных пар в этот период был весьма существенным.

Наиболее сложной задачей в изучении изменений в устойчивости общности китайских мигрантов на РДВ является оценка динамики её естественного воспроизводства. Доступные опросные и иные количественные данные 1990-х – 2000-х гг. характеризуют этот процесс с различных сторон и плохо поддаются сопоставлению. С уверенностью можно говорить, пожалуй, лишь о том, что доля китайских мигрантов, проживающих на РДВ вместе со своими детьми, в изучаемый период имела общую тенденцию к росту. К такому заключению приводят сделанный выше вывод об увеличении количества в регионе китайских семей, официальная статистика, свидетельствующая о происходившем в те же годы росте численности китайского студенчества¹, а также уже упоминавшиеся данные о том, что значительная (а возможно, и большая) часть обучающихся в дальневосточных вузах китайцев являются детьми находящихся в регионе мигрантов. Для уточнения возрастного состава мигрантов из Китая и получения развёрнутой характеристики демографических и социальных параметров проживающих на РДВ китайских детей необходимо проведение специализированных и более детальных социологических обследований.

Укоренение иммигрантов на территории принимающей страны может сопровождаться утратой ими своих культурных особенностей, аккультурацией и ассимиляцией. Если подобные процессы приобретают достаточно большой размах, то формирование или сохранение диаспоры становятся невозможными. Насколько можно судить, находящиеся сегодня на РДВ выходцы из КНР терять культурное своеобразие, в большинстве случаев, отнюдь не склонны. Исследователи китайской миграции в Россию, опирающиеся как на материалы опросов, так и на обеспечивающие более глубокое погружение в сознание респондентов качественные методики, в целом согласны в том, что для китайцев характерны высокая обособленность от окружающего общества, бытовая и духовная самоизоляция [6, с. 48-55, 78; 13, с. 101-102; 16, с. 37, 116-119; 33].

¹ Количество китайских студентов в России увеличилось с 14 тыс. в 2006 г. до 25 тыс. в 2013 г. [11; 33].

К сожалению, несоизмеримость применяемых учёными методик не даёт возможности раскрыть этот вывод подробнее и рассмотреть культурную жизнь китайских мигрантов и их коммуникацию с инокультурным окружением в динамике. Поэтому в настоящей работе я буду основываться главным образом на данных только одного из затрагивающих эту тему исследования – опроса П.П. Ляха, проведённого в 2006 – 2007 гг. Преимуществом этого обследования является то, что в ходе него из состава респондентов была выделена группа желающих остаться в России на постоянное жительство (38% от всех опрошенных), которая была в дальнейшем подвергнута более детальному изучению. Таким образом, опрос П.П. Ляха позволяет получить представление о степени социокультурной интегрированности в принимающее общество устойчивого ядра общности китайских мигрантов, находящихся на РДВ.

В ходе названного обследования респондентам были заданы вопросы об уровне знания ими русского языка, «обычаев и традиций россиян», а также об интенсивности их общения с коренным населением страны. Ответы китайских мигрантов на первый из этих вопросов показали, что 33% из опрошенных не знают русского языка вовсе или знают лишь «несколько необходимых слов», 39% – «понимают и немного говорят», а 28% – «свободно говорят» или «владеют в совершенстве». Отвечая на второй вопрос, 29% респондентов сообщили, что не знают обычаев и традиций россиян, 44% – что знают наиболее известные из них, а 27% – что знают многие. Ответы на третий вопрос распределились следующим образом: 20% опрошенных не общаются ни с кем из россиян, 25% – общаются либо со знакомыми по работе, либо с работодателями, а 35% – имеют русских друзей [39, с. 104-105].

Если интерпретировать приведённые данные с точки зрения степени социокультурной интегрированности (аккультурации) устойчивого ядра китайцев региона, выделяя в нём интегрированный, слабоинтегрированный и неинтегрированный компоненты, то можно сделать вывод о том, что полученные ответы в целом свидетельствуют о значительном преобладании совокупной доли слабоинтегрированных и неинтегрированных мигрантов. При этом, по таким показателям как владение языком и знание обычаев и традиций, доля социокультурно интегрированных в российское окружение китайских мигрантов уступает не только совокупному весу слабо- и неинтегрированных, но и доле каждого из этих компонентов по отдельности.

Таким образом, несмотря на относительно большую (это подтверждает сравнение с ответами второй группы участников того же опроса, ориентированных на временное пребывание в России [39, с. 102-105], социокультурную интегрированность в принимающее общество устойчивого ядра китайских мигрантов, его представители в большинстве своём сохраняют тот обособленный образ жизни, который характерен для китайской миграции в целом. Если избравшие РДВ для постоянного жительства китайцы и подвергаются аккультурации, то масштабы и глубина этого процесса остаются пока незначительными.

Косвенным, но достаточно валидным, на мой взгляд, показателем отношения китайских мигрантов к аккультурации и ассимиляции с коренным населением РДВ может служить также количество случаев принятия ими российского гражданства. При всей сложности мотивов получения китайцами гражданства РФ (за таким решением могут стоять и чисто прагматические, в т.ч. коммерческие, интересы), этот показатель в целом более определённо характеризует социокультурные предпочтения мигрантов, чем используемая в изучении этого вопроса многими исследователями статистика межэтнических браков. На то, что принятие китайскими мигрантами гражданства РФ имеет для них, как правило,

не только инструментальное, но и ценностно-символическое значение указывают, кроме того, действующий в КНР законодательный запрет на двойное гражданство [25, с. 412-413] и редкость случаев отказа от полученного гражданства.

По приводимым в научной литературе данным, к 2003 г. на РДВ находилось лишь немногим более 700 китайцев, получивших российское гражданство или вид на жительство [34, с. 222]. Судя по всему, большую часть этого количества составляли мигранты, получившие вид на жительство. В пользу такого вывода говорит статистика по одному из наиболее посещаемых китайцами дальневосточных субъектов – Амурской области, где с 1991 по 2008 гг. китайское гражданство на статус гражданина РФ поменяли всего 26 человек [7, с. 247]. Безусловно, нельзя не учитывать того, что в силу сложности и длительности¹ процедуры приобретения российского гражданства, получить его могут далеко не все желающие. Однако и устранение существующих сегодня в этой сфере административных препон вряд ли бы привело к массовому преобладанию оседающих в регионе китайцев в российских гражданах. Так, по данным обследования А.Г. Ларина, желание сменить своё гражданство выразили только 9% из опрошенных на РДВ китайских мигрантов [25, с. 196].

Сохранение проживающими на РДВ китайцами национальной идентификации и культурного своеобразия обусловлено, с моей точки зрения, не только замкнутостью, дистанцированностью большинства долгосрочных мигрантов от российского окружения, но и прочностью их связей с родиной. Для проверки этого утверждения было целесообразным сопоставить уже выявленную степень интенсивности несвязанных прямо с трудовой деятельностью социокультурных контактов китайских мигрантов с россиянами и интенсивностью их такого же рода взаимодействия с соотечественниками, находящимися по другую сторону границы. В отсутствие специальных исследований, определённую информацию по этой теме можно почерпнуть из ответов китайских мигрантов (из дальневосточных городов и Москвы) на заданный в ходе обследования А.Г. Ларина вопрос: «Ваши связи через границу с другими мигрантами?» Отвечая на названный вопрос, 76% респондентов отметили значимость для них таких связей. При этом 47% опрошенных указали, что они отправились в Россию, получив обещания помощи от своих уже находившихся в нашей стране друзей, а 29% – что они сами посоветовали приехать в Россию своим друзьям или родственникам из Китая [25, с. 172].

Необходимым условием существования любой диаспоры является достаточно высокий уровень развития её институциональной структуры, т.е. нормативно регламентируемых и регулируемых механизмов взаимодействия её представителей. В зависимости от преобладающего типа норм, определяющих работу таких механизмов, их можно разделить на формальные и неформальные. Согласно широко принятому среди специалистов мнению, для китайской иммиграции, практически во всех странах, где она имеет место, характерен высокий уровень неформальной институализации [16, с. 116]. Исследования китайских мигрантов, пребывающих на РДВ, в целом подтверждают этот общий тезис. На протяжении последнего десятилетия существование в регионе разного рода неформальных объединений китайцев – общин, цехов, землячеств, преступных сообществ – фиксировалось многими исследователями [6, с. 50-55; 13, с. 101-104; 14, с. 263-264; 26, с. 406-407; 35, с. 178-187]. Несмотря на то, что приводимая в литературе информация о подобных институтах обычно очень неточна и фрагментарна, она даёт возможность

¹ Либо, в случае использования незаконных каналов, высокой стоимости покупки соответствующих документов.

выделить ряд свойственных им общих черт. Во-первых, неформальные объединения мигрантов формируются, как правило, по профессиональному (вид торговой или производственной деятельности) или земляческому (территория проживания в Китае) принципам. При этом нередко оба этих принципа объединения оказываются неразрывно связаны. Во-вторых, неформальные организации китайских мигрантов отличаются иерархической структурой, обеспечивающей высокую сплочённость и дисциплинированность их членов. Наконец, в-третьих, для таких объединений характерно одновременное осуществление экономических (торговых и производственных), социокультурных и административно-управленческих функций.

По своим структурным и функциональным свойствам к неформальным институтам китайских мигрантов близки многие из действующих на РДВ китайских коммерческих фирм и компаний. Будучи, с одной стороны, формальными, официально зарегистрированными организациями, с другой, они зачастую возлагают на себя различные непрофильные, выходящие за рамки их правового статуса обязанности, в т.ч. по обеспечению находящихся в России соотечественников культурными и информационными услугами, а также юридической помощью [13, с. 103-104]. Подобная двойственность, наличие в деятельности этих коммерческих организаций теневой составляющей позволяет рассматривать их в качестве институтов особого полуформализованного типа.

Складывание неформальных и полуформализованных институциональных структур взаимодействия мигрантов является, на мой взгляд, важной, но недостаточной предпосылкой для трансформации их дисперсной группы в диаспору. В силу некоторых своих особенностей неформальные и полуформализованные структуры не способны полноценно исполнять роль институционального каркаса диаспоральной общности. Прежде всего, следует отметить, что их деятельность имеет, как правило, очень ограниченный, локальный масштаб¹. Кроме того, подобные институты характеризуются неспециализированностью: социальные и управленческие функции являются для них вторичными и побочными по отношению к основной, экономической, деятельности. Наконец, не обладая легальным статусом, неформальные и полуформализованные институты не могут официально представлять интересы китайских мигрантов в отношениях с российскими органами власти.

Консолидация китайской диаспоры, регулирование отношений внутри неё и между ней и принимающим обществом на уровне всего дальневосточного региона, а тем более страны в целом, могут быть обеспечены лишь достаточно крупными, специализированными институтами, работающими в рамках публично-правового поля. Процесс создания таких институтов на РДВ начался уже в первой половине 1990-х гг.

Судя по научным публикациям и сообщениям СМИ, в течение 1990-х – 2000-х гг. на РДВ в разное время существовало в общей сложности около двух десятков зарегистрированных общественных и иных некоммерческих организаций, защищавших права и интересы китайских мигрантов. Большинство из этих организаций представляли собой объединения предпринимателей, однако их деятельность (даже исходя из её официально заявленных целей) обычно выходила далеко за рамки содействия развитию китайского бизнеса. Подобные организации городского, областного или краевого уровней нередко возлагали на себя за-

¹ Вполне возможно, что локальные китайские общины и землячества в России, как считают некоторые исследователи, связаны устойчивыми сетевыми отношениями [6, с. 95]. Однако и в этом случае речь может идти о существовании скорее не единой их сети регионального или общероссийского масштаба, но множества сетей различного типа и размера.

дачи решения правовых и социальных проблем самых широких слоёв китайцев, проживающих на соответствующих территориях РДВ, в т.ч. посредством налаживания взаимодействия с российскими и китайскими органами местной и региональной власти [26, с. 407].

Следует отметить, что организации, представляющие интересы находящихся на РДВ китайских мигрантов, создаются не только гражданами КНР. Их учредителями и членами могут являться и граждане РФ, как китайской, так русской национальности. Последние в основном состоят из бизнесменов, ведущих дела с китайскими партнёрами.

Оценить эффективность выполнения китайскими и российско-китайскими организациями в регионе функций представительства и защиты интересов мигрантов довольно сложно. Исходя из того, что деятельность подобных институтов в публичном, т.е. прежде всего информационном, пространстве заметна крайне мало, её эффективность в целом вряд ли можно считать высокой. Такое положение обусловлено многими факторами, в т.ч. краткими сроками существования большинства китайских и российско-китайских организаций, трудностями в приведении их работы в соответствие с нормами законодательства РФ и обычно настороженным отношением к ним со стороны местных и региональных органов власти.

Впрочем, как показывает динамика сообщений в СМИ, с начала 2000-х гг. в дальневосточном регионе РФ и, особенно в Приморском крае наметилась тенденция к определённому росту активности и публичности мигрантских организаций. Эта тенденция связана с участвовавшим проведением китайскими и российско-китайскими организациями благотворительных акций, направленных на помощь различным категориям дальневосточников – ветеранам, инвалидам, студентам, изучающим китайский язык, и т.д. Такие акции, как правило, проводятся в сотрудничестве с российскими общественными и государственными институтами, органами местной власти и не остаются без внимания печатных и электронных СМИ [20; 21; 28; 38]. Достигаемое в результате улучшение имиджа мигрантских организаций безусловно способствует повышению эффективности реализации ими и своих основных функций.

Оживление в последние годы контактов китайских организаций с российскими органами власти и общественными структурами происходило во многом при активном содействии и посредничестве Генерального консульства КНР в г. Хабаровске и его отделений [20; 23, с. 129-130; 28]. По всей видимости, растущая активность консульских органов в этом направлении продиктована не только запросами самих мигрантов, но и изменениями во внешней политике Китая [3]. Так или иначе, в настоящее время консульская служба играет важную роль в укреплении и повышении влияния формальных институтов общности китайских мигрантов на РДВ. Кроме того, выполняя функции координирующего центра, она создаёт условия для дальнейшей более тесной интеграции разбросанных по территории региона китайских организаций.

Наметившиеся тенденции, однако, ещё не приобрели того масштаба, который мог бы кардинально изменить состояние институциональной структуры китайского присутствия в регионе. Для представляющих интересы китайских мигрантов формальных институтов в целом по-прежнему характерны непродолжительность существования, локальность деятельности и разобщённость. На сегодняшний день они ещё не в состоянии поддерживать единство общности китайских мигрантов в той степени, которая необходима для обеспечения её общественно-политической субъектности на уровне всего дальневосточного региона.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что к концу 2000-х гг. в составе дисперсной группы пребывающих на РДВ ки-

тайских мигрантов сформировалась достаточно многочисленная категория лиц, ориентированных на укоренение в данном регионе. В эту категорию входит от одной пятой до трети находящихся на РДВ китайских коммерсантов, служащих и студентов, т.е. той части мигрантов, которая сосредоточена в нескольких крупнейших городах региона и обычно является непосредственным объектом опросных обследований¹. При этом потенциал роста относительной доли этого устойчивого ядра в общей массе китайских мигрантов на изучаемой территории, судя по всему, ещё не исчерпан.

Как показывают опросные данные, среди принадлежащих к устойчивому ядру мигрантов из КНР, доля тех, кто нацелен на натурализацию и, в конечном счёте, ассимиляцию с коренным населением страны, едва ли превышает 10%. Таким образом, большинство рассматриваемой категории китайцев привержено сохранению своей национальной идентификации и использует стратегию коллективной адаптации в принимающем обществе. Эта стратегия предполагает, что социокультурные (информационные, ценностные, поведенческие) связи между самими мигрантами и между ними и страной исхода имеют большую интенсивность, чем их контакты с инонациональным окружением. В случае с китайскими мигрантами, оседающими на РДВ, это различие в интенсивности контактов особенно значительно: доля среди этой категории мигрантов лиц, социокультурно интегрированных в российское общество, не превышает трети, тогда как трансграничные связи значимы для более чем трёх четвертых от их общего состава.

Наряду с социокультурными связями внутреннему сплочению устойчивого ядра общности китайских мигрантов на РДВ содействуют созданные им институциональные механизмы – как неформальные, так и формализованные. Происходящее при косвенной поддержке китайского государства поступательное развитие последних, повышение их активности и влияния, формируют предпосылки для превращения в дальнейшем мигрантов из КНР в одного из субъектов общественно-политической жизни региона.

Демографические, социокультурные и социально-политические тенденции в эволюции общности китайских мигрантов на РДВ в последние двадцать лет в целом недвусмысленно указывают на то, что значительная её часть вовлечена в процесс диаспоризации. В какой же стадии находится это процесс сегодня и насколько он далёк от своего завершения? Настоящее исследование не может дать на эти вопросы точных ответов. Это связано с двумя обстоятельствами. Первое из них заключается в недостаточной разработанности теории этно-национальных процессов и в т.ч. процесса диаспоризации. На основе существующих концепций можно сформулировать общую дефиницию понятия «диаспора», которая позволяет дифференцировать его от смежных понятий, и прежде всего понятия «дисперсная группа». Однако нынешняя степень изученности темы не даёт возможности провести достаточно полную операционализацию этого понятия, которая бы в измеримых показателях фиксировала момент перехода общности мигрантов из состояния «дисперсной группы» в состояние «диаспоры».

Второе обстоятельство (отчасти являющееся следствием первого) состоит в неполноте и фрагментарности доступной эмпирической информации об общности китайских мигрантов на РДВ. При этом особенно немногочисленны данные, характеризующие особенности устойчивого

¹ Китайские промышленные и сельскохозяйственные рабочие намного менее доступны для обследований. Вместе с тем, в силу в основном контрактного порядка пребывания этой категории мигрантов в России, потенциал ее диаспоризации вряд ли значителен.

ядра этой общности, непосредственно участвующего в процессе диаспоризации. Названная часть китайских мигрантов должна стать объектом специальных лонгитюдных обследований, сфокусированных, прежде всего, на таких её аспектах, как численность, половой, возрастной и брачный состав, доля внутренних браков, соотношение естественного и миграционного прироста. Анализ динамики значений перечисленных показателей, подлежащих, на мой взгляд, обязательному включению в операциональное определение диаспоры, позволил бы достаточно точно оценить степень приближения изучаемой категории китайских мигрантов в регионе к этому типу этносоциальной общности.

Пока же с уверенностью можно констатировать только то, что формирование китайской диаспоры на РДВ ещё не завершено. На это определённо указывает малочисленность проживающих в регионе китайских детей – общность китайских мигрантов на сегодня остаётся в основном однопоколенной. О том же свидетельствует и сохраняющийся высокий уровень нестабильности и децентрализованности формальной институциональной структуры этой общности. Основная (но не единственная) причина незавершённости процесса диаспоризации очевидна: китайская миграция на РДВ возобновилась по историческим меркам сравнительно недавно. Поэтому фактор времени может оказаться вполне достаточным условием для завершения данного процесса. При сохранении существующих тенденций развития ядро общности китайских мигрантов в регионе, с моей точки зрения, способно трансформироваться в полноценную диаспору уже в течение ближайшего десятилетия.

Литература

1. «Мы обречены на удачу» Константин Ромодановский // ФМС РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=45321 (дата обращения: 20.10.2013 г.)
2. Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 208 с.
3. Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая // Pro et Contra. 2007. № 6 (39). С. 41-60.
4. Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая стольпинская политика на Дальнем Востоке России // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М.: Гендальф, 1999. С. 80-120.
5. Витковская Г.С. Дальневосточный регион России: внешние взаимодействия в сфере миграции // Семинар «Внешнеэкономическая деятельность регионов: роль в федерализации России». 30 ноября 1999 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://federalmcart.ksu.ru/conference/seminar2/vitkovskaja.htm> (дата обращения: 10.05.2011 г.)
6. Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. 320 с.
7. Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Науч. ред. А.Б. Волынчук. Владивосток, 2010. 626 с.
8. Голюк Н.С. Криминологическое обеспечение миграционной политики в Дальневосточном федеральном округе России: Региональный компонент. Автореф... канд. юр. наук. Иркутск, 2007 // Юридическая Россия: [Электронный

ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1277577> (дата обращения: 10.05.2011 г.)

9. Деятельность региональных миграционных служб на востоке Российской Федерации. Иркутск, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/migration/ (дата обращения: 10.05.2011 г.)

10. Дмитрий Медведев порекомендовал погранслужбам создавать современную инфраструктуру и правила, которые бы мигранты не хотели нарушать. 03.07.2010 // Правительство Амурской области: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amurobl.ru/index.php?m=&r=7&c=1877&n=814&rn=1> (дата обращения: 10.10.2011 г.)

11. Дмитрий Медведев посетил Хэфэйский научно-исследовательский институт физики плазмы и встретился со студентами и преподавателями Китайского университета науки и технологий // Правительство РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/7705> (дата обращения: 25.10.2013 г.)

12. Дятлов В.И. Китайские мигранты в современной России: практики взаимной адаптации // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 180-185.

13. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.

14. Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогносис. 2007. № 1. С. 252-277.

15. Захарова О.Д., Миндогулов В.В., Рыбаковский Л.Л. Нелегальная иммиграция в приграничных районах Дальнего Востока // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 11-21.

16. Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / Науч. ред. Н.П. Рыжовой. Иркутск: «Отгис», 2009. 264 с.

17. Карлусов В., Кудин А. Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 5. С. 76-87.

18. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (вторая половина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 474 с.

19. Киреев А.А. Диаспоризация китайских мигрантов на территории российского Дальнего Востока // Известия Восточного института. 2011. № 2. С. 80-90.

20. Китай помнит и благодарит солдат победы // РИА Восток Медиа. 7.05.2009. [Электронный ресурс]. URL: [www http://vostokmedia.com/n44568.html?print](http://vostokmedia.com/n44568.html?print) (дата обращения: 18.10.2013 г.)

21. Китайские бизнесмены Владивостока хотят поздравить наших ветеранов // Vl.ru. 20.04.2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.vl.ru/vlad/2009/04/20/kitajcy/> (дата обращения: 8.05.2011 г.)

22. Китайские дети во Владивостоке заговорят по-русски // PrimaMedia.ru. 9.03.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://primamedia.ru/news/show.php?id=148735&printmode=1> (дата обращения: 8.09.2011 г.)

23. Козлов Л.Е. Диаспоры в региональных политических процессах Дальнего Востока России // Россия и АТР. 2010. № 1. С.128-136.

24. Кондратьева Т.С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Заграница. [Электронный ресурс]. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/2020.shtml (дата обращения: 19.09.2011 г.)

25. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.

26. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.

27. Мотрич Е.Л. Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья // *Пространственная экономика*. 2010. № 2. С. 74-95.

28. Национальные диаспоры Владивостока активизируют участие в общественной жизни города // РИА Восток Медиа. 18.09. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://vostokmedia.com/n55439.html> (дата обращения: 10.10.2011 г.)

29. Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития / Под ред. С.Н. Градиrossoва. М., 2005.

30. Региональное совещание с начальниками территориальных органов ФМС России по ДФО состоялось в Южно-Сахалинске // УФМС по Хабаровского краю: [Электронный ресурс]. URL: <http://ufms-khb.ru/node/433> (дата обращения: 18.10.2013 г.)

31. Реморенко И. Россия планирует расширить программу государственной поддержки обучения китайских студентов // Женьминь жибао он-лайн. Русский язык. 23.09. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7603137.html> (дата обращения: 10.10.2011 г.)

32. Рязанцев С. «Глобализация по-китайски»: инвестиции, миграция, диаспора // *Международные процессы*. 2012. Т.10. № 3. 21-24.

33. Рязанцев С.В. Китайская миграция в Россию: тенденции и стратегии регулирования 20.03.2011 // МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric/72E2FE67858A3B65C3257859005A82AD> (дата обращения: 8.10.2013 г.)

34. Северо-Восточный Китай на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2005. 240 с.

35. Синь Янь, Н. П. Яблоков. Борьба с мафией в Китае. Овчинский В.С. Мафия XXI в.: сделано в Китае. М.: Норма, 2006. 192 с.

36. Сотни тысяч одних китайцев // *Время новостей*. № 108. 21 июня 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vremya.ru/print/24275.htm> (дата обращения: 10.06.2011 г.)

37. Стенографический отчет о совещании по таможенной и миграционной проблематике в приграничных регионах. 3 июля 2010 г. Благовещенск // Президент России: [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/8278> (дата обращения: 20.10.2013 г.)

38. Стипендиальный фонд учредила Ассоциация китайских предпринимателей Приморского края ООО "ХуаЛянь" в Институте Конфуция ДВФУ // DV-Brand.ru 13.09.2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dv-reclama.ru/dvbussines/obrazovanie/detail.php?blog=dvfu&post_id=10651 (дата обращения: 10.10.2011 г.)

39. Строева Г.Н. Стратегии адаптации трудовых мигрантов из Китая // *Власть и управление на Дальнем Востоке России*. 2007. № 4. С. 101-108.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. «Му obrecheny na udachu» Konstantin Romodanovskij // FMS RF [Электронный ресурс]. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=45321 (дата обращения: 20.10.2013 г.)

2. Bezrukov I.S., Gorbenkova E.V. Perspektivy ispol'zovaniya aziatskoj rabochej sily v ehkonomie Dal'nego Vostoka Rossii. Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2006. 208 s.

3. Borokh O., Lomanov A. Skromnoe obayanie Kitaya // *Pro et Contra*. 2007. № 6 (39). S. 41-60.

4. Vitkovskaya G., Zajonchkovskaya ZH. Novaya stolypinskaya politika na Dal'nem Vostoke Rossii // *Perspektivy Dal'nevostochnogo regiona: mezhstranovye vzaimodejstviya*. М.: Gendalf, 1999. S. 80-120.

5. Vitkovskaya G.S. Dal'nevostochnyj region Rossii: vneshnie vzaimodejstviya v sfere migratsii // Seminar «Vneshneehkonomicheskaya deyatelnost' regionov: rol' v federalizatsii Rossii». 30 noyabrya 1999 g. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://federalmcart.ksu.ru/conference/seminar2/vitkovskaja.htm> (data obrashheniya: 10.05.2011 g.)

6. Gel'bras V.G. Kitajskaya real'nost' Rossii. M.: Muravej, 2001. 320 s.

7. Geopoliticheskij potentsial transgranichnogo sotrudnichestva stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona / Nauch. red. A.B. Volynchuk. Vladivostok, 2010. 626 s.

8. Golyuk N.S. Kriminologicheskoe obespechenie migratsionnoj politiki v Dal'nevostochnom federal'nom okruge Rossii: Regional'nyj komponent. Avtoref... kand. jur. nauk. Irkutsk, 2007 // YUridicheskaya Rossiya: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1277577> (data obrashheniya: 10.05.2011 g.)

9. Deyatel'nost' regional'nykh migratsionnykh sluzhbb na vostoке Rossijskoj Federatsii. Irkutsk, 2006. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/migration/ (data obrashheniya: 10.05.2011 g.)

10. Dmitriy Medvedev porekomentoval pogransluzhbam sozdavat' sovremennuyu infrastrukturu i pravila, kotorye by migranty ne khoteli narushat'. 03.07.2010 // Pravitel'stvo Amurskoj oblasti: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.amurobl.ru/index.php?m=&r=7&c=1877&n=814&rn=1> (data obrashheniya: 10.10.2011 g.)

11. Dmitriy Medvedev posetil KHehfehjskij nauchno-issledovatel'skij institut fiziki plazmy i vstretilsya so studentami i prepodavatel'nyimi Kitajskogo universiteta nauki i tekhnologij // Pravitel'stvo RF [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://government.ru/news/7705> (data obrashheniya: 25.10.2013 g.)

12. Dyatlov V.I. Kitajskie migranty v sovremennoj Rossii: praktiki vzaimnoj adaptatsii // Vzaimodejstvie Rossii i Kitaya v global'nom i regional'nom kontekste: politicheskie, ehkonomicheskie i sotsiokul'turnye izmereniya. Vladivostok: Izd-vo DVGU, 2008. S. 180-185.

13. Zabiyako A.P., Kobyzov R.A., Ponkratova L.A. Russkie i kitajtsy: ehnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoке. Blagoveshhensk: Amurskij gos. un-t, 2009. 412 s.

14. Zagrebnov E. EHkonomicheskaya organizatsiya kitajskoj migratsii na rossijskij Dal'nij Vostok posle raspada SSSR // Prognosis. 2007. № 1. S. 252-277.

15. Zakharova O.D., Mindogulov V.V., Rybakovskij L.L. Nelegal'naya immigratsiya v prigranichnykh rajonakh Dal'nego Vostoka // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1994. № 12. S. 11-21.

16. Integratsiya ehkonomicheskikh migrantov v regionakh Rossii. Formal'nye i neformal'nye praktiki / Nauch. red. N.P. Ryzhovej. Irkutsk: «Ottisk», 2009. 264 s.

17. Karlusov V., Kudin A. Kitajskoe prisutstvie na rossijskom Dal'nem Vostoке: istoriko-ehkonomicheskij analiz // Problemy Dal'nego Vostoka. 2002. № 5. S. 76-87.

18. Kireev A.A. Dal'nevostochnaya granitsa Rossii: tendentsii formirovaniya i funkcionirovaniya (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI vv.). Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2011. 474 s.

19. Kireev A.A. Diasporizatsiya kitajskikh migrantov na territorii rossijskogo Dal'nego Vostoka // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2011. № 2. S. 80-90.

20. Kitaj pomnit i blagodarit soldat pobedy // RIA Vostok Media. 7.05.2009. [EHlektronnyj resurs]. URL: [www http://vostokmedia.com/n44568.html?print](http://vostokmedia.com/n44568.html?print) (data obrashheniya: 18.10.2013 g.)

21. Kitajskie biznesmeny Vladivostoka khotyat pozdravit' nashikh veteranov // Vl. ru. 20.04.2009. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://news.vl.ru/vlad/2009/04/20/kitajcy/> (data obrashheniya: 8.05.2011 g.)

22. Kitajskie deti vo Vladivostoke zagovoryat po-russki // PrimaMedia. ru. 9.03.2011. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://primamedia.ru/news/show.php?id=148735&printmode=1> (data obrashheniya: 8.09.2011 g.)

23. Kozlov L.E. Diaspory v regional'nykh politicheskikh protsessakh Dal'nego Vostoka Rossii // Rossiya i ATR. 2010. № 1. S.128-136.
24. Kondrat'eva T.S. Diaspory v sovremennom mire: ehvolyutsiya yavleniya i ponyatiya // Zagranitsa. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/2020.shtml (data obrashheniya: 19.09.2011 g.)
25. Larin A.G. Kitajskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'. M.: Vostochnaya kniga, 2009. 512 s.
26. Larin V.L. V teni prosnuvshegosya drakona: Rossijsko-kitajskie otnosheniya na rubezhe KHKH – XXI vv. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 424 s.
27. Motrich E.L. Transformatsiya migratsionnykh svyazey Dal'nego Vostoka Rossii so stranami blizhnego i dal'nego zarubezh'ya // Prostranstvennaya ehkonomika. 2010. № 2. S. 74-95.
28. Natsional'nye diaspory Vladivostoka aktiviziruyut uchastie v obshhestvennoj zhizni goroda // RIA Vostok Media. 18.09. 2009. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://vostokmedia.com/n55439.html> (data obrashheniya: 10.10.2011 g.)
29. Politika immigratsii i naturalizatsii v Rossii: sostoyanie del i napravleniya razvitiya / Pod red. S.N. Gradirovskogo. M., 2005.
30. Regional'noe soveshhanie s nachal'nikami territorial'nykh organov FMS Rossii po DFO sostoyalos' v YUzhno-Sakhalinske // UFMS po Khabarovskogo krayu: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ufms-khb.ru/node/433> (data obrashheniya: 18.10.2013 g.)
31. Remorenko I. Rossiya planiruet rasshirit' programmu gosudarstvennoj podderzhki obucheniya kitajskikh studentov // ZHen'min' zhibao on-lajn. Russkij yazyk. 23.09. 2011. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7603137.html> (data obrashheniya: 10.10.2011 g.)
32. Ryazantsev S. «Globalizatsiya po-kitajski»: investitsii, migratsiya, diaspora // Mezhdunarodnye protsessy. 2012. T.10. № 3. 21-24.
33. Ryazantsev S.V. Kitajskaya migratsiya v Rossiiu: tendentsii i strategii regulirovaniya 20.03.2011 // MID RF [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric/72E2FE67858A3B65C3257859005A82AD> (data obrashheniya: 8.10.2013 g.)
34. Severo-Vostochnyj Kitaj na rubezhe XX – XXI vv. Vladivostok: Dal'nauka, 2005. 240 s.
35. Sin' YAn', N. P. Yablokov. Bor'ba s mafiej v Kitae. Ovchinskij V.S. Mafiya XXI v.: sdelano v Kitae. M.: Norma, 2006. 192 s.
36. Sotni tysyach odnikh kitajtsev // Vremya novostej. № 108. 21 iyunya 2002. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.vremya.ru/print/24275.htm> (data obrashheniya: 10.06.2011 g.)
37. Stenograficheskij otchet o soveshhanii po tamozhennoj i migratsionnoj problematike v prigranichnykh regionakh. 3 iyulya 2010 g. Blagoveshensk // Prezident Rossii: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/8278> (data obrashheniya: 20.10.2013 g.)
38. Stipendial'nyj fond uchredila Assotsiatsiya kitajskikh predprinimatelej Primorskogo kraya OOO "KHuaLyan" v Institute Konfutsiya DVFU// DV-Brand.ru 13.09.2011 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.dv-reclama.ru/dvbussines/obrazovanie/detail.php?blog=dvfu&post_id=10651 (data obrashheniya: 10.10.2011 g.)
39. Stroeva G.N. Strategii adaptatsii trudovykh migrantov iz Kitaya // Vlast' i upravlenie na Dal'nem Vostoke Rossii. 2007. № 4. S. 101-108.

УДК 311.14

*Андреева О.Н.
Andreeva O.N.*

Уровень и качество жизни населения в Приморском крае (в преддверии проведения саммита АТЭС)

Level and quality of life of the population in Primorye Territory
(in anticipation of carrying out the APEC summit)

Данная статья посвящена вопросам качества и уровня жизни населения. В качестве основного объекта исследования выступает уровень и качество жизни населения Дальневосточного федерального округа и Приморского края. Целью данного исследования является оценка качества жизни населения Дальневосточного федерального округа и Приморского края в преддверии саммита АТЭС. К основным результатам исследования можно отнести: апробацию и упрощение методики оценки уровня и качества жизни населения; расчёт значений показателей уровня жизни и индекса качества жизни в Российской Федерации и отдельных регионах по состоянию на 01.01.2012 г.

Ключевые слова: *уровень жизни, качество жизни, социальные показатели, социальные индикаторы уровня жизни, социальные индикаторы качества жизни, оценка уровня и качества жизни, индекс качества жизни.*

This article is devoted to the issues of quality and standard of life of the population. As the main object of research is the level and quality of life of the population of the Far Eastern Federal district and Primorsky Krai. The aim of this study is to assess the quality of life of the population of the Far Eastern Federal district and the Primorsky Krai in time for the APEC summit. The main findings of the study include: validation and the simplification of the methods to evaluate the level and quality of life; calculation of indicators of living standards and quality of life index in the Russian Federation and its separate regions by 01.01.2012.

Key words: *standard of living, quality of life, social performance, social indicators standard of living, social indicators quality of life, an assessment of the level and quality of life, quality of life index*

Оценка уровня и качества жизни населения является первоочередной задачей при планировании и реализации программ социально-экономического развития, оценке эффективности работы органов государственной власти и т.д. Проблемы оценки уровня и качества жизни населения являются предметом научного интереса значительного числа авторов. Данная статья продолжает цикл публикаций, посвящённых оценке качества жизни населения Приморского края [1-3].

За период подготовки к саммиту АТЭС Дальневосточный регион (и Приморский край, в том числе) получили огромные госинвестиции в

АНДРЕЕВА Ольга Николаевна, к. соц. н., старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Владивостокского филиала Российской таможенной академии (г. Владивосток). E-mail: Agloolga@rambler.ru

развитие объектов инфраструктуры¹. Небывалые объёмы строительства, резкое изменение облика г. Владивостока, небывалый объём бюджетных вливаний должны были в значительной степени повысить уровень и качество жизни населения и сделать Дальневосточный регион и Приморский край, в первую очередь, привлекательными для жизни.

Целью данного исследования является оценка качества жизни населения Дальневосточного федерального округа и Приморского края в преддверии проведения саммита АТЭС.

В рамках данного исследования была использована методика оценки уровня и качества жизни населения, разработанная лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова [4]. В рамках данного исследования, с целью упрощения процедуры осуществления сравнительного анализа, методика оценки уровня и качества жизни населения была откорректирована. Суть изменений данной методики заключается в следующем: все значения индикаторов, используемых при расчёте показателей качества жизни, приводились к процентным значениям, при этом общероссийские показатели принимались за базовые и имели значение 100% (далее расчёты производились в соответствии с базовыми формулами расчёта индекса жизни населения).

В роли рабочего определения уровня и качества жизни в рамках данного исследования используется следующее: уровень жизни – уровень благосостояния (степень величины потребления конкретных благ), а качество жизни – степень удовлетворения некоторого базового набора материальных и духовных потребностей индивида, характеризуемая, с одной стороны, определённым уровнем благосостояния, с другой – наличием необходимой инфраструктуры и прочих условий для удовлетворения этих потребностей [4, с. 6]. Таким образом, уровень жизни представляет собой составляющую качества жизни. При осуществлении оценки качества жизни, само качество жизни представляет собой индекс, включающий в себя показатели уровня жизни.

Особенностью данной методики является сознательный отказ разработчиков от включения в индекс качества жизни целого ряда специфических показателей, репрезентирующих уровень социального развития и качества жизни (транспорт, связь, телекоммуникации, экология, наука и образование, культура и досуг и т.п.) [4]. Используемые общие показатели отражают сразу весь комплекс условий социального развития и повышения качества жизни и базовые предпосылки социального развития. Отказ разработчиков методики от учёта экспертных оценок обусловлен их субъективностью и значительными финансовыми и временными затратами по их получению.

На основании используемой методики оценки уровня и качества жизни населения, была составлена сводная таблица «Компоненты индекса качества жизни (QL): показатели и индикаторы уровня жизни, способы расчёта и измерения» (см. таблица 1).

Согласно данной методике основными компонентами индекса качества жизни (QL), который рассчитывается согласно формуле 1, стали: 1) качество жилищных условий населения (Н), 2) величина и распределение доходов (I), 3) миграционная привлекательность региона (M), 4) уровень выживаемости детей в возрасте до одного года (обратный смертности в возрасте до одного года) (С), 5) безопасность личности (В), 6) развитость рынков услуг (S), 7) продолжительность жизни (L), 8) доступность рабочих мест (J).

¹ Общий объём финансирования, выделенного в 2008-2012 годах на строительство объектов для саммита АТЭС-2012 во Владивостоке, составил 679,3 миллиарда рублей [5].

$$QL = \frac{H + I + M + C + B + S + L + J}{8}, (1)$$

Таблица 1. Компоненты индекса качества жизни (QL): показатели и индикаторы уровня жизни, способы расчёта и измерения

Показатели уровня жизни	Способ расчёта	Индикаторы уровня жизни	Способы измерения
1. Качество жилищных условий населения (H)	$H = \frac{A + D + R}{3}$	Наличие коммуникаций (A)	В качестве операциональной переменной взят удельный вес общей жилой площади, оборудованной водопроводом.
		Состояние жилищного фонда (D)	Измеряется через удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади жилищного фонда. При этом индикатор состояния жилищного фонда обратно пропорционален доле ветхого и аварийного жилья.
		Обеспеченность населения жильём (R)	Мерой обеспеченности жильём выступает общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя
2. Величина и распределение доходов (I)	$I = \frac{W + G + P}{3}$	Размер индивидуальных доходов (W)	Отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму, установленному в регионе.
		Равенство в распределении доходов (G)	Величина, обратная индексу концентрации доходов Джинни. Данный индекс оценивает близость наблюдаемого распределения доходов среди населения к равномерному. Чем ближе значение индекса к 1 (или 100%), тем менее равномерно распределены доходы и, соответственно, выше уровень социальной дифференциации
		Отсутствие бедности (P)	Операциональным индикатором данной величины является доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума («за чертой бедности»), взятая в обратной пропорции.
3. Миграционная привлекательность региона (M)			В основе данного показателя – стандартные коэффициенты миграционного прироста, представляющие собой разность между числом прибывших и ушедших на 10 000 человек населения территории.
4. Уровень выживаемости детей в возрасте до одного года (обратный смертности в возрасте до одного года) (C)			Это один из важнейших и общепризнанных в мире показателей качества жизни, учитывающий сразу две составляющие: качество медицинских услуг и здоровье родителей. Очевидна обратная связь между младенческой смертностью и качеством жизни региона.
5. Безопасность личности (B).			Данный показатель обратно пропорционален такому традиционному индикатору, как уровень преступности – число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения. Несмотря на некоторые проблемы его применимости в России (где «регистрируемость» преступлений может варьироваться от региона к региону), явной альтернативы данному показателю не просматривается. Тогда как учёт фактора личной безопасности в оценке качества жизни территорий представляется авторам необходимым.

Показатели уровня жизни	Способ расчёта	Индикаторы уровня жизни	Способы измерения
6. Развитость рынков услуг (S)			Представляет собой объём платных услуг на душу населения (общий объём денежных средств, уплаченных самим потребителем или организацией, в которой он работает, за оказанную ему или членам его семьи услугу, разделённый на численность населения региона).
7. Продолжительность жизни (L)		Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Это общепринятый в мировой статистике показатель, вычисляемый на основе таблиц смертности.
8. Доступность рабочих мест (J)			Данный показатель является обратным по отношению к уровню безработицы, рассчитываемому как отношение численности безработных к численности экономически активного населения (в процентах). В настоящее время в ФСГС РФ при отнесении индивида к категории безработных приняты стандарты Международной организации труда (МОТ). Соответственно, данный показатель рассчитывается на основании опросных исследований, а не на основании данных государственной службы занятости.

При оценке уровня и качества жизни населения (расчёта индекса качества жизни (QL) были использованы данные по состоянию на 01.01.2012 г. Федеральной службы государственной статистики, размещённые на официальном сайте (<http://www.gks.ru>). Выбор данных по состоянию на 01.01.2012 г. обусловлен тем, что основные объёмы финансовых средств, запланированных на строительство объектов АТЭС, к данному сроку уже были освоены, основные стройки уже были завершены.

Результаты расчёта значений показателей и индекса качества жизни представлены в *таблице 2*.

Как следует из представленной таблицы по показателю уровня жизни «Качество жилищных условий населения (H)», Дальневосточный федеральный округ занимает шестую из восьми возможных позиций в рейтинге федеральных округов. По данному показателю округами-лидерами выступают Центральный, Северо-западный федеральные округа. По качеству жилищных условий населения Приморский край в Дальневосточном федеральном округе занимает пятую рейтинговую позицию, опережая лишь Республику Саха (Якутия) и Амурскую и Еврейскую автономную области.

По показателю «Величина и распределение доходов населения (I)» Дальневосточный федеральный округ занимает самую нижнюю рейтинговую позицию, значительно отставая от округов-лидеров (Центральный, Уральский и Приволжский федеральные округа). По данному показателю Приморский край в Дальневосточном федеральном округе занимает пятую центральную позицию, опережая Республику Саха (Якутия), Камчатский край, Амурскую и Еврейскую автономную область.

В отличие от Центрального, Северо-западного, Южного и Уральского федеральных округов, Дальневосточный федеральный округ не является привлекательным для жизни регионом. По показателю «Миграционная привлекательность региона (M)» Дальневосточный федеральный округ занимает седьмую рейтинговую позицию, опережая по понятным

Таблица 2. Значение показателей уровня жизни и индекса качества жизни в Российской Федерации и отдельных регионах по состоянию на 01.01.2012 г.

№ п/п	Регион	Качество жилищных условий населения (Н), %	Величина и распределение доходов (I), %	Миграционная привлекательность региона (М), %	Уровень выживаемости детей в возрасте до одного года (С), %	Безопасность личности (В), %	Развитость рынков услуг (S), %	Продолжительность жизни (L), %	Доступность рабочих мест (J), %	Индекс качества жизни (QL), %	Рейтинговая позиция ¹
1	Российская Федерация	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	-
2	Центральный федеральный округ	102,4	118,5	124,3	101,0	100,2	111,0	101,9	102,6	107,7	I
3	Северо-западный федеральный округ	102,2	98,9	120,0	102,2	100,1	107,6	100,3	101,4	104,1	II
4	Уральский федеральный округ	100,3	101,8	106,4	100,8	99,6	103,4	99,4	99,7	101,4	III
5	Южный федеральный округ	98,1	98,4	115,0	100,3	100,3	89,8	101,2	99,6	100,3	IV
6	Приволжский федеральный округ	100,2	100,6	81,4	101,2	100,0	88,6	99,2	100,0	96,4	V
7	Сибирский федеральный округ	95,2	95,1	85,0	99,6	99,5	92,8	97,0	98,3	95,3	VI
8	Дальневосточный федеральный округ	96,2	92,6	64,3	98,2	99,6	98,9	95,0	99,1	93,0	VII

8.1	Чукотский авт. округ	114,2	108,8	157,1	93,8	100,2	110,6	88,2	101,3	109,3	1
8.2	Сахалинская область	104,7	102,7	81,4	103,2	99,7	111,7	94,1	98,3	99,5	2
8.3	Хабаровский край	100,1	95,5	94,3	96,7	99,6	97,0	94,5	99,8	97,2	3
8.4	Приморский край	96,4	95,3	88,6	97,5	99,3	92,8	96,2	98,4	95,6	4
8.5	Камчатский край	108,7	91,3	47,9	97,2	100,0	101,1	95,3	100,3	92,7	5
8.6	Магаданская область	111,2	98,9	0,0	100,2	99,6	115,2	94,5	102,2	90,2	6
8.7	Амурская область	91,2	90,2	31,4	96,4	99,5	103,4	92,8	100,5	88,2	7
8.8	Республика Саха (Якутия)	82,0	92,7	11,4	101,2	100,1	98,9	96,9	97,6	85,1	8
8.9	Еврейская автономная область	91,0	90,3	13,4	92,8	99,6	93,9	90,7	97,6	83,7	9
9	Северо-Кавказский федеральный округ	91,9	98,4	60,0	94,0	100,9	76,5	104,0	91,0	89,6	VIII

¹ Для краёв и областей Дальневосточного федерального округа указаны рейтинговые позиции по Дальневосточному федеральному округу.

причинам лишь Северо-Кавказский федеральный округ. Учитывая неблагоприятную миграционную ситуацию в Дальневосточном федеральном округе в целом, положительным миграционным приростом может похвастаться лишь Приморский и Хабаровский края и Чукотский автономный округ. При этом Приморский край, занимая по данному показателю третью рейтинговую позицию, более чем на 11 пунктов отстаёт от общероссийский показателей и на 36 пунктов от региона лидера – Центрального федерального округа.

По показателю «Уровень выживаемости детей в возрасте до одного года (обратный смертности в возрасте до одного года) (С)» Дальневосточный федеральный округ опережает лишь Северо-Кавказский федеральный округ. Приморский край среди краёв и областей Дальневосточного федерального округа занимает четвёртую рейтинговую позицию (первые рейтинговые позиции по данному показателю занимают Сахалинская область, Республика Саха (Якутия) и Магаданская область).

По показателю «Безопасность личности (В)» Дальневосточный федеральный округ наравне с Уральским федеральным округом опережает лишь Сибирский федеральный округ. В рейтинге краёв и областей Дальневосточного федерального округа Приморский край по данному показателю занимает наихудшую позицию.

По показателю «Развитость рынков услуг (S)» Дальневосточный федеральный округ в рейтинге округов занимает центральную позицию, его опережают Центральный, Северо-Западный и Уральский федеральный округа. Приморский край на уровне Дальневосточного федерального округа по данному показателю занимает нижнюю рейтинговую позицию.

По показателю «Продолжительность жизни (L)» Дальневосточный федеральный округ занимает нижнюю рейтинговую позицию. На уровне Дальневосточного федерального округа Приморский край наряду с Республикой Саха (Якутия) является регионом лидером, отставая от общероссийских показателей на 3 и более пункта (т.е. в абсолютных показателях ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Приморском крае на 2,5 года меньше по сравнению с общероссийскими показателями).

По показателю «Доступность рабочих мест (J)» Дальневосточный федеральный округ также не является привлекательным, занимая шестую позицию, опережая только Сибирский и Северо-Кавказский федеральный округ. Приморский край на уровне Дальневосточного федерального округа занимает шестую рейтинговую позицию, опережая Республику Саха (Якутия), Сахалинскую и Еврейскую автономные области.

Оценивая значения обобщённого индекса качества жизни населения, следует констатировать, что Дальневосточный федеральный округ занимает предпоследнее место в рейтинге округов Российской Федерации и опережает лишь Северо-Кавказский федеральный округ. Отставание от лидирующего Центрального федерального округа составляет более чем 14 пунктов и 7 пунктов от общероссийских показателей. Приморский край на фоне краёв и областей Дальневосточного федерального округа занимает четвёртую рейтинговую позицию. Приморский край опережает лишь Чукотский автономный округ, Сахалинская область и Хабаровский край (при этом значение индекса жизни в Приморском крае ниже общероссийских более чем на 4 пункта и на 12 пунктов ниже, чем в Центральном федеральном округе, занимающем лидирующие по качеству жизни позиции).

Таким образом, следует констатировать, что Дальневосточный федеральный округ и Приморский край, в том числе, к моменту проведе-

ния саммита АТЭС являлись непривлекательными регионами и с точки зрения качества жизни населения, и занимали одно из последних мест в рейтинге федеральных округов Российской Федерации.

Литература

1. Андреева О.Н. Система показателей уровня и качества жизни населения / О.Н. Андреева // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 1. С. 71-79.
2. Андреева О.Н. Способы оценки уровня и качества жизни населения / О.Н. Андреева // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2. С. 112-120.
3. Андреева О.Н. Уровень и качество жизни: содержание понятий и их составляющие / О.Н. Андреева // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 4. С. 68-77.
4. Индекс качества жизни регионов России: методология и методика оценки: отчет о НИР / Лаборатория математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова Института региональной информации М., 2010. 19 с.
5. Счетная палата подсчитала затраты на стройки для саммита АТЭС // Лента.Ру [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2012/07/04/spates> (дата обращения: 05.11.2013 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Andreeva O.N. Sistema pokazatelej urovnya i kachestva zhizni naseleniya / O.N. Andreeva // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2013. № 1. S. 71-79.
2. Andreeva O.N. Sposoby otsenki urovnya i kachestva zhizni naseleniya / O.N. Andreeva // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2013. № 2. S. 112-120.
3. Andreeva O.N. Uroven' i kachestvo zhizni: sodержanie ponyatij i ikh sostavlyayushhie / O.N. Andreeva // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2012. № 4. S. 68-77.
4. Indeks kachestva zhizni regionov Rossii: metodologiya i metodika otsenki: otchet o NIR / Laboratoriya matematicheskikh metodov politicheskogo analiza i prognozirovaniya fakul'teta politologii MGU im. M.V.Lomonosova Instituta regional'noj informatsii M., 2010. 19 s.
5. Schetnaya palata podschitala zatraty na strojki dlya sammita ATEHS // Lenta.Ru [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://lenta.ru/news/2012/07/04/spates> (data obrashheniya: 05.11.2013 g.).

УДК 327:339

Реутов Д.А.
Reutov D.A.

Вызовы и перспективы российско-японского газового сотрудничества

Prospects and challenges of Russian-Japanese gas cooperation

Россия ставит цель расширить своё присутствие на растущем газовом рынке АТР. Япония является крупнейшим мировым потребителем сжиженного природного газа (СПГ). Российские поставки газа могут осуществляться как через терминалы СПГ, так и путём строительства газопровода с о. Сахалин в Японию. Приводится оценка возможных выгод и потерь сторон при реализации двусторонних проектов в газовой отрасли. Анализируется будущее развитие российско-японских газовых проектов. Приводятся рекомендации по созданию взаимовыгодных условий сотрудничества.

Ключевые слова: *российско-японские отношения, энергетическое сотрудничество, СПГ, газопровод, региональное развитие, Дальний Восток*

Russia aims to expand its presence at the growing Asia-Pacific gas market. Japan is the world's largest consumer of liquefied natural gas (LNG). Russia may organize gas supply to Japan via LNG terminals or by construction of a gas pipeline from Sakhalin Island to Japan. Potential benefits and losses of bilateral gas projects are evaluated. The future development of Russian-Japanese gas projects is analyzed. Recommendations for forging of mutually beneficial conditions for cooperation are given.

Key words: *Russian-Japanese relations, energy cooperation, LNG, gas pipelines, regional development, Far East*

Одной из ключевых проблем России в АТР остаётся низкий уровень вовлечённости в экономическую жизнь региона. Существенно повысить политический и экономический статус в регионе, одновременно способствуя развитию дальневосточных территорий, Москва может, в первую очередь, активно участвуя в двусторонних и многосторонних проектах со странами Северо-Восточной Азии по строительству энергомоств, нефте- и газопроводов, заводов по переработке нефти, газа и др. При этом для России, стремящейся к диверсификации энергетического экспорта, Япония является одним из наиболее привлекательных и перспективных рынков сбыта [13].

Важную роль в обеспечении энергетического баланса Японии играет природный газ, потребление которого, несмотря на низкие темпы роста японской экономики, продолжает расти. Вызвано это увеличением доли тепловых электростанций, использующих газ в качестве топлива, растущим потреблением газа коммерческим сектором и домохозяйствами [23, с. 14], отказом от использования атомной энергии после аварии

РЕУТОВ Дмитрий Александрович, ведущий менеджер отдела реализации инфраструктурных и нефтегазовых проектов ОАО «Дальзавод» (г. Владивосток). **E-mail:** reutov.dmitrii@mail.ru

на АЭС Фукусима в 2011 году, мерами по повышению энергоэффективности, вследствие чего нефть вытесняется природным газом, ужесточающимися экологическими стандартами.

Япония импортирует более 95% природного газа, являясь, в силу своего географического положения и специфики отраслевой структуры хозяйства, крупнейшим в мире импортером сжиженного природного газа (СПГ). В 2012 году в Японию было поставлено 87,31 млн. тонн СПГ, что составило около 35% всего мирового экспорта [21]. Примерно по 20% совокупного импорта СПГ Японии приходится на Индонезию, Австралию и Малайзию, которые вместе обеспечивают 60% поставок газа. Стоит отметить, что географически они более близки к Японии, чем страны Ближнего Востока, которые формируют ещё около 30% импорта газа в эту страну.

Поставки СПГ с Ближнего Востока сопряжены не только с высокими транспортными издержками, но и с риском захвата судов в Аденском заливе и Малаккском проливе пиратами, а также – в случае резкого ухудшения двусторонних отношений с Китаем – с риском задержания судов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Поэтому Япония диверсифицирует импорт посредством организации поставок из других стран, таких как Россия и США. Одновременно Токио обеспечивает сбалансированность поставок газа: исходя из анализа географической структуры импорта, можно сделать вывод, что максимально допустимая доля поставок одной страны не превышает 20% от совокупного импорта. Успехи Японии по диверсификации поставщиков СПГ можно проиллюстрировать с помощью индекса Херфиндаля-Хершмана [4, с. 132], который в нашем случае будет рассчитываться по формуле $HHI = S1^2 + S2^2 + \dots + S_n^2$, где S_n – доля каждого из поставщиков СПГ. Индекс принимает значения от 0 до 10000, чем ниже его значение, тем более сбалансирована географическая структура поставок. Доли экспортёров на японском рынке СПГ распределяются следующим образом: Малайзия (19,8%), Австралия (18,9%), Индонезия (18,2%), Катар (10,9%), Россия (8,8%), Бруней (8,3%), ОАЭ (7,3%), Оман (4,1%), США (0,9%), Нигерия (0,9%), остальные страны (1,9%) [4, с. 146]. В нашем случае $HHI = 1421$, что свидетельствует о высокой степени диверсификации поставок СПГ в Японию.

Япония рассматривает диверсификацию поставок как возможность снижения стоимости газа. О трудностях, с которыми сталкивается Япония в обеспечении поставок СПГ, можно судить по тому факту, что после аварии на АЭС Фукусима и резко возросшего спроса, цены на газ в Японии поднялись до \$600-700 за 1000м³, что превышает европейские цены почти в 2 раза, а мировые – в 3-4 раза [24].

При этом энергетический рынок АТР становится весьма привлекательным для российских нефтегазовых корпораций, таких как «Газпром», «Роснефть» и «Новатэк». Согласно «Энергетической стратегии России на период до 2030 года», доля АТР составит в совокупном экспорте российского газа до 20% [16].

Российская модель организации экспортных поставок энергоресурсов отличается от общемировой, в которой международная кооперация имеет большое значение. Нефтегазовая отрасль России представлена несколькими государственными корпорациями, а стратегия развития отрасли не предусматривает широкого участия иностранных партнеров, что, с одной стороны, приводит к сравнительно медленной реализации проектов, но, с другой стороны, позволяет сохранять суверенитет объектов нефтегазовой инфраструктуры.

По мнению американского эксперта А. Коэна, России необходимы финансы и технологии для развития энергетического сектора Дальнего Востока (ДВ) и Восточной Сибири (ВС), в частности, газопроводов и тер-

миналов СПГ. Опыт успешного взаимодействия представлен проектами «Сахалин-1» и «Сахалин-2». Рост российского экспорта энергоносителей в Японию и усиление связей с энергетическими компаниями этой страны может положительно сказаться на привлечении японского капитала. Однако пока в этом регионе России существует негативный инвестиционный климат, отсутствует ключевая инфраструктура, а законодательные рамки в сфере энергетики постоянно изменяются. Для привлечения иностранных инвестиций России необходимо работать по всем этим трём направлениям [17].

Если рассматривать высказывание А. Коэна с позиции экономического либерализма, то его предложения будут уместны. Однако современная позиция России по вопросу привлечения иностранных инвесторов в энергетические проекты далека от либеральной, поэтому динамика развития энергетики ДВ и ВО будет отличаться от предложенной экспертом, базируясь на этатизме и ограничении конкуренции, и интеграция России в энергетический рынок АТР будет медленной.

Российские поставки газа на сегодня составляют 8,8% от совокупного импорта Японии. Экспорт обеспечивается терминалом СПГ на о. Сахалин, который был построен в рамках проекта «Сахалин-2», где японские компании «Mitsui» и «Mitsubishi» имеют доли 12,5% и 10% соответственно. Контрольным пакетом (50% +1 акция) владеет «Газпром», а «Royal Dutch Shell» имеет 27,5% – 1 акция. Таким образом, руководящую роль в проекте занимает «Газпром», а нидерландско-британская компания является техническим консультантом и вносит существенный вклад в оперативное управление. Роль японских компаний-миноритариев проекта не столь значима, однако именно японская сторона построила первый в России и на сегодняшний день единственный терминал СПГ, который позднее был передан под управление «Газпрому». К тому же, около 70% всего сжиженного газа, производимого терминалом, поступает в Японию. Ориентация на российские поставки позволяет сократить транспортные издержки (доставка СПГ с о. Сахалин занимает 3-4 дня, а доставка с Ближнего Востока – 3-4 недели), а также нивелировать риски, связанные с пиратством и возможными ограничительными действиями со стороны Китая [18].

Потенциал газового сотрудничества России и Японии значителен и не ограничивается Сахалинскими проектами. Существуют проработки как по строительству терминалов СПГ, так и планы по прокладке подводного газопровода с о. Сахалин в Японию. Вопрос строительства газопровода с о. Сахалин в Японию обсуждался в еще начале 2000-х годов, однако тогда не получил своего развития ввиду отсутствия интереса со стороны японских электрогенерирующих и газовых компаний.

В 2012 году японские компании «Tokyo Gas», «Japan Petroleum Exploration» и «Nippon Steel & Sumikin Engineering» предложили проложить газопровод диаметром 50-76 см и длиной 1400 км от о. Сахалин через о. Хоккайдо, далее вдоль побережья с выходом на сушу в районе порта Касима, откуда газопровод предлагается включить в газопроводную сеть Токио (см. рис. 1) [22].

Преимуществом подводного газопровода над наземным для Японии является отсутствие необходимости выкупа земель и сноса строений, находящихся в частной собственности. Газопровод также призван значительно снизить стоимость газа. Согласно предварительному технико-экономическому обоснованию стоимость проекта составит \$3,7-5 млрд. Срок реализации представленного проекта в позитивном сценарии составит от 5 до 7 лет. Проектная мощность газопровода будет составлять 5,8 млн. тонн газа в год [19].

В качестве ресурсной базы предлагается использовать газ проекта «Сахалин-1», в котором дочерняя структура японской корпорации «Itochu» имеет долю 30%, а оператором проекта является «Exxon Neftegas Ltd». Японская сторона также предложила «Газпрому» рассмотреть возможность организации поставок газа с месторождений «Сахалин-2», однако эта идея не вызвала интереса у российской стороны. По мнению «Газпрома», строительство газопровода с о. Сахалин в Японию нецелесообразно как с технической, так и с экономической точек зрения ни по одному из предлагаемых маршрутов [25]. Приоритетом «Газпрома» является увеличение поставок СПГ в Японию путём строительства третьей очереди завода СПГ на о. Сахалин и завода в Приморском крае. Госкорпорация готова рассмотреть возможность строительства газопровода только после предоставления японской стороной гарантий на покупку СПГ двух российских заводов. Исходя из суммарной проектной

мощности шести технологических линий двух заводов СПГ, которая составит 30 млн. тонн СПГ в год, при сохранении текущей доли поставок в Японию в общем объеме российского экспорта СПГ (70%), в 2020 году при среднегодовом росте потребления 3,7% (средний рост в период с 2003 по 2012 гг.) [20] доля экспорта «Газпрома» составит около 17,5% от совокупного импорта Японии. Принимая во внимание стратегию Японии по диверсификации географической структуры поставок газа, Токио в будущем откажется от реализации проекта газопровода, несмотря на возможность получения сравнительно недорогого трубопроводного газа.

Текущая заинтересованность Японии проектом строительства газопровода вызвана не только низкой стоимостью трубопроводного газа по сравнению с СПГ из-за отсутствия необходимости его сжижения, транспортировки танкерами-газовозами с последующей регазификацией в Японии, но и сравнительно небольшим объемом российского газа на японском рынке.

Строительство газопровода предполагает его прохождение в районе южных Курильских островов. Позиция Токио заключается в необходимости решения территориального спора перед началом проекта [12], а поскольку японские условия разрешения спора неприемлемы для России, ожидать, что Москва пойдет на уступки ради проекта, который, по сути, предполагает для российской стороны меньшие выгоды, чем экспорт СПГ, не стоит.

Среди рисков, которые сопряжены с реализацией данного проекта, следует отметить группу экологических рисков, вызванных как антропогенным воздействием (ошибки при проектировании, строительстве, экс-

Рис. 1. Возможный маршрут газопровода с о. Сахалин в Японию

плуатации), так и природными факторами (сейсмическая активность, подводные течения, шторма). Кроме того, проект может оказать негативное влияние на морскую фауну. К экономическим/корпоративным рискам следует отнести проблемы согласования условий поставок газа (стоимость газа и транспортировки, объемы и сроки поставок), а также вопросы последующих расчётов и текущей эксплуатации объекта, затрагивающего территориальные воды и исключительные экономические зоны двух государств. Значительны политические риски, связанные, в первую очередь, с территориальным спором, обострение которого периодически приводит к осложнению российско-японских отношений. Здесь следует учитывать как возможность ограничения поставок российской стороной, так и нарушение контрактных обязательств с японской стороны. Используя теорию игр, определим оптимальные стратегии по принципу наихудших гарантированных выигрышей сторон:

В качестве критериев оценки используем следующие (цена критерия $n=+1$):

- ◆ использование газопровода;
- ◆ наличие инициативы нарушения/соблюдения контрактных обязательств;
- ◆ соблюдение контрактных обязательств сторонами;
- ◆ соблюдение контрактных обязательств противоположной стороной.

Игроки	1	Россия	
2		Нарушение контрактных обязательств путём прекращения поставок газа	Соблюдение контрактных обязательств: поставка газа в полном объеме
Япония	Нарушение контрактных обязательств путём несоблюдения порядка платежей за газ	(-3;-3) Контракт прекращается по инициативе обеих сторон	(-4; -1) Япония прекращает платежи
	Соблюдение контрактных обязательств: своевременная оплата	(-2;-3) Поставки газа прекращаются по инициативе России	(4;4) Условия контракта соблюдаются обеими сторонами

Представим матрицы выигрышей сторон:

Россия	
-3	-4
-2	4

Япония	
-3	-1
-3	4

Для России: Достигается наибольший из наихудших выигрышей (максимин).

Для Японии: Наихудшие выигрыши равны (достигается максимум среднего выигрыша).

Таким образом, наиболее вероятным негативным исходом будет являться прекращение поставок по инициативе России.

Альтернативой газопроводу является проект по строительству завода СПГ в бухте Перевозной Хасанского района Приморского края и

строительство дополнительной технологической линии завода СПГ на о. Сахалин.

Для обеспечения газом Приморского завода СПГ уже завершено строительство газопровода «Сахалин-Хабаровск-Владивосток» пропускной способностью 4,5 млн. тонн в год с возможностью увеличения до 22 млн. тонн в год. Ресурсной базой газопровода будут оффшорные месторождения «Сахалин-2». В будущем планируется также использование газа перспективного проекта «Сахалин-3» [8]. Однако пока газопровод практически не используется, а из-за низкого давления в трубе и отступлений от проекта при строительстве наблюдаются систематические перебои в газоснабжении [7].

Освоение Чаяндинского месторождения и строительство газопровода «Сила Сибири», который пройдет по маршруту Якутия-Хабаровск-Владивосток, планировалось начать в 2013 году, однако не было начато в связи с отсутствием договоренности по поставкам газа с Китаем, который будет основным потребителем газа по данному маршруту. Предполагается, что Китай предоставит кредитную линию «Газпрому» в счёт будущих поставок газа аналогично схеме, которая использовалась в нефтяной сделке. Кроме китайского направления, данный трубопровод должен обеспечивать газом завод СПГ в Приморье, ключевым потребителем которого будет Япония. Запасы Чаяндинского месторождения сравнимы с объемом японского импорта за 13 лет. Предполагается, что строительство газопровода будет завершено в 2017 году [1], однако завершить проект в срок будет для «Газпрома» крайне сложно ввиду продолжающейся неопределенности с финансированием проекта и подписанием контракта с Китаем. В будущем также планируется подключить к данному газопроводу Ковыктинское месторождение в Иркутской области. Совокупная производительность газопроводов «Сила Сибири» и «Сахалин-Хабаровск-Владивосток», при условии освоения Ковыкты, составит до 66 млн. тонн в год, однако для обеспечения таких значительных объемов понадобится ускоренное освоение месторождений и создание новых транспортных каналов для экспорта газа.

Терминал СПГ в Приморье будет включать в себя как минимум три технологические линии производительностью 5 млн. тонн СПГ каждая. Также возможно строительство последующих линий по мере освоения месторождений [3]. В настоящий момент завершено технико-экономическое обоснование проекта и ведутся работы по проектированию. Работы на площадке планируется начать в 2014 году, а запустить первую линию к концу 2018 года. Стоимость завода СПГ превышает стоимость подводного газопровода с о. Сахалин в Японию и составляет более \$7 млрд, но ряд экспертов уверен, что эта сумма является заниженной, так как текущая средняя стоимость установленной мощности 1 млн. тонн составляет \$1 млрд, то есть стоимость трёх технологических линий завода СПГ составит не менее \$15 млрд [11].

Среди причин, по которым «Газпром» отдает предпочтение заводу СПГ, а не подводному газопроводу, следует указать следующие:

- ♦ возможность диверсификации поставок, т.е. отсутствие монополии;
- ♦ бóльшая стоимость по сравнению с трубопроводным газом (Россия, пользуясь отсутствием конкуренции по трубопроводным поставкам, не использует собственную монопольную возможность, так как это приведёт к снижению стоимости газа на японском рынке, что противоречит интересам России);
- ♦ возможность одновременного освоения нескольких месторождений для наполнения газопроводов «Сила Сибири» и «Сахалин-Хабаровск-

Владивосток», при этом Чаянда и Ковыкта не предполагают проведения оффшорных работ, что упрощает задачу их освоения;

- ◆ значительные инвестиционные затраты, которые положительно скажутся на развитии территорий, где будут построены газопроводы и завод СПГ;

- ◆ обеспечение занятости местного населения и налоговые отчисления в бюджеты субъектов и муниципалитетов;

- ◆ меньшие экологические риски.

Изначально завод СПГ планировалось построить в партнёрстве с японскими компаниями «Mitsui» и «Mitsubishi». В ходе саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 году «Газпром» и Агентство по природным ресурсам и энергетике Японии подписали Меморандум по проекту «Владивосток-СПГ», который предусматривал сотрудничество в области финансирования проекта и маркетинга газа [2].

С начала 2013 года российские нефтегазовые компании «Газпром», «Роснефть» и «Новатэк» ведут активные переговоры по расширению поставок российского газа в АТР. Это стало возможным после заседания комиссии по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности, прошедшего в феврале 2013 года, на котором Министерству энергетики было поручено проработать вопрос ограничения монополии «Газпрома» на экспорт СПГ [5].

Весной 2013 года делегации «Газпрома», «Роснефти» и «Новатэка» посетили Японию. Представители «Газпрома» во главе с А. Миллером 17 апреля 2013 г. провели встречу с министром торговли Японии Тосимицу Мотеги и руководством компаний «Chiyoda», «JGC» и «Itochu», интересующихся проектом СПГ в Приморье [9].

29 апреля 2013 г. в Москве состоялась встреча президента РФ Владимира Путина и премьер-министра Японии Синдзо Абэ, где, как ожидалось, стороны достигнут принципиального соглашения о сотрудничестве по проекту «Владивосток-СПГ». Однако предложения по участию Японии в проекте от российской стороны не поступило. По итогам встречи В. Путин заявил не об участии японских компаний в проекте «Владивосток-СПГ», а о противоположном, что «Газпром» готов вложить свои ресурсы и деньги в новые мощности по приёме газа на территории самой Японии и в газопроводные системы на территории Японии» [6].

В настоящее время «Газпром» ведёт переговоры с крупными потребителями в АТР, а не с компаниями, которые имеют технологии и опыт в сфере СПГ, что было бы более логичным по причине отсутствия соответствующих технологий и опыта у России. Целью переговоров является заключение долгосрочного контракта, который сможет обезопасить российский сбыт, когда предложение СПГ на рынке АТР превысит спрос, что ожидается к 2020 году. «Газпром» готов продать долю 49% в проекте «Владивосток-СПГ» тем компаниям, которые будут готовы приобретать 6 млн. тонн газа в год по контрактам с нефтяной привязкой. При этом доля 49% может быть распределена между несколькими иностранными компаниями. Скорее всего, в проекте будут принимать участие японские компании в виде консорциума «Far East Gas Company», куда входят такие компании, как «Itochu», «Jarex», «Marubeni», «Inpex» и «Ciesco» [14].

В мае 2013 г. И. Сечин также посетил Японию во главе делегации «Роснефти», где провёл встречи с руководством компаний «SODECO», «Marubeni», «INPEX» и «TEPCO» на предмет строительства завода СПГ на о. Сахалин и организации поставок в Японию [10]. В июне 2013 г. на полях Петербургского международного экономического форума «Роснефть» заключила соглашение об условиях поставок СПГ с японскими «Marubeni» и «SODECO» с 2019 года. Контракт еще не заключен, но в

компании планируют, что он будет долгосрочным. Ежегодно «Marubeni» будет получать от «Роснефти» 1,25 млн т, а «SODECO» – 1 млн т. «Новатэк» провёл переговоры с представителями «Tokyo Gas», «Tokyo Electric», «Itochu», «Mitsubishi» и «Mitsui», в ходе которых предложил приобрести долю в проекте «Ямал-СПГ», однако в итоге 20% в проекте получила китайская «КННК» [15].

После заключения соглашений на поставки газа «Роснефтью» и «Новатэком» в АТР, что было одним из условий либерализации российского рынка СПГ в АТР, Министерство энергетики РФ представило законопроект, предусматривающий возможность экспорта СПГ для этих компаний, который будет рассмотрен Госдумой осенью 2013 года.

Либерализация рынка активизирует конкуренцию российских компаний, вследствие чего следует ожидать ускорения реализации проектов. В отличие от европейской части России, где газовая инфраструктура была создана в основном в период СССР, в азиатской части страны она только зарождается. Для развития инфраструктуры необходимы значительные инвестиции, современные технологии и грамотное управление. Российские нефтегазовые компании не имеют опыта реализации оффшорных проектов и строительства заводов по сжижению газа. Поэтому в настоящее время сотрудничество с иностранными нефтегазовыми компаниями на взаимовыгодных условиях было бы вполне логичным решением вопроса использования современных технологий и практики управления крупными проектами. Это позволит завершать проекты в запланированные сроки, без необоснованного увеличения их стоимости и негативных экологических последствий.

При сравнении перспектив строительства газопровода и расширения поставок СПГ, как представляется автору, большие шансы быть реализованными имеют проекты СПГ, которым российская сторона отдаёт приоритет в силу экономических соображений, возможности географической диверсификации поставок, обширной ресурсной базы, социально-экономического значения для регионального развития и экологической безопасности.

Проект строительства газопровода, за который выступает Япония, противоречит интересам России, так как он представляется менее выгодным для «Газпрома», а также сопряжён со значительными политическими, экономическими и экологическими рисками, в том числе, для самой Японии.

При условии строительства завода СПГ в Приморье и расширения мощностей завода СПГ на о. Сахалин к 2020 году, доля России в японском импорте без учёта проекта «Роснефти» будет составлять 17,5%, что близко к предельно допустимым 20%. Поэтому Токио, руководствуясь соображениями поддержания энергетической безопасности, откажется от идеи строительства газопровода, и в ближайшие 15-20 лет ожидать реализации данного проекта не стоит. Дальнейшее развитие событий проанализировать сложно из-за отсутствия возможности оценить темпы роста потребления энергоресурсов в Японии из-за замедления темпов роста японской экономики.

В целом, Японии следует развивать сотрудничество с Россией в газовой сфере, принимая во внимание, что для Москвы предпочтительно заключение долгосрочных контрактов с нефтяной привязкой. Также японской стороне следует оценивать возможности и условия участия в российских газовых проектах, исходя из сложившейся рыночной конъюнктуры и приоритетов России. Строительство газопровода вместо терминала СПГ российской стороной не рассматривается, однако, если предложение Японии по газопроводу предусматривало бы привязку цены газа к СПГ или готовность законтрактовать будущие поставки СПГ на

долгосрочной основе, то проект строительства газопровода, по мнению автора, мог бы заинтересовать «Газпром».

Задача России в контексте развития российско-японского газового сотрудничества заключается в привлечении японских технологий и опыта для совместного строительства терминала СПГ в Приморском крае и в расширении терминала на о. Сахалин. Участие японских компаний позволит реализовать проекты в запланированные сроки и начать поставки газа до того, как предложение СПГ на рынке АТР превысит спрос. Либерализация российского экспорта СПГ в АТР является значительным шагом, направленным на активизацию конкуренции российских компаний с зарубежными, что должно положительно сказаться на динамике реализации газовых проектов на ДВ и ВС.

В целом, российско-японское газовое сотрудничество является одним из ключевых элементов энергетической безопасности Северо-Восточной Азии и имеет значительный потенциал, который только предстоит раскрыть.

Литература

1. Восточная газовая программа // Официальный сайт ОАО «Газпром». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/east-program/> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

2. «Газпром» и Агентство по природным ресурсам и энергетике Японии подписали Меморандум по проекту «Владивосток-СПГ» // Официальный сайт ОАО «Газпром». 2012, 8 сентября. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2012/september/article143511/> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

3. Дробышева И. "Газпром" начал проектировать завод СПГ в Приморье // Российская газета. 2013. 8 апреля. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/04/08/reg-dfo/zavod-anons.html> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

4. Жуков С. В. и др. Азиатские энергетические сценарии 2030 // М.: Магистр, 2012. 336 с.

5. Заседание Комиссии по вопросам стратегии развития ТЭК и экологической безопасности // Официальный сайт Президента России. 2013, 13 февраля. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17511> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

6. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров // Официальный сайт Президента России. 2013, 29 апреля. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/18000> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

7. Клименко О. Пробки на газопроводе Сахалин – Хабаровск – Владивосток продолжают образовываться – энергетики // Золотой Рог. 2013, 3 июля. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zrpress.ru/business/vladivostok_03.07.2012_54716_probki-na-gazoprovode-sakhalin--khabarovsk--vladivostok-prodolzhajut-obrazovuyvatsja--energetiki.html (дата обращения: 20.10.2013 г.).

8. Мордюшенко О., Серов М. «Газпром» зашёл на второй круг, согласовав еще одни «основные условия» поставок в Китай // Коммерсантъ. № 161 (5192). 2013, 06 сентября. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2272190> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

9. Основным обсуждаемым вопросом в рамках визита в Японию стал проект «Владивосток-СПГ» // Официальный сайт ОАО «Газпром». 2013, 17

апреля. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2013/april/article160624/> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

10. Президент «Роснефти» Игорь Сечин начал рабочий визит в Японию // Официальный сайт ОАО «Роснефть». 2013, 28 мая. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosneft.ru/news/news_in_press/280520133.html (дата обращения: 20.10.2013 г.).

11. Самофалова О. На мысе Ломоносова: 20 млрд долларов потратит Россия на строительство газового терминала в Приморье // Взгляд: деловая газета. 2012, 7 декабря. [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/economy/2012/12/7/610777.html> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

12. Самофалова О. Трубой, а не танкером: Изучаются способы доставки российского газа в Японию // Взгляд: деловая газета. 2012, 5 мая. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/economy/2012/5/3/577221.html> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

13. Севастьянов С. В. «Новый регионализм» Восточной Азии: теоретические и практические аспекты // Полис (Политические исследования). 2009. № 4. С. 111-122.

14. Серов М. СПГ-заводам подбирают новых иностранцев: «Новатэк» и «Газпром» поделятся долями в проектах только с потребителями газа // Коммерсантъ. № 101 (5132). 2013, 14 июня. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2210939> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

15. Строганова П. «Новатэк» и «Роснефть» подготовились к экспорту СПГ // РБК daily. 2013, 21 июня. [Электронный ресурс]. URL: <http://rbcdaily.ru/industry/562949987482163> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

16. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации № 1715-р от 13.11.2009 г.

17. Cohen A. Russia's pivot to Asia // The National Interest. September 11, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/russias-pivot-asia-7454> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

18. Hornung J. Economic cooperation can strengthen Japan-Russia ties // The Japan Times. January 11, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://japancenter.livejournal.com/807346.html> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

19. Japan considers gas pipeline from Russia's Sakhalin // New Europe. November 5, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.neurope.eu/article/japan-considers-gas-pipeline-russia-s-sakhalin> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

20. Japan: country analysis briefs // U. S. Energy information administration June 2, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=JA> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

21. Maeda R., Tsukimori O. Japan's 2012 LNG imports at record high on nuclear woes // Reuters. January 23, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reuters.com/article/2013/01/24/energy-japan-mof-idUSL4N0AT00Y20130124> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

22. Narusawa D., Yamawaki T. Japanese firms plan 1,400-km gas pipeline from Russia's Sakhalin // The Asahi Shimbun. November 5, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://ajw.asahi.com/article/economy/business/AJ201211050009> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

23. Oil & gas security. Emergency response of IEA countries: Japan, 2013 // International Energy Agency. Paris, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/2013_OSS_Japan.pdf (дата обращения: 20.10.2013 г.).

24. Sethuraman D. Japan Reduces Spot LNG Purchases as Prices Soar to Near a Record // Bloomberg. July 5, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2012-07-04/japan-reduces-spot-lng-purchases-as-prices-soar-to-near-a-record.html> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

25. We are not afraid of competition from U.S. shale gas revolution: Russian gas executive // The Mainichi. October 15, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://>

mainichi.jp/english/english/newsselect/news/20131015p2a00m0na007000c.html (дата обращения: 20.10.2013 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vostochnaya gazovaya programma // Ofitsial'nyj sayt OAO «Gazprom». [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/east-program/> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

2. «Gazprom» i Agentstvo po prirodnyh resursam i ehnergetike YAponii podpisali Memorandum po proektu «Vladivostok-SPG» // Ofitsial'nyj sayt OAO «Gazprom». 2012, 8 sentyabrya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2012/september/article143511/> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

3. Drobysheva I. "Gazprom" nachal proektirovat' zavod SPG v Primor'e // Rossijskaya gazeta. 2013. 8 aprelya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.rg.ru/2013/04/08/reg-dfo/zavod-anons.html> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

4. Zhukov S. V. i dr. Aziatskie ehnergeticheskie stsensarii 2030 // M.: Magistr, 2012. 336 s.

5. Zasedanie Komissii po voprosam strategii razvitiya TEHK i ehkologicheskoy bezopasnosti // Ofitsial'nyj sayt Prezidenta Rossii. 2013, 13 fevralya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17511> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

6. Zayavleniya dlya pressy i otvety na voprosy zhurnalistov po itogam rossijsko-yaponskikh peregovorov // Ofitsial'nyj sayt Prezidenta Rossii. 2013, 29 aprelya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/18000> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

7. Klimenko O. Probki na gazoprovode Sakhalin – Khabarovsk – Vladivostok prodolzhayut obrazovyvat'sya – ehnergetiki // Zolotoj Rog. 2013, 3 iyulya. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.zrpress.ru/business/vladivostok-03.07.2012_54716_probki-na-gazoprovode-sakhalin--khabarovsk--vladivostok-prodolzhayut-obrazovyvatsya--energetiki.html (дата обращения: 20.10.2013 г.).

8. Mordyushenko O., Serov M. «Gazprom» zashyol na vtoroj krug, soglasovav eshe odni «osnovnye usloviya» postavok v Kitaj // Kommersant". № 161 (5192). 2013, 06 sentyabrya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2272190> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

9. Osnovnym obsuzhdaemym voprosom v ramkakh vizita v YAponiyu stal proekt «Vladivostok-SPG» // Ofitsial'nyj sayt OAO «Gazprom». 2013, 17 aprelya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2013/april/article160624/> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

10. Prezident «Rosnefti» Igor' Sechin nachal rabochij vizit v YAponiyu // Ofitsial'nyj sayt OAO «Rosneft». 2013, 28 maya. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.rosneft.ru/news/news_in_press/280520133.html (дата обращения: 20.10.2013 г.).

11. Samofalova O. Na myse Lomonosova: 20 mlrd dollarov potratit Rossiya na stroitel'stvo gazovogo terminala v Primor'e // Vzglyad: delovaya gazeta. 2012, 7 dekabrya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://vz.ru/economy/2012/12/7/610777.html> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

12. Samofalova O. Truboj, a ne tankerom: Izuchayutsya sposoby dostavki rossijskogo gaza v YAponiyu // Vzglyad: delovaya gazeta. 2012, 5 maya. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.vz.ru/economy/2012/5/3/577221.html> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

13. Sevast'yanov S. V. «Novyj regionalizm» Vostochnoj Azii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty // Polis (Politicheskie issledovaniya). 2009. № 4. S. 111-122.

14. Serov M. SPG-zavodam podbirayut novykh inostrantsev: «Novatehk» i «Gazprom» podelyatsya dolyami v proektakh tol'ko s potrebitelyami gaza //

Коммерсант". № 101 (5132). 2013, 14 июня. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2210939> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

15. Stroganova P. «Novatek» i «Rosneft» podgotovilis' k ehksportu SPG // RBK daily. 2013, 21 июня. [Электронный ресурс]. URL: <http://rbcdaily.ru/industry/562949987482163> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

16. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года: отв. распорядителем Правительств Российской Федерации № 1715-р от 13.11.2009 г.

17. Cohen A. Russia's pivot to Asia // The National Interest. September 11, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/russias-pivot-asia-7454> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

18. Hornung J. Economic cooperation can strengthen Japan-Russia ties // The Japan Times. January 11, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://japancenter.livejournal.com/807346.html> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

19. Japan considers gas pipeline from Russia's Sakhalin // New Europe. November 5, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.neurope.eu/article/japan-considers-gas-pipeline-russia-s-sakhalin> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

20. Japan: country analysis briefs // U. S. Energy information administration June 2, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=JA> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

21. Maeda R., Tsukimori O. Japan's 2012 LNG imports at record high on nuclear woes // Reuters. January 23, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reuters.com/article/2013/01/24/energy-japan-mof-idUSL4N0AT00Y20130124> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

22. Narusawa D., Yamawaki T. Japanese firms plan 1,400-km gas pipeline from Russia's Sakhalin // The Asahi Shimbun. November 5, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://ajw.asahi.com/article/economy/business/AJ201211050009> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

23. Oil & gas security. Emergency response of IEA countries: Japan, 2013 // International Energy Agency. Paris, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/2013_OSS_Japan.pdf (дата обращения: 20.10.2013 г.).

24. Sethuraman D. Japan Reduces Spot LNG Purchases as Prices Soar to Near a Record // Bloomberg. July 5, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2012-07-04/japan-reduces-spot-lng-purchases-as-prices-soar-to-near-a-record.html> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

25. We are not afraid of competition from U.S. shale gas revolution: Russian gas executive // The Mainichi. October 15, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://mainichi.jp/english/english/newsselect/news/20131015p2a00m0na007000c.html> (дата обращения: 20.10.2013 г.).

УДК 327

*Стецко Н.И.
Stetsko N.I.*

«Перезагрузка» как основная парадигма американо-российских отношений во время первого президентства Б. Обамы

The "Reset" as the Principal Paradigm of the U.S.-Russian Relations During
the First Presidency of Barack Obama

В статье даётся анализ американо-российских двусторонних отношений в течение первого президентского срока Б. Обамы сквозь призму концепции «перезагрузки» как основополагающей в данный исторический период. Особое внимание уделено процессу становления политики «перезагрузки» в качестве базовой по отношению к России в американском истеблишменте. Даётся характеристика практических шагов и результатов данной формы двусторонних отношений.

Ключевые слова: «перезагрузка», американо-российские отношения, ПРО, СНВ-3, поправка Джексона-Вэника

In the article the analysis of the U.S.-Russian bilateral relations during the first presidency of Barack Obama through the prism of the concept of the "reset" as the cornerstone of that period is given. Special attention is given to the process of becoming this policy as a base in relation to Russia in the American establishment. Describes the practical steps and the results of this form of bilateral relations.

Key words: "reset" policy, U.S.-Russian relations, ballistic missile defense, New START, the Jackson-Vanik amendment

После распада биполярной системы и дезинтеграции СССР Соединённые Штаты Америки оказались единственной сверхдержавой на планете. Выйдя победителем из «холодной войны», это государство приступило к увеличению своей мощи и влияния в мире, тем самым сделав его однополярным. Во многом этим обстоятельством объясняется их поведение на международной арене: распространение демократии в качестве единственно возможного начала организации общества, действия, основанные на «праве силы» (а не «силе права»), унилатерализм и т.д. Однако со временем стало очевидно, что возможности даже такого крупного и мощного государства, как США, безграничны. Затянувшиеся военные операции в Афганистане и Ираке, бурный рост экономики Китая, финансово-экономический кризис и, как следствие, огромный внутренний долг и дефицит бюджета, побудили Вашингтон пересмотреть свою внешнюю политику и искать партнёров для совместной борьбы с угрозами и проблемами XXI в. Данную мысль высказывает один из ведущих и авторитетных специалистов в сфере международных отноше-

СТЕЦКО Николай Игоревич, студент Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** nikolairu91@gmail.com

ний в США З. Бжезинский: «В глобальной политике рост популистских устремлений и связанные с этим трудности выработки общего ответа на политические и экономические кризисы создают угрозу возникновения международного беспорядка, на которую ни Германия, ни Россия, ни Турция, ни Китай, ни Америка в одиночку не могут дать эффективного ответа. Возникновение глобального беспорядка, вызванного, в том числе, новыми угрозами существованию всего мира и выживанию человечества, может быть эффективно предотвращено только совместными усилиями стран, приверженных демократическим ценностям» [12].

В качестве ответа на современные вызовы в двусторонних отношениях с Российской Федерацией администрация Б. Обамы предложила концепцию «перезагрузки». Об этом было заявлено в период президентских выборов 2008 г., однако в то время не было до конца понятно, что представляет собой новый формат отношений.

В основу будущей политики по отношению к России был положен доклад Т. Грэма «U.S.-Russia Relations. Facing Reality Pragmatically» (июль 2008), в котором политолог предлагал строить сотрудничество с Москвой исходя из «общности угроз», а не «общности интересов» (вопросы безопасности, нераспространение ОМУ, энергетический вопрос, экономические проблемы). Обращалось внимание на невозможность совпадения ценностей двух государств – приверженности демократическим ценностям, рыночной экономике [8, с. 200; 15].

Американская сторона опиралась на «подход двух треков» (dual track approach) [11]. Согласно ему, Соединённые Штаты могут сотрудничать с Кремлём по конкретным международным вопросам и одновременно работать с российским обществом, общественными организациями и оппозицией, способствуя тем самым постепенным политическим преобразованиям в России. Акцент делается на том, что не следует жёстко увязывать сотрудничество с РФ с её готовностью взаимодействовать (а не соперничать) с США на постсоветском пространстве и осуществлять демократические преобразования [9]. Авторы политики «двух треков» Дж. Коллинз и М. Рожански также предлагают оказывать влияние на Россию через международные институты, используя Европейскую конвенцию по правам человека, Хельсинкские соглашения, Парижскую хартию, а также механизмы ОБСЕ. Однако критика недемократичности РФ не будет иметь ультимативного характера (как это было при Рейгане) и возводиться в ранг официальной политики, но продолжится в форме напоминаний, дискуссий, советов и т.п. [11].

Намерения американцев чётко выразил эксперт Центра за американский прогресс С. Шарап: ««перезагрузка» позволяет Вашингтону хотя бы как-то влиять на проблемное поведение России и открывает больше возможностей для действий в российской строго регулируемой внутриполитической жизни» [13].

Таким образом, ясно прослеживается основная идея новой политики США: избежать «зависания», застоя двусторонних отношений. Вашингтон не намеревался качественно повысить уровень взаимодействия с Москвой, создать новую парадигму сотрудничества. Вероятно, демократическая администрация осталась верна своим идейным историческим приоритетам: проводить политику, направленную на «демократизацию» России, на мониторинг состояния гражданского общества, прав и свобод личности в РФ. Если на официальном уровне сохранялась «дружеская» риторика, регулярные встречи, обещания и рукопожатия, то на деле отношения продолжали оставаться в кризисе и застое. После 2008 г. российско-американский диалог сохранил активность, тональность официальных заявлений и оценок аналитиков, однако реального

изменения системы координат к концу первого срока администрации Обамы не произошло [8, с. 199, 210].

Анализ сложившейся ситуации в исторической ретроспективе показал, что от «перезагрузки» не приходилось ждать «прорывных» результатов уже и потому, что стороны вкладывали различное идейное содержание в этот тезис. В то время как основной заинтересованностью РФ было расширение торгово-экономического взаимодействия двух держав, то администрация Б. Обамы изначально называла сферами сотрудничества борьбу с терроризмом, дальнейшее сокращение ядерных арсеналов и продолжение переговорного процесса по вопросам сокращения вооружений, сохранение всестороннего диалога на разных уровнях, взаимодействие в решении отдельных глобальных проблем (экология, климат, эпидемии, наркотики и др.) [10].

Первым серьёзным практическим шагом Белого дома навстречу интересам России было решение Барака Обамы отложить или даже вообще отказаться от размещения элементов системы противоракетной обороны в Польше и Чехии, принятое в сентябре 2009 г. Российской общественностью и экспертным сообществом этот шаг был воспринят как пересмотр политики Дж. Буша-мл. и широкий жест в сторону РФ. Но так ли это было в действительности?

Данному решению Вашингтона предшествовал визит американского президента в Москву в июле 2009 г., где Обама сумел договориться об открытии российского воздушного пространства для переброски военных грузов и боевой техники стран-членов НАТО в Афганистан. Это соглашение было чрезвычайно важным для американской делегации, особенно учитывая крайне сложное положение для войск Альянса, которое сложилось в то время в Афганистане.

Однако достаточно ли было согласия Кремля на помощь США в Афганистане, чтобы побудить Обаму отойти от политики Буша-мл.? Какие стратегические цели преследовал Вашингтон, делая уступку Москве?

Главная причина данного решения – проблема Ирана. По выражению авторитетного американского политолога Т. Фридмана, в начале 2009 г. у администрации Обамы было три главных приоритета: первый – это Иран, второй – тоже Иран и третий – опять-таки Иран. Иранская ядерная программа – колоссальный вызов США на Ближнем Востоке. Если Ирану удастся разработать атомную бомбу, под вопросом окажется доминирование Соединённых Штатов в регионе, безопасность Израиля, а также система союзов, которую Вашингтон выстраивал десятилетиями. Если шиитский Иран всё-таки создаст атомное оружие, то вполне возможно, что по тому же пути пойдут и два крупнейших суннитских государства региона – Саудовская Аравия и Египет. И при наихудшем развитии событий в одном из самых взрывоопасных районах мира в ближайшей перспективе могут появиться четыре ядерные державы – Израиль (уже обладающий ядерным оружием), Иран, Египет и Саудовская Аравия.

Поэтому Соединённые Штаты решили «пожертвовать» радаром в Чехии и десятком ракет-перехватчиков в Польше (которые, к слову, должны были быть активированы лишь в 2015 г.), чтобы заручиться поддержкой России в давлении на Иран. И уже в ноябре 2009 г. США добились своей цели: президент Медведев заявил, что санкции в отношении Ирана могут быть неизбежными.

Таким образом, можно утверждать, что политические дивиденды для Вашингтона превысили их уступки в адрес РФ: сняв с повестки дня вопросы, которые Россия рассматривала как угрожающие её национальной безопасности, Соединённые Штаты смогли достичь компромисса с

Москвой и провести через Совет Безопасности ООН ряд санкций против Тегерана (последний раз в июне 2010 г.) [4, с. 22-27; 7].

Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических и наступательных вооружений – СНВ-3, подписанный Д. Медведевым и Б. Обамой 8 апреля 2010 г., является сбалансированным документом, в котором соблюдены интересы обеих сторон. Он декларировал 30-процентное сокращение ядерных арсеналов РФ и США, при этом стороны брали на себя обязательство в течение 7 лет после ратификации соглашения сократить количество развёрнутых ядерных боеголовок до 1550 единиц, а стратегических средств доставки – до 800 [1].

В любом случае к 2015 г. значительная часть российского ядерного потенциала была бы списана. А сейчас, благодаря усилиям отечественной дипломатии, она подпадает под сокращение в паритете с американскими боевыми системами. Однако Договор СНВ-3 так и не снял главные противоречия во взаимоотношениях двух государств: создание американской ПРО без участия Москвы, размещение элементов системы ПРО в Европе и других позиционных районах, возможное дальнейшее расширение НАТО вблизи границ РФ [4, с. 32; 8, с. 212]. Кроме того, в Соединённых Штатах соглашение по СНВ не коррелировалось с интенсификацией взаимодействия с Россией по военным, политическим и экономическим вопросам.

Москва так и не получила декларированных обязательств Белого дома об отказе от расширения системы противоракетной обороны в Европе и расширения блока НАТО на восток. Скорее можно говорить о том, что Б. Обамой была выполнена основная задача, составлявшая ядро взаимоотношений с Российской Федерацией. Также показательна реакция американского истеблишмента на ратификацию договора: несмотря на большинство демократов в обеих палатах Конгресса, соглашение удалось «продать» лишь благодаря личному вмешательству президента. Это ещё раз подтвердило, что в правящих кругах Соединённых Штатов к «перезагрузке» относятся намного более сдержанно, чем в России.

Помимо этого РФ пошла на определённые уступки США и НАТО, подписав договор о создании в г. Ульяновске «перевалочного пункта» для войск Североатлантического альянса, направляющихся в Афганистан [5], а после расширив его возможности [3]. И это несмотря на договорённости со странами, входящими в ОДКБ, о неразмещении на территории государств-членов объектов военной структуры третьих государств [6].

Казалось бы, несомненным достижением политики «перезагрузки» является успешное окончание переговоров по вступлению России в ВТО, в чём немалую поддержку оказали США, а 16 ноября 2012 г. нижней палатой Конгресса была отменена дискредитирующая поправка Джексона-Вэника [14] (принятая в 1974 г. как реакция на ограничение эмиграции из Советского Союза), существенно тормозившая развитие двусторонних экономических отношений. Однако в том же пакете документов Палата представителей одобрила законопроект о списке Магнитского, предусматривающий введение визовых и финансовых санкций против граждан Российской Федерации, причастных, по мнению американской стороны, к гибели в тюрьме Сергея Магнитского в 2009 г. МИД РФ назвал это «вызывающе недружественным и провокационным выпадом» и заявил, что «данный шаг негативно скажется на общей атмосфере российско-американских отношений и не останется без жёсткого ответа с нашей стороны» [2]. И ответ последовал в форме закона № 272-ФЗ (т.н. закон «Димы Яковлева»), запрещающего американским гражданам усыновление российских детей-сирот.

Необходимо понимать, что на сегодняшний день Российская Федерация не является внешнеполитическим приоритетом США. В тра-

диционном обращении к Конгрессу (январь 2011) и в новой военной стратегии (февраль 2011) Россия занимает незначительное место и ей отводится ограниченная роль страны, помогающей Соединённым Штатам противостоять террористической угрозе. Последние президентские выборы также чётко подтвердили этот тезис: о России говорили немного, а основной акцент в выступлениях представителей демократической и республиканской партий делался на ситуации в Сирии, Иране, Ближнем Востоке в целом.

Говоря о результатах политики «перезагрузки», необходимо иметь в виду, что подразумевала под ней демократическая администрация Б. Обамы. Данная парадигма двусторонних взаимоотношений изначально не задумывалась как долгосрочная, масштабная, с новым содержанием и целеполаганием политика. Планировалось сотрудничество по Афганистану, нераспространению оружия массового уничтожения, терроризму, пиратству, Арктике, сфере энергетики, урегулированию конфликтов в Евразии. И новая концепция свою задачу выполнила: спасла отношения США и России от «зависания», однако не перевела их в другую систему координат, в рамках которой две страны могли бы выйти на качественно новый уровень взаимодействия. Американский истеблишмент, вероятно, пока не готов осознать мысль, что в эпоху глобализации, взаимозависимости и многополярности у двух государств имеется множество общих интересов. Ещё слишком сильны стереотипы времён «холодной войны» в мышлении американских политиков и политологов.

Будучи переизбранным на второй срок, Б. Обама не заинтересован в появлении дополнительных проблем и сконцентрирует усилия на улучшении социально-экономического положения внутри США и стабилизации ситуации на Ближнем Востоке. Поэтому основой американской политики в отношении России останется идея «перезагрузки». Сохраняется открытый вопрос: сможет ли наша страна получить дивиденды, играя по американским правилам? К сожалению, история даёт на это категоричный ответ.

Литература

1. Договор между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений // Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/512 (дата обращения 20.04.2013 г.).

2. Комментарий МИД России в связи с одобрением Палатой представителей Конгресса США т.н. «закона имени С. Магнитского» // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/7293662F21CBD02F44257AB8005F2198 (дата обращения 20.04.2013 г.).

3. Постановление Правительства РФ от 25.06.2012 № 637 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2008 г. № 219» // Банк данных. Нормативные документы правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. <http://government.consultant.ru/page.aspx?1617268> (дата обращения 20.04.2013 г.).

4. Пушков А.К. Внешняя политика России и её национальные интересы в XXI веке: учеб. пособие. М. : МГИМО-Университет, 2011. 122 с.

5. РФ и НАТО могут подписать договор по базе в Ульяновске в 2012 году // Коммерсантъ. Издательский дом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/news/2030913> (дата обращения 20.04.2013 г.).
6. Сессия СКБ в Москве // Организация Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. URL: http://www.odkb-csto.org/session/detail.php?ELEMENT_ID=104 (дата обращения 20.04.2013 г.).
7. Чуркин: Россия соблюдает санкции в отношении Ирана, но выступает против новых // "Вести" интернет-газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=912157> (дата обращения 20.04.2013 г.).
8. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2012. 272 с.
9. Шаклеина Т.А. Россия – США: оптимизм и пессимизм перезагрузки // Перспективы. Фонд исторической перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://perspektivy.info/oykumena/amerika/rossija__ssha_optimizm_i_pessimizm_perezagruzki_2012-02-03.htm (дата обращения 20.04.2013 г.).
10. Шаклеина Т.А. «Перезагрузка» отношений России и США свои задачи выполнила // МГИМО Университет МИД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mgimo.ru/cuban50/228861.phtml> (дата обращения 20.04.2013 г.).
11. A Reset for the U.S.-Russia Values Gap, M. Rojanski and J.F. Collins // Carnegie Endowment for International Peace [Электронный ресурс]. URL: http://carnegieendowment.org/files/russia_values_gap.pdf (дата обращения 20.04.2013 г.).
12. Our Common Geopolitical Challenge. Remarks delivered by Dr. Zb. Brzezinski at the plenary session of the Global Policy Forum // Center for Strategic & International Studies [Электронный ресурс]. URL: <http://csis.org/publication/our-common-geopolitical-challenge> (дата обращения 20.04.2013 г.).
13. Reset This. What's Behind the Ginned-up Crisis in U.S.-Russia Relations? By S.Charap // Foreign Policy Magazine [Электронный ресурс]. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/08/12/reset_this (дата обращения 20.04.2013 г.).
14. U.S. Government Printing Office. H. RES. 808 [Report No. 112-693] // U.S. Government Printing Office [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-112hres808rh/pdf/BILLS-112hres808rh.pdf> (дата обращения 20.04.2013 г.).
15. U.S.-Russia Relations. Facing Reality Pragmatically, T. Graham // Center for Strategic & International Studies [Электронный ресурс]. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/080717_graham_u.s.russia.pdf (дата обращения 20.04.2013 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Dogovor mezhdu Rossijskoj Federatsiej i Soedinyonnymi Shtatami Ameriki o merakh po dal'nejshemu sokrashheniyu i ogranicheniyu strategicheskikh nastupatel'nykh vooruzhenij // Prezident Rossii [Электронный ресурс]. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/512 (дата обращения 20.04.2013 г.).
2. Kommentarij MID Rossii v svyazi s odobreniem Palatoj predstavitelej Kongressa SSHA t.n. «zakona imeni S. Magnitskogo» // Ministerstvo inostrannykh del Rossijskoj Federatsii [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/7293662F21CBD02F44257AB8005F2198 (дата обращения 20.04.2013 г.).
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 25.06.2012 № 637 «O vnesenii izmenenij v postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 28 marta 2008 g. № 219» // Bank dannykh. Normativnye dokumenty pravitel'stva Rossijskoj Federatsii [Электронный ресурс]. URL: <http://government.consultant.ru/page.aspx?1617268> (дата обращения 20.04.2013 г.).
4. Pushkov A.K. Vneshnyaya politika Rossii i eyo natsional'nye interesy v XXI veke: ucheb. posobie. М. : МГИМО-Университет, 2011. 122 с.

5. RF i NATO mogu podpisat' dogovor po baze v Ul'yanovske v 2012 godu // Kommersant". Izdatel'skij dom [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.kommersant.ru/news/2030913> (data obrashheniya 20.04.2013 g.).

6. Sessiya SKB v Moskve // Organizatsiya Dogovora o kolektivnoj bezopasnosti [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.odkb-csto.org/session/detail.php?ELEMENT_ID=104 (data obrashheniya 20.04.2013 g.).

7. CHurkin: Rossiya soblyudaet sanktsii v otnoshenii Irana, no vystupaet protiv novykh // "Vesti" internet-gazeta [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=912157> (data obrashheniya 20.04.2013 g.).

8. SHakleina T.A. Rossiya i SSHA v mirovoj politike: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov. M.: Aspekt Press, 2012. 272 s.

9. SHakleina T.A. Rossiya – SSHA: optimizm i pessimizm perezagruzki // Perspektivy. Fond istoricheskoy perspektivy [EHlektronnyj resurs]. URL: http://perspektivy.info/oykumena/amerika/rossija__ssha_optimizm_i_pessimizm_perezagruzki_2012-02-03.htm (data obrashheniya 20.04.2013 g.).

10. SHakleina T.A. «Perezagruzka» otnoshenij Rossii i SSHA svoi zadachi vypolnila // MGIMO Universitet MID Rossii [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.mgimo.ru/cuban50/228861.phtml> (data obrashheniya 20.04.2013 g.).

11. A Reset for the U.S.-Russia Values Gap, M. Rojanski and J.F. Sollins // Carnegie Endowment for International Peace [EHlektronnyj resurs]. URL: http://carnegieendowment.org/files/russia_values_gap.pdf (data obrashheniya 20.04.2013 g.).

12. Our Common Geopolitical Challenge. Remarks delivered by Dr. Zb. Brzezinski at the plenary session of the Global Policy Forum // Center for Strategic & International Studies [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://csis.org/publication/our-common-geopolitical-challenge> (data obrashheniya 20.04.2013 g.).

13. Reset This. What's Behind the Ginned-up Crisis in U.S.-Russia Relations? By S.Charap // Foreign Policy Magazine [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/08/12/reset_this (data obrashheniya 20.04.2013 g.).

14. U.S. Government Printing Office. H. RES. 808 [Report No. 112-693] // U.S. Government Printing Office [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-112hres808rh/pdf/BILLS-112hres808rh.pdf> (data obrashheniya 20.04.2013 g.).

15. U.S.-Russia Relations. Facing Reality Pragmatically, T. Graham // Center for Strategic & International Studies [EHlektronnyj resurs]. URL: http://csis.org/files/media/isis/pubs/080717_graham_u.s.russia.pdf (data obrashheniya 20.04.2013 g.).

УДК 327.8, 355.015

Губин А.В., Синенко И.Ю.
Gubin A.V., Sinenko I.Yu.

Северо-Восточная Азия на пороге новой гонки вооружений

North East Asia on a threshold of new race of arms

В статье анализируются обозначившиеся в последние годы тенденции ведущих государств Северо-Восточной Азии к стремительному наращиванию своего военного потенциала и увеличению расходов на оборону. Авторы исследуют глубинные причины этого явления, а также влияние на региональную безопасность в целом. Особое значение имеют обозначенные тенденции в контексте возможной масштабной региональной гонки вооружений и нового витка напряжённости.

Ключевые слова: гонка вооружений, региональная безопасность, Северо-Восточная Азия, оборонные расходы, милитаризация, военная стратегия, локальные и региональные конфликты

The following article analyzes recent trend among leading North-East Asian nations considering their military potential development and defense expenditures rocketing. Authors examine basic prepositions to the phenomenon, as well as general influence on the regional security. The ultimate attention is paid to potential threat of wide-scale regional arms race and rejuvenation of local coercions.

Key words: arms race, regional security, North-East Asia, military expenditures, militarization, defense strategy, local and regional conflicts

Тихоокеанский *Para bellum*

В начале XXI века Азиатско-Тихоокеанский регион превратился в крупнейшего покупателя оружия и военной техники, обогнав даже традиционно «горячий» Ближний Восток. При этом на объёмы закупок практически не влияют последствия кризисов – политические соображения заставляют государства региона «держаться в тонусе». Даже в достаточно тяжёлые для мировой экономики 2000 – 2003 гг. страны АТР приобрели оружия на 35,4 млрд долл. [15]. Учитывая размеры региона и высокую покупательскую способность стран ввиду неизменного роста их ВВП за последние 12 лет, АТР стал критически важным рынком для ведущих производителей вооружений – США, Евросоюза, России и Израиля.

По данным Jane's, за 2008-2012 гг., общемировой объём торговли оружием вырос на 30% и составил 73,5 млрд долл., причём к 2020 году эта цифра может удвоиться [10]. Подобный рост достигнут как раз за

ГУБИН Андрей Владимирович, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета. **E-mail:** andrey.gubin@mail.ru

СИНЕНКО Илья Юрьевич, студент Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. **E-mail:** sinenkob3@mail.ru

счёт повышения доли таких государств, как Китай и Индия, в структуре мировой торговли оружием, при этом предполагается, что доля США к 2021 году составит 30%, а других стран АТР – 31%.

По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), сейчас рост расходов на вооружения держится возле максимальных значений – в 2012 году соответствующие траты составили 1,75 трлн. долл., что на 0,5% меньше, чем в предыдущем году и, несмотря на падение в реальном исчислении, они всё равно выше военных расходов стран на пике «холодной войны».

В целом, очевидно, что баланс на рынке вооружений постепенно меняется в сторону АТР, и особенно ярко это заметно на примере Северо-Восточной Азии. Регион обладает ощутимым конфликтным потенциалом. Во-первых, в силу ряда исторических причин, например, таких как традиционная взаимная неприязнь Японии и Китая, Японии и Республики Корея. Во-вторых, благодаря сложной военно-политической ситуации – гипотетическая возможность столкновения США и КНР, ядерная проблема на Корейском полуострове, конфликт КНР и Японии из-за островов Сенкаку/Дяоюйдао, японо-корейский спор об островах Токто/Такэсима, потенциальное расширение военного присутствия в СВА России, без особого энтузиазма воспринимаемое всеми вышеперечисленными государствами. Более того, практически все региональные либо являются «великими державами» *ipso facto* (США, Китай, Россия), либо стремятся стать равными им уже в самом недалёком будущем (Япония, Республика Корея). Главным отличительным признаком всякой «великой державы» является, прежде всего, стремление к постоянному расширению зоны своего влияния, «жизненного пространства» [7]. Исходя из этого, ни одна нация региона не может чувствовать себя в полной безопасности, а это, в свою очередь, стимулирует настоящую «гонку вооружений» в регионе. При этом растёт не только количество приобретаемых боевых систем, но и повышается их качество. В скором времени, по мнению специалистов, США и страны Западной Европы утратят технологическое превосходство, так как в тихоокеанские государства придётся продавать более совершенную технику, которую они способны затем не только доработать, но и воспроизвести самостоятельно [9].

Можно констатировать, что все страны региона принимают возможные меры по получению доступа к мировым высоким технологиям: приобретают лицензии на производство, привлекают инвестиции на выгодных для инвесторов условиях, занимаются промышленным шпионажем. Вместе с тем, совершенно очевидно, что приобретение странами СВА совершенных систем вооружения приведёт к обострению классической «дилеммы безопасности», когда повышение безопасности одного участника достигается за счёт другого, что порождает нестабильность среди соседних государств. Это существенно усложнит международную обстановку как в Северо-Восточной Азии, так и в АТР в целом, поскольку любой, даже самый незначительный, военный конфликт может обернуться колоссальными потерями в людских и материальных ресурсах, а также обрушить региональную систему хозяйства.

«Северная тройка» на пути самостоятельности

Долгое время львиную долю вооружений в страны АТР поставляли США, после Второй мировой войны оказавшиеся бесспорным гегемоном на Тихоокеанском пространстве. Однако сегодня даже традиционные союзники американцев со времён Сан-Францисского договора 1951 года иначе расставляют приоритеты в меняющемся мире.

Сеул, в условиях всемерного роста Китая и повышения агрессивности во внешнеполитическом курсе Японии, в военно-техническом плане

пытается выйти если не на самостоятельность, то на уменьшение зависимости от Вашингтона. РК долгое время была рынком сбыта для американских боевых систем, при этом далеко не всегда при подписании контрактов играли роль характеристики оружия – своё влияние оказывали и политические факторы. В этом свете полной неожиданностью стал отказ южан от закупки американских вертолётов MH-60R концерна Sikorsky и выбор более дешёвой, но не менее качественной продукции конкурентов – машины AW159 Wildcat британско-итальянской компании AgustaWestland на сумму в 600 млрд. вон (более 500 млн. долл.) [8].

Стоит учитывать, что в 2008-2012 гг. количество закупаемых корейцами вооружений увеличилось на 688% (!) [18], а в ближайшие годы в рамках обозначенного в сентябре 2012 года теперь уже бывшим президентом РК Ли Мен Баком "Среднесрочного плана развития национальной обороны в 2013 – 2018 гг." Сеул намерен закупить оружия на огромную сумму – порядка 64 млрд. долл. (70 трлн. вон), при этом доминирование США в поставках совершенно не очевидно. Своеобразный «контракт века» – проект FX-3 по закупке 60 истребителей на сумму 8 млрд. долл., однако предложения американских компаний дороже отведённого бюджета на 15-40%, что создаёт реальные возможности для участия в тендере, например, российских Су-35 или, что ещё сюрреалистичнее, китайских J-10.

План развития национальной обороны включает в себя также беспрецедентную в истории страны модернизацию военно-морских сил. Приоритетной задачей официально декларируется не столько традиционное противодействие угрозе с Севера, сколько создание флота, способного участвовать в дальних морских операциях, что в будущем рискует вылиться в военно-морскую конкуренцию между Пекином и Токио. На нужды ВМС предполагается выделить 177 млрд долл. По оценкам экспертов, при сохранении таких темпов строительства и модернизации к 2020 г. южнокорейский флот по численности войдёт в семёрку крупнейших ВМС в мире [1].

Другим важным моментом является ставка Сеула на свои ракетные силы. В 2012 г. американцы разрешили своим союзникам увеличить дальность действия их баллистических ракет с 300 до 800 км [16]. Это позволит южанам при необходимости поразить любую цель на территории КНДР, но вместе с тем создаёт и предпосылки для дальнейшего расширения действия ракет, что вызывает серьёзную озабоченность как в Китае, так и в Японии. За пять ближайших лет Южная Корея намерена закупить 900 ракет (в основном баллистических) на общую сумму 2,4 триллиона вон (около 2 млрд долл.), что существенно увеличит ударный потенциал вооружённых сил [11]. При этом РК единственная страна в регионе, кроме России, обладающая крылатыми ракетами морского базирования, которые никак не подпадают под категорию оборонительных вооружений и создают беспокойство абсолютно у всех соседей.

Вполне вероятно, что в течение 10 лет Южная Корея вполне может отказаться от закупок вооружений в США, диверсифицировав систему поставок и совершенствуя возможности национального ВПК.

Также весьма серьёзные попытки дистанцироваться от США в пользу большей самостоятельности предпринимает и Токио. В 2011 г. Япония впервые за 40 лет сменила свою военную стратегию. Если раньше силы самообороны традиционно основную угрозу для себя видели со стороны СССР, а затем и России, то теперь, в новом документе, названном «Основные направления программы национальной обороны», их внимание сосредотачивается на южном направлении, где больше всего страна Восходящего Солнца обеспокоена стремительным «рывком»

КНР [14]. При этом, несмотря на знаменитую девятую статью Конституции, де-факто ставящую под запрет любой наступательный потенциал, Япония в последние годы систематически расширяет возможности сил самообороны действовать за пределами национальной территории. В период с 2011 по 2015 годы на модернизацию сил самообороны будет израсходовано 284 млрд. долл. Планируется приобрести пять подводных лодок (доведя их общее число с 18 до 23 единиц), три эсминца, 12 истребителей и 10 патрульных самолётов [13]. Главная цель новой военной программе Японии – «подготовка сил самообороны к возможной высадке на южных островах потенциального противника», при этом очевидно, что альтернативный претендент на эти острова только один – КНР [14].

Что касается Китая, то для основного претендента на лидерство в СВА на данный момент главной головной болью остаётся недопущение реализации Соединёнными Штатами стратегии окружения китайского побережья своими военными базами. По мнению американских экспертов, данная мера потенциально может создать возможность при необходимости осуществить стратегию «геоэкономического удушения» Пекина, чрезвычайно зависимо от поставок углеводородов по морю [12]. Подобное уязвимое положение КНР так или иначе невольно вынуждает её на форсированный рост военных расходов – с 2002 г. бюджетные ассигнования на оборону выросли в пять раз, а в рейтинге оборонительных затрат государств Китай за это время вышел в лидеры по АТР. В мировом рейтинге Пекин поднялся с седьмой строчки на вторую, потратив в 2012 г. на оборону 106 млрд. долл. (ежегодный рост – более 10%) [2]. Более того, это только те деньги, которые выделены на бюджетную статью «Национальная оборона», в то время как вопросы финансирования фундаментальных оборонных исследований и общего развития ВПК курируются государственными фондами (Фонд научных исследований и разработок и Фонд развития новых видов продукции), расходы на которые в эту статью не входят. Иными словами, установить точный военный бюджет КНР затруднительно, однако, по оценкам SIPRI и американского Центра стратегических международных исследований (CSIS), он примерно в 2-2,5 раза больше официального [17]. Не стоит забывать и о том, что Китай также имеет многочисленные территориальные споры (помимо конфликта с Японией, это также Парасельские острова и архипелаг Спратли, имеются и разногласия с Индией и Вьетнамом на сухопутных участках). Кроме того, Пекин по-прежнему не отказывается от своего давления на Тайвань. Реализацию интересов в регионе КНР, равно как и остальные страны, доверяет, прежде всего, ВМС НОАК: в ближайшие 20 лет в стране планируют построить 113 боевых кораблей, и уже в 2015 году Китай должен стать крупнейшей кораблестроительной державой мира [5].

«Не тихий» океан и Россия

В свете происходящих в регионе событий интересно определить возможную роль в данных процессах России.

Прежде всего, Москва заинтересована в расширении военно-технического сотрудничества со странами СВА, однако здесь она сталкивается с некоторыми трудностями. Согласно оценкам экспертов, негативные последствия для России будет иметь значительное сокращение военно-технического сотрудничества с Китаем в результате достижения им планируемой к 2015-2020 гг. «самообеспеченности» в вооружениях. С постепенным сокращением поставок в Китай нам придётся искать новые рынки сбыта, но поскольку возможность поставок готовых систем в другие страны региона маловероятна, то наиболее перспективным вариантом военно-технического сотрудничества для РФ может стать совмест-

ная разработка систем вооружений [3]. Негативно на экспортных возможностях России скажется и резкое сокращение научно-технического задела в вооружениях после окончания «холодной войны» [4].

Сейчас доля России на рынке вооружений и военной техники стран АТР составляет около 20%, доля США по данным за 2011 год – 42%, однако в условиях жёсткой конкуренции даже просто сохранить свои позиции на региональном рынке весьма непросто. Тем не менее, Россия планирует заключение крупных договоров на поставку вооружения и военной техники в Японию, Южную Корею, Тайвань и Китай [6].

Вероятно, России для наращивания объёмов военно-технического сотрудничества необходимо пересмотреть систему взаимоотношений с иностранными партнёрами, в частности, перейти к совместной разработке высокотехнологичных вооружений, предусмотреть продажу технологий производства оружия, создавать лицензионное производство на территории иностранных государств. В Федеральной службе по военно-техническому сотрудничеству полагают, что в регионе наиболее востребованными могут оказаться сторожевые корабли, инженерные системы, средства радиолокации [6].

Москва всеми силами пытается удержаться в таком сложном, но перспективном регионе. «Рособоронэкспорт» заключил в 2011 г. очередной контракт на поставку Китаю 123 двигателей АЛ-31ФН на сумму более 500 млн долл., завершена поставка Китаю девяти вертолётов радиолокационного дозора Ка-31. Кроме того, в 2007 году с Китаем был заключён контракт на поставку девяти противолодочных вертолётов Ка-28. Планируется поставка в Индонезию партии из 37 боевых машин пехоты (БМП-3Ф) на сумму более 100 миллионов долларов, 17 таких машин были поставлены ранее; реализуются контракты на поставку вертолётов Ми-17, Ми-35, авиационного вооружения [6].

По мнению ряда исследователей, фактором, влияющим на состояние военной безопасности России в АТР и СВА, является, в том числе, и наличие в регионе государств с высоким уровнем оборонных расходов, обладающих крупными и хорошо оснащёнными вооружёнными силами, находящимися в той или иной степени реформирования и модернизации [4]. В этой связи нашей стране придётся не только искать пути увеличения поставок военной техники на азиатские рынки, но и самим активно ставить на вооружение новейшие образцы, дабы не превратиться в «технологического аутсайдера» и «державу второго сорта», что весьма неблагоприятно может сказаться на российской внешней политике на Тихом, но таком не спокойном, океане.

Заключение

В целом, темпы наращивания военных статей бюджета во всех странах Северо-Восточной Азии рекордные со времён Второй мировой войны, а в некоторых государствах и вовсе за всю историю. С одной стороны, такое резкое увеличение трат на национальную оборону является закономерным следствием длительного устойчивого экономического роста государств региона, но, при отсутствии очевидных неотложных угроз региональной безопасности, поднятие финансирования ВПК на беспрецедентные уровни трудно оправдать. У Республики Корея, Японии и КНР, даже несмотря на относительное экономическое благополучие, всё равно остаётся целый ряд нерешённых внутренних проблем, для которых дополнительное финансирование было бы не менее важно, чем для производства военного потенциала, очевидно избыточного при провозглашаемых целях и угрозах.

Между тем, для реализации столь масштабных планов перевооружения вышеперечисленным странам в любом случае требуется какой-то

веский повод, ибо такие серьёзные расходы на оборону далеко не в традиции азиатских государств, развивающихся последние полвека пусть и во многом формально, но всё же духе пацифизма и либерализма. Таким поводом, несомненно, служит северокорейская ядерная программа. Перешедшая уже на «атомный» уровень конфронтация двух Корей за последние десятилетия превратилась в одну из главных проблем всей глобальной системы международных отношений и, безусловно, самую главную в Северо-Восточной Азии. В этой связи логичным представляется, что именно противодействие угрозе из Пхеньяна является главным аргументом остальных государств СВА в спорах о резонности такого стремительного наращивания военных «мускулов». Так или иначе, но поведение КНДР устраивает всех участников политического процесса в СВА, позволяя решать свои военно-политические задачи, не теряя в репутационном весе.

Китай получает некий «буфер», обеспечивающий относительное прикрытие от Сеула и Токио, а также гарантированный доступ в порты КНДР, дающий стратегическое преимущество перед Японией и Южной Кореей, а в перспективе и перед Россией. Будучи единственным союзником КНДР и имея значительное влияние на Пхеньян, КНР «держит руку на ручном тормозе» процесса воссоединения Кореи, стратегически невыгодного Пекину. Объединённая Корея с потенциальным 75-миллионным населением может получить новый качественный импульс для экономического роста за счёт «северной» дешёвой рабочей силы, и, не нуждаясь в масштабных тратах на былое противостояние братьям по полуострову, пустит ресурсы на создание объединённых мощных вооружённых сил. Даже минимальная возможность реализации такого сценария ставит под сомнение складывающийся китайский гегемонизм в регионе.

США благодаря угрозе от «ядерного режима» получают идеологическое оправдание своему увеличивающемуся военно-морскому присутствию в АТР, в целом, и СВА, в частности, которое для них особенно важно сейчас, в контексте сдерживания КНР в рамках обозначенной ранее переориентации на Азиатско-Тихоокеанский регион. Республика Корея и Япония приобретают стимул для расширения своих военных возможностей, в котором обе они ранее были серьёзно ограничены.

В этой связи критичной видится роль России в СВА. Не обладая ни возможностями, ни желанием меряться силой с каким-либо государством региона, наша страна, тем не менее, не остаётся в стороне. Тихоокеанский флот в течение десяти ближайших лет получит новые боевые корабли и подводные лодки, усиливаются силы ПВО (в том числе обладающие потенциалом ПРО ТВД). Проводятся масштабные учения всех видов и родов войск, возобновляются полёты стратегической авиации – делается всё возможное для укрепления национальной обороны на Дальнем Востоке. Подобные меры, не направленные против какого-либо государства или группы государств, тем не менее, вероятно, существенно укрепят и так значимый авторитет России в регионе и отрезвят некоторые «горячие головы».

Литература

1. Восточный вектор: морские доктрины и будущее ВМС стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Национальная оборона [Электронный ресурс]. URL: <http://oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2011/0905/20267272/detail.shtml> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
2. Гусев С. Военные расходы Китая превысили 100 млрд долларов // РБК Daily онлайн 16.07.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://rbcdaily.ru/world/562949984332710> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
3. Денисенцев С. Рынок вооружений стран Азиатско-Тихоокеанского региона. // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=440 (дата обращения: 20.08.2013 г.).
4. Карякин В.В. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира: М., 2011.
5. Кучеренко В. Прямо по курсу – эпоха больших открытий // Интернет против телеэкрана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.contrtv.ru/common/3554/> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
6. Суворин В.С. Россия и рынок оружия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. // Мир и Политика [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-politika.ru/1899-rossiya-i-rynok-oruzhiya-v-aziatsko-tihookeanskom-regione.html> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
7. Челлен Р. Государство как форма жизни / Рудольф Челлен; [пер. с швед. и примеч. М. А. Исаева]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 319 с. (История политической мысли).
8. Южная Корея отказывается от оружия США // «Российская газета». 2013. 21 февраля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/02/21/orugiye-site.html> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
9. Aggressive Asian military spending driving global arms 'explosion' // The Washington Times. 2013. June 25. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2013/jun/25/aggressive-asian-military-spending-driving-global-/> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
10. Asia-Pacific Arms spending to outstrip North America's to 2021 // The Japan Times. 2013. June, 26. [Электронный ресурс]. URL: http://www.japantimes.co.jp/news/2013/06/28/asia-pacific/asia-pacific-arms-spending-to-outstrip-north-americas-by-21-analysts/#.Uh7Z_BDeL3E (дата обращения: 20.08.2013 г.).
11. Defense White Paper 2012 // Republic of Korea Ministry of National Defense [Электронный ресурс]. URL: http://www.mnd.go.kr/cop/pblicitn/selectPublicationUser.do?siteId=mnd_eng&componentId=51&categoryId=0&publicationSeq=585&pageIndex=1&id=mnd_eng_021400000000 (дата обращения: 20.08.2013 г.).
12. Luttwak E. The rise of China vs. the logic of strategy. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. 310 pp.
13. Mid-Term Defense Program (FY2011-FY2015) // Japan Ministry of Defense [Электронный ресурс]. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/mid-termFY2011-15.pdf (дата обращения: 15.10.2013 г.).
14. National Defense Program Guidelines for FY 2011 and beyond // Japan Ministry of Defense [Электронный ресурс]. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/guidelinesFY2011.pdf (дата обращения: 15.10.2013 г.).
15. Richard F.Grimmett, Conventional Arms Transfer to Developing Nations, 1996-2003. Washington, US Congressional Research Service, August 26, 2004.
16. South Korea increases ballistic missile capability // Euronews [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euronews.com/2012/10/07/south-korea-increases-ballistic-missile-capability/> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
17. The Asian Conventional Military Balance in 2006 // Center for Strategic and International Studies [Электронный ресурс]. URL: <http://csis.org/publication/asian-conventional-military-balance-2006> (дата обращения: 20.08.2013 г.).

18. Les ventes d'armes explosent dans le monde // Le Figaro [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lefigaro.fr/conjoncture/2013/06/26/20002-20130626ARTFIG00318-les-ventes-d-armes-explosent-dans-le-monde.php> (дата обращения: 20.08.2013 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vostochnyj vektor: morskije doktriny i budushhee VMS stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona // Natsional'naya oborona [Электронный ресурс]. URL: <http://oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2011/0905/20267272/detail.shtml> (дата обращения: 20.08.2013 г.).

2. Gusev S. Voennye raskhody Kitaya prevysili 100 mlrd dollarov // RBK Daily onlajn 16.07.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://rbedaily.ru/world/562949984332710> (дата обращения: 20.08.2013 г.).

3. Denisentsev S. Rynok vooruzhenij stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona. // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=440 (дата обращения: 20.08.2013 г.).

4. Karyakin V.V. Voennaya politika i strategiya SSHA v geopoliticheskoj dinamike sovremennogo mira: M., 2011.

5. Kucherenko V. Pryamo po kursu – ehpokha bol'shikh otkrytij // Internet protiv teleehkrana [Электронный ресурс]. URL: <http://www.contrtv.ru/common/3554/> (дата обращения: 20.08.2013 г.).

6. Suvorin V.S. Rossiya i rynek oruzhiya v Aziatsko-Tikhookeanskom regione. // Mir i Politika [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-politika.ru/1899-rossiya-i-rynek-oruzhiya-v-aziatsko-tihookeanskom-regione.html> (дата обращения: 20.08.2013 г.).

7. CHellen R. Gosudarstvo kak forma zhizni / Rudolf CHellen; [per. s shved, i primech. M. A. Isaeva]. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN), 2008. 319 s. (Istoriya politicheskoy mysli).

8. YUzhnaya Koreya otkazyvaetsya ot oruzhiya SSHA // «Rossijskaya gazeta». 2013. 21 fevralya [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/02/21/orugiye-site.html> (дата обращения: 20.08.2013 г.).

9. Aggressive Asian military spending driving global arms 'explosion' // The Washington Times. 2013. June 25. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2013/jun/25/aggressive-asian-military-spending-driving-global/> (дата обращения: 20.08.2013 г.).

10. Asia-Pacific Arms spending to outstrip North America's to 2021 // The Japan Times. 2013. June, 26. [Электронный ресурс]. URL: http://www.japantimes.co.jp/news/2013/06/28/asia-pacific/asia-pacific-arms-spending-to-outstrip-north-americas-by-21-analysts/#.Uh7Z_BDeL3E (дата обращения: 20.08.2013 г.).

11. Defense White Paper 2012 // Republic of Korea Ministry of National Defense [Электронный ресурс]. URL: http://www.mnd.go.kr/cop/pblicitn/selectPublicationUser.do?siteId=mnd_eng&componentId=51&categoryId=0&publicationSeq=585&pageIndex=1&id=mnd_eng_02140000000 (дата обращения: 20.08.2013 г.).

12. Luttwak E. The rise of China vs. the logic of strategy. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. 310 pp.

13. Mid-Term Defense Program (FY2011-FY2015) // Japan Ministry of Defense [Электронный ресурс]. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/mid-termFY2011-15.pdf (дата обращения: 15.10.2013 г.).

14. National Defense Program Guidelines for FY 2011 and beyond // Japan Ministry of Defense [Электронный ресурс]. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/guidelinesFY2011.pdf (дата обращения: 15.10.2013 г.).

15. Richard F.Grimmett, Conventional Arms Transfer to Developing Nations, 1996-2003. Washington, US Congressional Research Service, August 26, 2004.

16. South Korea increases ballistic missile capability // Euronews [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euronews.com/2012/10/07/south-korea-increases-ballistic-missile-capability/> (дата обращения: 20.08.2013 г.).

17. The Asian Conventional Military Balance in 2006 // Center for Strategic and International Studies [Электронный ресурс]. URL: <http://csis.org/publication/asian-conventional-military-balance-2006> (дата обращения: 20.08.2013 г.).

18. Les ventes d'armes explosent dans le monde // Le Figaro [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lefigaro.fr/conjoncture/2013/06/26/20002-20130626ARTFIG00318-les-ventes-d-armes-explosent-dans-le-monde.php> (дата обращения: 20.08.2013 г.).

УДК 303.8

*Журбей Е.В.
Zhurbey E.V.*

«Мозговые центры» и внешнеполитический процесс Сингапура: история вопроса

«Think tanks» and foreign policy process of the Singapore: Background

Статья посвящена истории возникновения института «мозговых центров» и их роли во внешнеполитическом процессе Сингапура. Возрастающее влияние исследовательских центров, институтов в области внешней политики заставляют обратиться к общности и специфике «мозговых центров» Сингапура и их зарубежных аналогов. В статье рассматривается организация, специфика деятельности и каналы влияния на проводимую сингапурским руководством внешнюю политику.

Ключевые слова: *мозговые центры, исследовательские институты, внешняя политика, общественная дипломатия*

The article is devoted to the history of the institute of "think tanks" and their role in the foreign policy process in Singapore. Increasing influence of research centers and institutes in foreign policy makes appeal to generality and specificity of "think tanks" centers of Singapore and their foreign counterparts. The article discussed the organization, specific activities and channels of influence on the ongoing Singapore's foreign policy leadership.

Key words: *think tanks, research institutes, foreign policy, the public diplomacy*

Общепризнанной тенденцией последних десятилетий является активное вовлечение в процесс выработки внешнеполитических решений негосударственных участников, акторов гражданского общества, «народной дипломатии». Частью данного негосударственного сектора являются аналитические центры («мозговые центры» или «фабрики мысли»). Сегодня политические элиты развитых и развивающихся стран сталкиваются с проблемой привлечения экспертных знаний в центры принятия государственных решений, что ранее нами было продемонстрировано на примере участия аналитических центров во внешнеполитическом процессе таких стран, как Австралия, Новая Зеландия, КНР и Тайвань. Объектом текущего исследования является Сингапур, где сложилась своя практика сотрудничества, сосуществования экспертного сообщества и государства.

За последние полвека город-государство Сингапур разработал, пожалуй, самую эффективную на планете формулу развития и социального роста. Эффективная политика легендарного премьер-министра Ли Куан Ю и его партии «Народное действие» превратила обычный тропический, расколотый по расовому признаку, коррумпированный и на-

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, к.и.н., доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка. **E-mail:** cpr2001@gambler.ru

ходящийся во власти преступности город третьего мира в современную Венецию» [5]. Сингапур ошеломляет своим городским ландшафтом, небоскрёбами, ВВП на душу населения, который больше, чем в США и ЕС, а также самой образованной и дисциплинированной в мире рабочей силой. Это бурно развивающийся финансовый центр, который, согласно проведённому недавно исследованию, занимает четвёртое место на планете, опережая такие города с большим самоощущением, как Токио, Чикаго и Торонто. Он стоит на пятом месте по объёмам активов, которыми управляют институциональные инвесторы, опережая такие гораздо более крупные страны, как Япония, Великобритания и Бразилия [5].

В немалой степени внутренние успехи сингапурского руководства были обусловлены внешнеполитическими приоритетами, эффективной и прагматичной внешней политикой. Целью данного исследования является анализ внешнеполитического процесса Сингапура и оценка влияния на выносимые руководством государства внешнеполитические решения со стороны аналитических центров, которые концентрируют в себе огромный резервуар знаний, информации. Задача по эффективному использованию данного потенциала находится в приоритетах сингапурского руководства. Именно об этом сказал в своей речи почётный старший министр правительства Го Чок Тонг на 25-летнем юбилее сингапурского «Института политических исследований»: «Мозговые центры могут сыграть решающую роль в обеспечении взаимодействия между гражданами и правительством... Это включает в себя использование новых инновационных форм в продвижение политики общественного согласия, диалога сингапурского общества» [4].

Город-государство Сингапур благодаря историческим связям с Великобританией воспринял от последней парламентскую систему правления, в которой реальная власть принадлежит премьер-министру страны, а президент лишь номинальная фигура. Премьер-министр возглавляет правительство (кабинет министров) и одновременно является главой правящей партии. С 1950 г. у власти непрерывно находится партия «Народного действия». Монопольное положение правящей партии и авторитет находившегося у власти с 1950 по 1990 гг. премьер-министра Ли Куан Ю, сформировал современный облик политической системы Сингапура. Авторитет бывшего премьера в стране безусловный и тотальный. Главная причина заключается в экономических успехах, которые позволили стране вырваться из сообщества развивающихся стран в группу наиболее развитых и процветающих. Сингапурцы связывают процветание собственной страны с личностью Ли Куан Ю.

В 1990 году первый-премьер министр передал власть своему сподвижнику Го Чок Тонгу, при этом бывший премьер не отошёл от реальных рычагов власти, а продолжал держать руку на пульсе развития страны, получив статус «старшего министра» в правительстве Тонга. В 2004 году в свою очередь Тонг уступает пост премьера Ю Ли Сяньлуну, сыну Ли Куан Ю. Тем самым мы наблюдаем систему преемственности власти. Фактически власть передаётся посредством процедуры кооптации. Кооптация представляет собой вид «избрания сверху», чем потенциально создаёт почву для злоупотреблений, так как «избранные» руководители ограждают себя от влияния нижестоящей массы, избирая только «удобных» для себя членов-единомышленников. Вряд ли такую систему можно назвать демократической, что и даёт повод ставить под сомнение демократичность сингапурской политической системы, а также повод некоторым политологам приписывать политическую систему Сингапура к авторитарным политическим системам.

Антидемократичность сингапурской политической практики, в том числе практики принятия решений, берёт свои корни в политической

культуре, в основе которой лежат ценности конфуцианства. Более 75% населения страны этнические китайцы, не знавшие по большому счёту коммунистических экспериментов своей этнической родины. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что конфуцианство сохранилось на сингапурской почве в своей наиболее типичной, классической форме.

К наиболее типичным характеристикам конфуцианской политической культуры Сингапура можно отнести следующие черты:

Во-первых, «наличие ориентации населения на единый институционально-политический центр власти» [1, с. 98]. Премьер-министр Ли Куан Ю уподобился «императору» традиционного Китая. Сакральный и социально-политический ореол власти императора традиционного Китая тем самым передавался современному правителю Сингапура, что повышало управляемость общества институтами государства, бюрократическими институтами.

Во-вторых, «идеологизация власти, представляющей собой комплекс властных практик и идеологических теорий» [1, с. 98]. Политическая власть страны выступает в качестве единственного просветителя для общества, «власти воспринимают себя как единственных легитимных носителей истины» [1, с. 98].

В-третьих, «наличие жёстко заданной системы неформальных культурных ограничений, как для населения, так и для чиновников» [1, с. 98]. С одной стороны, это самодисциплинирует людей и чиновников, но, с другой стороны, подавляет их инициативность, свободу действий.

В-четвёртых, патриархально-патерналистическая забота о населении со стороны бюрократического аппарата, что является свидетельством отсутствия ограничений для вмешательства сингапурской бюрократии в дела гражданского общества.

В-пятых, «групповое сознание, т.е. приоритет групповых и общегосударственных интересов над личными. Человек не воспринимает себя как автономную единицу, «меру всех вещей», что характерно для англосаксонской политической культуры. Личность не мыслит себя вне общественных групп и государственных структур» [1, с. 98].

В-шестых, «патриархальная и кланово-клиентская структура общества, большая роль вертикальных социальных сетей усиливают иерархический характер всех связей и сдерживают развитие демократических тенденций» [1, с. 99].

Конфуцианские культурно-цивилизационные основы наложили отпечаток на функционирующую в Сингапуре политическую систему. Структура власти в стране жёстко централизована. С момента обретения независимости власть была сконцентрирована в руках узкой группы лиц, которую возглавлял Ли Куан Ю. «Политическая оттепель» в Сингапуре наступила в 90-е гг. XX в., когда премьер-министр поэтапно стал передавать власть молодому поколению сингапурских технократов. При этом влияние старшего поколения политической элиты не утрачено окончательно, что позволяет говорить о наличии консенсуальной системы принятия всех политических решений в стране, в том числе и в сфере внешней политики.

Централизация власти в стране выражается в том, что практически подавляющее большинство сингапурских бюрократов получают назначение на должность напрямую от кабинета министров и его главы, что создаёт систему персональной ответственности этих чиновников перед главой правительства. Данное обстоятельство дисциплинирует чиновников, с одной стороны, и повышает эффективность реализации принимаемых решений, с другой стороны.

Монолитность власти распространяется на монолитность сингапурской элиты в целом. «Существующее формальное разделение между

политической, административной и деловой элитой на практике не соблюдается. Карьерная траектория большинства сингапурских лидеров связана с постоянно сменой и совмещением постов различного типа. По сути, вся элита города-государства является частью одной строго централизованной и жёстко управляемой иерархии» [1, с. 100]. Монолитность элиты выражается в фактическом отсутствии в стране оппозиции, которая могла составить конкуренцию нынешним лидерам, в том числе и в аспекте конкуренции «идей». Заниматься политикой в Сингапуре если не воспрещается, то не является благородным делом. Любые вопросы и проблемы политической, социально-экономической или культурно-религиозной жизни страны решаемы, но решаемы не с позиций «политической борьбы», а с позиций сугубо технократического, прикладного характера. Технократичность механизмов принятия решений придаёт особую значимость аналитическим (мозговым) центрам в системе консультирования, посредничества политической власти с обществом.

Возрастающее влияние технократов можно также отнести и к конфуцианской традиции уважительного отношения к фигуре учёного. Конфуцианские традиции позволяют понять специфику статуса экспертного сообщества в Сингапуре, в том числе экспертов в области внешней политики. В китайском лексиконе существуют два важных для нашего исследования понятия, а именно *guanxi* (личные связи) and *mianzi* (лицо). Большая часть взаимоотношений между политиками, чиновниками и обществом в целом строится на системе *guanxi*, т.е. личных связей, социальных статусов и привилегий, а также сохранения при любых обстоятельствах и сложностях «лица». Данное обстоятельство влияет на практику во взаимоотношениях западных дипломатов со своими сингапурскими коллегами. Трудности обусловлены тонкостями символики, обязательной процедурой сохранения лица, как обязательных атрибутов не только публичной политики, но и межличностных отношений в повседневной дипломатической практике.

Чем можно объяснить всё возрастающее внимание сингапурского политического руководства к «интеллектуальным результатам» деятельности аналитических центров? Одну из причин мы осветили ранее, а именно исторический статус советников в конфуцианской традиции, но это далеко не всё объясняет. Несомненен тот факт, что происходит количественный рост аналитических центров по всему миру и прежде всего в развивающихся странах. Аналитические центры по-прежнему более сильны в своём воздействии на политическую элиту в англо-саксонских странах, но страны «третьего мира» восполняют пробелы в этой сфере.

Ранее мы говорили о том, что Сингапур многие годы демонстрировал успешную стратегию развития. «Сингапурское чудо» было у всех на устах, но и это «чудо» начинает мало по малому, испытывать трудности. В 2011 году Институт Гэллапа провёл опрос среди населения Сингапура. Согласно проведённому исследованию, процентное количество жителей города, считающих, что через пять лет ситуация у них будет хуже, является одним из самых высоких в мире [5]. Рядом с ним стоят только такие страны как Греция, Италия, Сирия и Испания.

Ряд экспертов объясняет такую позицию жителей Сингапура традиционным китайским фатализмом, но приезжающие в США иммигранты из Азии, среди которых доминируют китайцы, испытывают гораздо больший оптимизм относительно будущего, чем основная часть американцев.

Другие эксперты объясняют рост негативных настроений жителей страны показателями развития национальной экономики. «Рост ВВП по-прежнему составляет где-то 5% в год, но уровень реальной заработной платы у сингапурцев остаётся без изменений [5]. С 1998 по 2008 год

доходы самых бедных 20% населения уменьшились в среднем на 2,7%, в то время как зарплаты у самых богатых 20% выросли более чем наполовину [5]. Реальный усреднённый доход среднего класса с 2001 по 2010 год увеличился на 11%. В отличие от последних лет в период с 1970-х по 2000 год доходы каждые десять лет вырастали вдвое, а то и больше» [5].

Большинство сингапурцев по-прежнему в позитивном ключе оценивают деятельность правящей партии «Народное действие», но у населения есть желание сменить направление развития. Первый шаг для исправления положения заключается в том, чтобы Сингапур осознал серьёзность стоящих перед ним проблем. "Политика прошлых лет пусть и работала эффективно, производя мощное впечатление, но для будущего она может оказаться неподходящей. Как отметил однажды мой старый японский сэнсэй Дзиро Токуяма (Jiro Tokuyama), труднее всего забыть секреты былых успехов" [5]. В этой связи сингапурское руководство нуждается в новых идеях, оно уже не столь самоуверенно и нуждается в советах, которые, как показывает мировая практика, могут предложить аналитические центры.

Что же такое аналитический или «мозговой центр»? Д. Эйбельсон под «мозговым центром» понимает «некоммерческие, внепартийные (что не означает – внеидеологические), ориентированные на исследовательскую работу институты, одна из главных целей которых состоит в оказании влияния на общественное мнение и государственную политику» [2]. Изначально термин «мозговой центр» использовался в США в годы Второй мировой войны для обозначения надёжно защищённого укрытия, где оборонные учёные и военачальники могли встречаться для обсуждения стратегических вопросов, но с тех пор термин стали использовать в более широком значении для обозначения более 2000 базирующихся в США организаций, которые занимаются политическим анализом, и ещё приблизительно 2500 институтов по всему миру [2].

Научный сотрудник из Научно-исследовательского института внешней политики США Джеймс Макганн считает, что под термином «мозговой центр» следует понимать «независимую организацию, занимающуюся исследованием и анализом государственной политики, восполняющую потребность политиков в информации и систематическом анализе, который непосредственно связан с политикой» [6].

Профессор Гарвардского университета С. Буше сформулировал девять критериев, характеризующих исследовательскую организацию в качестве «мозгового центра»: во-первых, это организация, действующая на постоянной основе; во-вторых, специализирующаяся на производстве общественно значимых решений для сферы политик; в-третьих, благодаря штату сотрудников, посвятивших свой полный рабочий день исследованиям; в-четвёртых, которые в свою очередь производят оригинальные идеи, осуществляют систематический анализ информации и проводят консультации; в-пятых, результаты систематического анализа в виде оригинальных идей доводятся до политиков и общественного мнения; в-шестых, такие организации не несут ответственность за деятельность правительств; в-седьмых, стремятся к независимости от частных интересов и сохраняют свободу в выборе повестки дня в рамках собственных исследований; в-восьмых, основная деятельность не сводится к образованию и выдаче дипломов; в-девятых, в не последнюю очередь их явная или неявная цель заключается в продуцировании общественного блага, в отличие от чисто коммерческих структур» [3, р. 2-3].

История возникновения многих восточноазиатских аналитических центров примерно одинакова. Можно отметить три политические темы, которые сформировали современный облик аналитических центров Восточной Азии, Сингапура в том числе. Во-первых, это практика взаимо-

отношений с бюрократией. Во-вторых, тематическая направленность их деятельности (например, внешнеполитическая или экономическая). В-третьих, обусловленность политических интересов, которые они представляют.

Подавляющее большинство «ранних» аналитических центров имели тесные связи с государством и исполняли волю и заказ местной бюрократии. Многие из них были созданы правительствами восточноазиатских стран для решения текущих политических, социально-экономических задач стоящих перед страной.

Значительное количество аналитических центров стран Восточной Азии внесли свой вклад в развитие национальной экономики. Технократические, экономико-ориентированные аналитические центры представляли на суд бюрократии стратегии, тактики развития и конкретные политические решения. Благодаря господству государственной бюрократии в процессе принятия решений, «ранние» центры Восточной Азии зачастую завязаны на чиновничью среду.

Со временем реформы открыли в регионе новые горизонты приложения усилий для аналитических центров, которые стали группироваться вокруг корпоративного и финансового сектора с акцентом на рыночные повестки дня.

Аналитические центры, интересующиеся национальной безопасностью, также появились для обсуждения актуальных угроз безопасности.

Часть аналитических центров в странах Восточной Азии и Сингапуре были созданы в качестве инструментов для легитимизации и укрепления существующих режимов или лидеров. Законность является одним из важнейших товаров, так как большинство режимов были привлечены к ответственности на основе их способности стимулировать экономический рост, а не их демократичности. Таким образом, легитимность экономической повестки дня также частично опирается на способность мозговых центров распространять правительственную повестку дня и получить общественную поддержку.

Больше, чем любой другой фактор, был политический импульс поддержки усилий аналитических центров, так как это не только определило их создание, но и обусловило их «интеллектуальное» влияние.

Факторы, вызвавшие к жизни аналитические центры, позволяют их классифицировать. Используем типологию Джеймса Макганна. Он выделял следующие типы мозговых центров:

- ◆ Партийный – официально связанный с политической партией;
- ◆ Государственный – входящий в структуру власти;
- ◆ Автономный и независимый – в значительной степени не зависящий от какой-либо заинтересованной группы или спонсора и автономный от правительства в своей деятельности и финансирования;
- ◆ Университетский – политологический центр при университете;
- ◆ Квази-государственный – финансируемый исключительно за счёт государственных грантов и контрактов, но не входящий в официальную структуру власти;
- ◆ Квази-независимый – автономный от правительства, но контролируемый заинтересованной группой, спонсором или заказчиком, обеспечивающим основное финансирование и оказывающим значительное влияние на деятельность аналитического центра [6].

Предложенная типология лежит в основе исследования «Global Go To Think Tank», которое ежегодно проводится Джеймсом Макганном в рамках программы «Мозговые центры и Гражданское общество» университета Пенсильвании в США [7]. По своей сути данное исследование

представляет собой глобальный рейтинг мировых и национальных аналитических центров по географическому и тематическому принципу. В рейтинге присутствуют немногочисленные мозговые центры Сингапура. Наш интерес лежит в области влияния мозговых центров Сингапура на выносимые внешнеполитические решения. Рейтинг за 2012 год в список 70 мировых аналитических центров в разделе «Безопасность и международные дела» включил три сингапурских центра. 44 строчку рейтинга занял «Сингапурский институт международных дел», 45 строчку – «Институт безопасности и стратегических исследований» и на 46 строчке разместился «Институт исследований Юго-Восточной Азии» [7, p. 67].

Впервые за всю историю «Сингапурский институт международных дел» (SIIA) занял первую строчку в региональном рейтинге стран Юго-Восточной Азии. Основанный в 1961 году, «Сингапурский институт международных дел» является старейшим «мозговым центром» страны [8, p. 4]. SIIA является некоммерческим, неправительственным учреждением, которое фокусируется на исследовании широкого круга тем и программ, в том числе регионализма, геополитики и экономического развития, а также окружающей среды и ресурсов. SIIA является независимой организацией, финансируется частными лицами, членскими взносами и спонсорами из числа коммерческих компаний. Центр постоянно подчёркивает, что не получает регулярное финансирование от правительства Сингапура и артикулирует готовность работать с любой организацией, стремящейся сделать Сингапур более информированным, более космополитичным обществом.

В 2012 – 2013 гг. SIIA сосредоточила свои усилия на ключевых темах, таких как АСЕАН и Азия, роль США, свобода торговли и экономической интеграции в АСЕАН и Азии, а также экологических проблемах: дымка от пожаров в Индонезии, изменение климата и чистый воздух города: анализ актуальных событий в странах региона (например, в Мьянме через призму политических и экономических вопросов), проблемы прав человека и социального развития.

Для всестороннего и профессионального подхода к исследованию обозначенного круга вопросов SIIA позиционирует себя в качестве сетевого «мозгового центра». Этот подход позволяет выйти за пределы тем, которые ведутся непосредственно штатными исследователями, что заставляет центр привлекать к работе в качестве экспертов своих зарубежных коллег, в том числе на основе стипендиальной программы.

Исследовательская программа центра разработана таким образом, что согласуется с ролью независимого аналитического центра и учреждения гражданского общества. SIIA сознательно и активно привлекает к работе все заинтересованные стороны (отечественных и зарубежных политиков, международные корпорации, зарождающиеся неправительственные организации в Сингапуре, а также региональные и международные средства массовой информации). Например, в течение 2012 года, SIIA еженедельно издавала бюллетень для СМИ с соответствующими цитатами и комментариями экспертов.

Партнёрские отношения с неправительственными организациями позволяют SIIA влиять на формирование сингапурской гражданской культуры в целом, объясняя соотечественникам суть современного, глобализирующегося мира, в котором они живут, преследуя цель более качественно информировать сингапурскую общественность и более эффективно обеспечивать поддержку обществом проводимой государством внешней политики в формах, адекватных взаимозависимому миру. Проблематика «гражданской социализации» весьма широка, например, актуализации вопроса торговли людьми позволила SIIA в 2012 году полу-

чить консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН.

(продолжение следует)

Литература

1. Алексеева Т.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: Учеб. пособие для студентов вузов / Т.А. Алексеева, А.А. Казанцев. М.: Аспект Пресс, 2012. 223 с.
2. Эйбелсон Д. «Мозговые центры» и американская внешняя политика: история вопроса [Электронный ресурс]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpr/pj73abelson.htm> (дата обращения 4.03.2007 г.).
3. Boucher, Stephen, et al. Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October, Paris, Notre Europe, 2004.
4. IPS must continue innovating in social media space: ESM Goh [Электронный ресурс]. URL: <http://www.todayonline.com/singapore/ips-must-continue-innovating-social-media-space-esm-goh> (дата обращения: 15.10.2013 г.)
5. Kotkin J. Singapore Needs A New Sling [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.com/sites/joelkotkin/2013/07/18/singapore-needs-a-new-sling/> (дата обращения: 15.10.2013 г.).
6. Mc Gann. Think Tanks and the transnationlization of foreign policy // [Электронный ресурс]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpe/pj73mcgann.htm> (дата обращения 1.03.2007 г.).
7. Mc Gann, James G. The Global 'Go-To' Think Tanks, The Think Tanks and Civil Societies Program 2011, Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program University of Pennsylvania, Philadelphia, 2012. 128 p. [Электронный ресурс]. URL: http://gotothinktank.com/dev1/wpcontent/uploads/2013/07/2012_Global_Go_To_Think_Tank_Report_-_FINAL-1.28.13.pdf (дата обращения 15.10.2013 г.).
8. Singapore Institute of International Affairs [Электронный ресурс]. URL: http://www.siiiaonline.org/userfiles/file/FY2012_Annual_Report.pdf (дата обращения: 15.010.2013 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alekseeva T.A. Vneshnepoliticheskij protsess. Sravnitel'nyj analiz: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / T.A. Alekseeva, A.A. Kazantsev. M.: Aspekt Press, 2012. 223 s.
2. Eйbelson D. «Mozgovye tsentry» i amerikanskaya vneshnyaya politika: istoriya voprosa [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpr/pj73abelson.htm> (data obrashheniya 4.03.2007 g.).
3. Boucher, Stephen, et al. Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October, Paris, Notre Europe, 2004.
4. IPS must continue innovating in social media space: ESM Goh [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.todayonline.com/singapore/ips-must-continue-innovating-social-media-space-esm-goh> (data obrashheniya: 15.10.2013 g.)

5. Kotkin J. Singapore Needs A New Sling [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.forbes.com/sites/joelkotkin/2013/07/18/singapore-needs-a-new-sling/> (data obrashheniya: 15.10.2013 g.).

6. Mc Gann. Think Tanks and the transnationlization of foreign policy // [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpe/pj73mcgann.htm> (data obrashheniya 1.03.2007 g.).

7. Mc Gann, James G. The Global 'Go-To' Think Tanks, The Think Tanks and Civil Societies Program 2011, Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program University of Pennsylvania, Philadelphia, 2012. 128 p. [EHlektronnyj resurs]. URL:http://gotothinktank.com/dev1/wpcontent/uploads/2013/07/2012_Global_Go_To_Think_Tank_Report_-_FINAL-1.28.13.pdf (data obrashheniya 15.10.2013 g.).

8. Singapore Institute of International Affairs [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.siaonline.org/userfiles/file/FY2012_Annual_Report.pdf (data obrashheniya: 15.010.2013 g.).

УДК 330.13.131.7.

Жерновой М.В.
Zhernovoy M.V.

Радиационная безопасность Приморья через призму автоимпорта

Radiation safety of the Primorye Territory in the light of auto import

В сообщении представлен текущий анализ состояния радиационной безопасности в Приморье в свете поставок японских автомашин.

Ключевые слова: *автомашина, безопасность, угроза*

The paper presents an analysis of the current status of radiation safety in Primorsky Region in light of the supply of Japanese cars.

Key words: *car, security, threat*

Чрезвычайные ситуации, связанные с радиационно опасными объектами (включая ядерное оружие и его компоненты), радиоактивными веществами и отходами, источниками ионизирующих излучений (далее – ядерно и радиационно опасные объекты и материалы) и имеющие долгосрочные негативные последствия, представляют серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

В связи с принятием в 1996 г. Федерального Закона «О радиационной безопасности населения» начала действовать принципиально новая стратегия обеспечения радиационной защиты населения. Она сводится не только к обеспечению безопасности персонала, профессионально работающего с источниками ионизирующего излучения, но и распространяется на обеспечение радиационной безопасности всего населения страны, независимо от источника ионизирующего излучения.

Несмотря на то, что с момента землетрясения в Японии аварии на атомной станции «Фукусима-1» прошло больше двух лет, последствия этих событий до сих пор сказываются. Одно из проявлений – предметы с повышенным фоном радиации, в том числе автомобили и комплектующие к ним.

Справка

Авария на АЭС «Фукусима-1» произошла в результате землетрясения магнитудой 9,0 и последовавшего 10-метрового цунами, обрушившегося на северо-восток Японии. Удар стихии вывел из строя систему аварийного энергоснабжения АЭС, что привело к прекращению охлаждения ядерного топлива. После множественных утечек радиации превышение норм радиоактивности было обнаружено в воде и продуктах в ряде японских префектур. Правительство ввело ограничения поставки таких товаров и эвакуировало жителей из 20–30-километровой

ЖЕРНОВОЙ Михаил Васильевич, ведущий научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России», к.ю.н., доцент (*г. Владивосток*). E-mail: primvni@mail.ru

зоны отчуждения. Японское агентство по ядерной и промышленной безопасности (NISA) присвоило аварии максимальный — седьмой — уровень опасности. Такой уровень устанавливался лишь однажды, во время аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году.

Сегодня Россия, особенно регионы Дальнего Востока и Сибири, является одним из основных потребителей подержанных авто из Японии. По данным японского Минфина, только в 2012 году Япония экспортировала 131,9 тыс. подержанных автомобилей. Это связано в первую очередь с доступностью подобных машин, их надёжностью и удобством обслуживания. Часть автомобилей попадает в страну после их покупки на аукционах уже конкретными владельцами, часть ввозится компаниями для последующей продажи. Но и те, и другие проходят таможенную проверку, которая в том числе включает и различные экспертизы. Японским автомобилям уделяется особое внимание с точки зрения проверки на радиацию.

Одним из важных направлений деятельности таможенных органов является радиационный контроль товаров, транспортных средств, международных почтовых отправлений и багажа. Все объекты, пересекающие таможенную границу России, проходят обязательный радиационный контроль. Только в 2012 г. Владивостокской, Камчатской, Магаданской, Находкинской, Сахалинской и Хасанской таможнями было выявлено 400 радиационно-опасных объектов, прибывших из Японии (в 2011 г. — 488). Из них 364 радиационно-опасных объекта органами Роспотребнадзора были запрещены к ввозу на территорию Таможенного союза и вывезены обратно [3].

В последние годы число загрязнённых объектов постепенно уменьшается. Так, в 2011 г. в квартал в среднем выявлялось 90 объектов, в 2012 г. — 75, в первом квартале 2013 г. — 59, а во втором — 43. Как правило, опасные объекты — это подержанные автомобили и запчасти. Причём, прибывают они на судах под флагами Камбоджи, Кипра и Южной Кореи. После дополнительных проверок принимается решение по каждому такому объекту. Причём оно не всегда бывает отрицательным, то есть некоторые автомашины разрешается везти на территорию РФ. С момента аварии на АЭС «Фукусима-1» принято решение о запрете ввоза 591 объекта, а всего было выявлено 697 объектов с повышенным радиоактивным фоном [1].

Для оперативного выявления товаров и транспортных средств с повышенным уровнем ионизирующего излучения таможенники применяют переносные поисковые дозиметры с детекторами гамма- и нейтронного излучения и стационарные системы, типа «Янтарь». Они автоматически сравнивают параметры радиационного излучения объекта с естественным радиационным фоном. При выявлении объектов с повышенным уровнем ионизирующего излучения, не соответствующим требованиям радиационной безопасности, таможенные органы изолируют эти объекты, маркируя предупредительными знаками, и передают информацию в территориальные органы Роспотребнадзора, МЧС. Роспотребнадзор принимает решение о дальнейшей судьбе заражённых объектов [2].

Следует отметить, что Роспотребнадзором неоднократно указывалось японской стороне на поступление загрязнённой, бывшей в эксплуатации автомобильной продукции и запчастей к ней на российский рынок и необходимости принятия адекватных мер. Однако до настоящего времени информации о мерах, принимаемых Японией в отношении урегулирования вывоза подержанных автомобилей, и имеющих радиоактивное загрязнение в Роспотребнадзор не поступало.

Япония установила допустимую норму радиации на отметке 0,3 МкЗв/ч (микрозиверт в час). Но для экспортируемых в Россию автомобилей этот показатель составляет 0,2 МкЗв/ч, потому что Токио хочет избежать дополнительных расходов в случае возврата. Одна из самых больших «партий» из Toyota Corolla Fielder, Toyota Probox и Honda HR-V была ввезена теплоходом «Трэвинд Глори» из Японии в июле 2013 г. По данным ФТС, уровень ионизирующего излучения на объектах составляет 0,15, 0,19 и 0,17 МкЗв/ч соответственно и превышает уровень естественного фона почти вдвое (0,08 МкЗв/ч).

У человека естественный усредненный радиационный фон обычно лежит в пределах 0,10-0,16 МкЗв/ч. Норма – значение не превышающее 0,20 МкЗв/ч. Безопасным уровнем считается порог в 0,30 МкЗв/ч. То есть все ввезённые автомобили в принципе соответствуют допустимой норме и могут эксплуатироваться [1].

Для тех же, кто хочет быть уверенным в собственной безопасности, появились компании, которые за сравнительно небольшие деньги проверяют автомобиль на наличие радиационного фона. Услуга стоит около 1,5 тыс. рублей и распространена в крупных городах Дальнего Востока. Для самостоятельной проверки нужно приобрести дозиметр.

Срок существования опасного радиационного фона определён двумя годами. По истечении этого срока воздействие должно снижаться. Но на некоторых объектах след радиации держится дольше. Автомобиль состоит из разных деталей, которые могут нести различный фон. Кузов наименее подвержен воздействию и легче отмывается (существуют специальные растворы, снижающие уровень радиации). Больше излучение «впитывают» различные детали из пластика и резины. И если у автомобиля есть хоть небольшое отклонение от нормы, то необходимо поменять салонный и воздушный фильтры.

Литература

1. Зверкова И. Атомная технология. // Аргументы и факты. 05.08. 2013.
2. Зыкова Т. Радиация на японских авто зашкаливает. // Российская газета. 19.02. 2013.
3. Справка Дальневосточного таможенного управления (ДВТУ) за 2013 г.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Zverkova I. Atomnaya tekhnologiya. // Argumenty i fakty. 05.08. 2013.
2. Zyкова T. Radiatsiya na yaponskikh avto zashkalivaet. // Rossijskaya gazeta. 19.02. 2013.
3. Spravka Dal'nevostochnogo tamozhennogo upravleniya (DVTU) za 2013 g.

УДК 327.2

*Золотухин И.Н.
Zolotukhin I.N.***Узел противоречий в узловом регионе****The knot of contradictions in the pivot region**

Рецензия освещает содержание ключевых аспектов безопасности Малайского архипелага, описанных в работе исследователя проблем терроризма в Юго-Восточной Азии Эндрю Тана. Книга позволяет понять и оценить глубину происходящих в данном субрегионе политических процессов и их растущее значение для системы международных отношений в АТР.

Ключевые слова: *безопасность, Малаккская дилемма, милитаризация, сотрудничество, комплекс безопасности*

The review enlightens the maintenance of the Malay Archipelago's key security aspects, considered in the work of Andrew Tan, the researcher on problems of the terrorism in Southeast Asia. The book allows deeper understanding and estimating of the political processes occurring in given subregion and their enhancing value for system of the international relations in the Asia-Pacific.

Key words: *security, Malacca's dilemma, militarization, cooperation, complex of security*

Субрегион Азиатско-тихоокеанского региона (АТР) Юго-Восточная Азия (ЮВА), обладая значительным экономическим потенциалом, стратегически важными коммуникациями, соединяющими Индийский и Тихий океаны и Южную и Восточную Азию, колоссальными природными богатствами, в настоящее время привлекает к себе пристальное внимание исследователей-политологов и международныхников. Существенно уступая в военно-политическом отношении державам Северо-Восточной Азии, государства ЮВА, входящие в одно из старейших интеграционных образований АТР – АСЕАН, являются ядром экономических и политических процессов, существенно влияющих не только на региональную систему международных отношений, но и формирующих архитектуру глобального миропорядка.

Выступая своего рода буфером в противоборстве интересов великих держав, страны ЮВА, вместе с тем, не готовы признавать за собой второстепенную роль, стремясь всеми силами защищать свой суверенитет, национальные интересы и отстаивать внешнеполитические амбиции, расширяя горизонты сотрудничества с ведущими внерегиональными

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: zolivnik@mail.ru

Рецензия на работу: Э. Тан. Стратегии безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе. «Второй фронт» США в Юго-Восточной Азии. Нью-Йорк: Палгрэйв Макмиллан, 2011. 264 с. (Tan, TH Andrew. Security Strategies in the Asia-Pacific. The US "Second Front" in Southeast Asia. New-York: Palgrave Macmillan, 2011. 264 p.)

ми игроками: КНР, США, Евросоюзом, Японией, Индией, Австралией и др. Однако дипломатия АСЕАН, ставящая во главу угла диалоговый формат, являющийся краеугольным камнем при обсуждении проблем безопасности, но опирающийся на принцип невмешательства во внутренние дела, крайне осторожно относится к попыткам внешних акторов активизировать своё присутствие в субрегионе. В то же время инициированная Вашингтоном война против глобального терроризма, с одной стороны, интернационализация сепаратистских этноконфессиональных конфликтов в странах АСЕАН, с другой, а также территориальные споры в Южно-Китайском море, с третьей, привели к актуализации роли ЮВА в военно-стратегическом аспекте.

В монографии известного специалиста по проблемам безопасности в Юго-Восточной Азии, профессора университета Южного Уэльса (Австралия) Эндрю Тана, известного по таким работам, как «Политика терроризма» (2006), «Политика морских сил» (2007), «Стратегия США против глобального терроризма: как она эволюционировала, почему провалилась и где проводилась» (2009), уделяется особое внимание структурному компоненту ЮВА, Малайскому архипелагу, географически включающему в себя страны Нусантары: Сингапур, Малайзию, Бруней, Индонезию, Филиппины.

Следуя логике теории Бузана о комплексах безопасности, избранной автором в качестве основной методологии, Эндрю Тан рассматривает данный ареал как особый внутрирегиональный комплекс безопасности, динамика которого является «естественным элементом всеобщей взаимосвязанной структуры международной безопасности» [2, с. 11], а присущая ему мультиполярность обусловлена историческим развитием ЮВА, где не сложилось одного (как в Южной Африке) или двух (как на Ближнем Востоке) центров силы. Мультиполярность субрегиона отражает также разнородность региональных сил и разность их потенциалов [2, с. 11].

Несмотря на прорыв в региональном стратегическом анализе, предпринятом Бузаном и Алагаппой, развившим концепцию «комплекса безопасности Малайского архипелага», большинство исследований по ЮВА постбиполярного периода не учитывали всей сложности и взаимосвязи существовавших и существующих проблем безопасности в рамках архипелага. Восприятие Соединёнными Штатами данного ареала через призму контртеррористической борьбы стало во многом следствием недооценки подхода Бузана-Алагаппы в отношении ЮВА.

С одной стороны, Малайский комплекс безопасности обладает внутренними противоречиями, что выражается в обоюдном подозрении и враждебности входящих в него держав [1]. Однако, с другой стороны, поскольку круг проблем безопасности весьма обширен и касается не только стран комплекса, но и выходит за географические пределы субрегиона, то государства внутри него «обеспокоены ростом пиратства, нелегальной миграции, организованной преступности, контрабанды, а также потенциальными ограничениями и нарушениями их жизненных морских путей и границ судами других (особенно растущих региональных) держав» [4].

Эндрю Тан даёт комплексную оценку как основных вызовов и угроз (внешних и внутренних) для стран Малайского архипелага, так и действий великих держав в регионе в фокусе их внешнеполитических интересов. В монографии отчётливо показана траектория поведения США в отношении стран Малайского архипелага: если первоначально Вашингтон воспринимал данный субрегион как одно из звеньев цепи глобального терроризма, зону потенциальной угрозы миропорядку, требующую укрепления военно-политического сотрудничества США с Сингапуром,

Таиландом, Филиппинами, то впоследствии политика Белого дома стала опираться на более гибкий подход, подразумевающий вовлечение США в решение внутрирегиональных проблем безопасности с учётом его культурно-исторических особенностей.

Структура работы Тана логично отражает замысел исследователя показать всю глубину и сложность комплекса безопасности Малайского архипелага, начиная с конфликтов внутри субрегиональных держав и заканчивая противоречиями, решение которых требует международно-го сотрудничества.

Первые главы работы: «Терроризм и безопасность в Малайском архипелаге», «Терроризм», «Повстанческие движения» – объединены общей идеей выявления особенностей терроризма в комплексе безопасности Малайского архипелага. Эндрю Тан отмечает, что «Малайский архипелаг приобретает огромное стратегическое значение в проводимой США глобальной войне против терроризма, поскольку здесь проживает самое большое число мусульманского населения» [6, р. 2]. Значимость стран архипелага в этом контексте ещё более ощутима поскольку «Аль Каида активно стремилась наладить контакты с различными местными вооружёнными группировками сепаратистов» [4]. Однако автор далёк от интерпретации повстанческих действий сепаратистского характера как чисто террористических, полагаясь на глубину существующих проблем безопасности стран Нусантары, берущих своё начало ещё в годы холодной войны и даже раньше. Перечисляя основные причины политических противоречий в субрегионе, Тан ссылается на работу Гирлинга «Региональная безопасность в ЮВА» [3], в которой в числе главных факторов фигурируют внутренняя нестабильность, внешние силы, национальные и идеологические трения, а также экономическая стагнация, давление многочисленного населения на ограниченные ресурсы, соперничество между центром и периферией, восстания и демонстрации протеста, революция и гражданская война.

Любопытно, что в четвёртой главе своей работы под названием «Морская безопасность» автор обозначил пиратов, число нападений которых резко возросло с 2004 г., как одно из проявлений глобального терроризма. По-видимому, Тан исходил из особой значимости Малаккского пролива, наряду с Суэцким и Панамским каналами для мировой торговли, а также как важнейшей транспортной артерии, через которую осуществляются поставки нефти из стран Персидского залива и Восточную Азию и проходит около 65 тыс. судов в год.

Именно безопасность морских путей и границ, по мнению исследователя, является наименее противоречивым аспектом в комплексе безопасности Малайского архипелага, поскольку государства архипелага действуют в едином порыве в укреплении морской безопасности. Власти Малайзии, Индонезии и Сингапура с июля 2004 г. организовали постоянное вооружённое патрулирование Малаккского пролива. Кроме того, морские страны ЮВА заинтересованы в сотрудничестве с иностранными государствами по данному вопросу, хотя их опасения потерять суверенитет над проливами в случае усиления присутствия внерегиональных великих держав сохраняются.

В пятой главе «Соперничество между великими державами» Тан подчёркивает особую озабоченность стран Малайского архипелага риском быть вовлечёнными в прямой американо-китайский конфликт. Одним из детонаторов этого конфликта может стать обострение с начала 1990-х годов споров между Китаем и некоторыми странами ЮВА по поводу островов в Южно-Китайском море. Жёсткая позиция Китая в отстаивании своих прав над островами объясняется прежде всего тем фактом, что Срединное государство опасается потери своего контроля над

поставками энергоресурсов (объём которых ежегодно возрастает, также как и зависимость Китая от этих поставок) и обеспокоено усилением американского присутствия в акватории Малайского архипелага (так называемая «Малаккская дилемма»). Контроль со стороны других игроков над проливами Малайского архипелага (Малаккским, Зондским и Ломбокским) также создаёт угрозу национальным интересам КНР.

Автор приходит к выводу, что растущая роль великих держав в регионе привела к более сложным отношениям между ними. В то же время государствам Малайского архипелага требуются гарантии безопасности, и они пытаются маневрировать среди соперничающих держав, создать региональный баланс сил и обезопасить регион от втягивания в новую холодную войну [6, p. 154].

Шестая глава «Рост вооружений в регионе» представляется одной из ключевых в монографии, поскольку автор уделяет внимание сразу нескольким проблемным факторам, влияющим на баланс сил в субрегионе: Малаккской дилемме и возвышению Китая, действиям Токио в финансировании программ и проектов в области морской безопасности и предоставлении Японией технической помощи странам архипелага, интересам островных держав в отстаивании своих национальных приоритетов по вопросам морских границ и суверенитета над островами в Южно-Китайском море и их параллельное участие в военно-политических инициативах Вашингтона с целью обретения США как стратегического партнёра в противовес влиянию Китая. Однако Тан отмечает, что «озабоченность проблемами морской безопасности, которые соприкасаются с проблемами терроризма, пиратства, территориальных споров, так же как усилением присутствия и растущим соперничеством [в регионе Малайского архипелага] внешних великих держав, ведёт к актуализации программ военной модернизации в странах архипелага» [6, p. 156].

Военные расходы стран Малайского архипелага значительно возросли по сравнению с началом 1990-х (окончание холодной войны) и с 1997/98 гг. (азиатский финансовый кризис). Тан отмечает рост числа вооружений: артиллерии, танков, подводных лодок, авиации, а также перманентный процесс модернизации вооружённых сил стран архипелага, который, однако, происходит неодинаково. Из-за этого государства Малайского архипелага по-разному относятся к участию внешних держав в поддержании мира и порядка в субрегионе. Например, Индонезия очень болезненно воспринимает интернационализацию проблем безопасности Малаккского пролива, хотя Джакарта активно сотрудничает и с региональными державами, и с США, а также принимает помощь от Японии, США, Австралии, признавая, что ей не хватает средств и ресурсов для полноценного патрулирования территориальных вод и борьбы против внутренних угроз. В соответствии с доктриной Ханкамрата (Hankamrata) – «тотальной народной обороны», Индонезия стремится компенсировать морально устаревшую боевую технику и недостаток вооружения путём объединения людских ресурсов и вооружённых сил.

Сингапур же, напротив, сохраняя высокие темпы экономического роста, успешно реализует программу военного строительства и превращения острова-государства в «неприступную крепость» для внешних угроз, имея самые тесные отношения с Соединёнными Штатами. Сингапурская модель модернизации военного комплекса опирается на рост высоких технологий в обеспечении защиты территории, так называемую доктрину интегрированного наукоёмкого командования и контроля (IKC2). [6, p. 169].

Программа военной модернизации Малайзии, продолжающаяся более 30 лет и нацеленная на улучшение технического оснащения пехоты, военного флота и авиации и использование новейших военных раз-

работок и технологий, основывается на стремлении Путраджайи сохранить баланс сил с более развитым в военном отношении Сингапуром.

Реализация программы военной модернизации Филиппин проходит менее успешно, чем у соседей. Манила стремится развивать союзнические отношения с Вашингтоном, получая помощь и ресурсную поддержку от США, Японии, Австралии. Филиппины больше других участвуют в Малайском комплексе безопасности выступают за интернационализацию решения проблем внутренней безопасности, не обладая достаточными финансовыми и военными возможностями. В 1992 г. военные базы США были закрыты, но уже в 1999 г. Манилой было подписано и ратифицировано соглашение с США о приглашённых вооружённых силах [6, р. 171].

Автору видится, что ключевым фактором наращивания вооружений в субрегиональном комплексе безопасности является взаимная подозрительность и недоверие между странами Малайского архипелага.

Среди позитивных результатов военной модернизации Тан отмечает улучшение морского патрулирования проливов, их защищённость от пиратских нападений, так же, как и от возможных внезапных атак со стороны флотов внешних держав. Но чрезмерная милитаризация, помноженная на нерешённые внутренние проблемы и внешние угрозы, может привести в гонке вооружений и вероятным вооружённым конфликтам.

В заключение автор работы рекомендует США в реализации своей внешнеполитической стратегии в ЮВА вести борьбу «за сердца и умы», с учётом специфики ислама и особенностей этноконфессиональной борьбы в этих странах. Кроме того, Штатам рекомендуется принимать во внимание интересы КНР в защите своих национальных интересов в Южно-Китайском море, а также её тесные экономические связи со странами архипелага.

По мнению Тана, война США против глобального терроризма подвигла актуализацию проблем безопасности и придала импульс развитию современного комплекса безопасности Малайского архипелага в свете обозначения ЮВА как «второго фронта», а стран Малайского архипелага как территории проживания самого многочисленного мусульманского населения. В тоже время автор показывает сложные взаимоотношения как между государствами, входящими в комплекс, и внешними силами, так и между самими внешними силами, и на этом фоне фактор американской войны против глобального терроризма, который имеет огромное стратегическое значение для Штатов в контексте их глобального доминирования, кажется не столь впечатляющим для стран архипелага и видится ими скорее одним из региональных вызовов.

В любом случае, Вашингтону следует действовать предельно осторожно, чтобы не допустить обострения существующих внутри комплекса безопасности Малайского архипелага противоречий, несущих угрозу для стабильного развития ЮВА и АТР.

Литература

1. Alagappa, Muthiah. Dynamics of International Security in Southeast Asia: Change and Continuity// Australian Journal of International Affairs. May 1991. № 1. Pp. 17-22.
2. Buzan, Barry and Waever, Ole. Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge University Press, 2003. 564 p.
3. Girling J. L.S. Regional Security in SEA // Journal of SEA Studies. March 1971. Vol. 2. № 1. Pp. 56-65.
4. Gunaratha, Rohan. Inside Al Qaeda. London, Hurst, 2002. Pp. 174-203.
5. Stubbs, Richard. Sibregional Security Cooperation in ASEAN. Military and Economic Imperatives and Political Obstacles // Asian Survey. 1992. № 32. Pp. 397-405.
6. Tan, TH Andrew. Security Strategies in the Asia-Pacific. The US "Second Front" in Southeast Asia. New-York: Palgrave Macmillan, 2011. 264 p.

К юбилею Элеоноры Васильевны Ермаковой

On the anniversary of Eleonora Vasil'evna Ermakova

У исторической науки много функций. Но, может быть, главное её предназначение состоит в том, чтобы соединять людей. Соединять в различном смысле и масштабе. Связывая поколения во времени и сплачивая народы в пространстве. Или (всего лишь) воссоединяя человека с самим собой, – его, сегодняшнего и завтрашнего, с ним же, вчерашним.

Эту миссию, так или иначе, выполняет любой историк. Однако соединять людей – дело трудное. Можно стать блестящим лектором, выдающимся исследователем или большим научным начальником, и не преуспеть в этом. Тех, кто умеет быть центром притяжения для больших и разнородных сообществ, прочным связующим звеном для протянувшихся далеко в разные стороны человеческих цепей, совсем немного. Их всегда не хватает.

Нам повезло. Наш учитель и коллега, Элеонора Васильевна Ермакова, принадлежит именно к этой немногочисленной категории историков. Но, как это произошло, каково происхождение её редкого таланта?

Возможно, умение быть связующим звеном – это результат огромного жизненного и профессионального опыта, закономерный плод пяти десятилетий преподавательского труда на изломе эпох и политических режимов, в круговерти больших и малых преобразований. Наверное, нужно просто полвека каждый день хорошо делать свою работу, не экономя себя и не взирая на изменчивость «заданных обстоятельств».

Есть также предположение, что выполнению этой роли способствуют занятия историографией. Ведь эта несколько подзабытая сегодня (незаслуженно и очень опрометчиво) отрасль исторической науки представляет собой не что иное, как её самосознание, без непрерывной работы которого целостность и здоровье любой науки оказываются под угрозой.

А, быть может, корень всего – в фамильных чертах характера. В каком-то удивительном сочетании большевистской жёсткости и принципиальности с благородной открытостью, терпением и добротой.

Как бы то ни было, мы, ученики и коллеги Элеоноры Васильевны, вряд ли когда-либо сможем разгадать эту тайну. Но мы точно знаем, что не стали бы теми, кем являемся, если бы не эта женщина, соединившая нас друг с другом, с нашей профессией, с Историей. И во всём том, что есть мы, в наших высокоученных трудах и важных предприятиях, наших учениках и планах на будущее, есть и её законная «королевская доля». Поэтому в праздничный день юбилея так много людей – от преподавателей и учёных до политиков, управленцев и предпринимателей – разбросанных на просторах Дальнего Востока, всей России и других стран могут вспомнить о том, что их объединяет, преклонить колено и воскликнуть:

Да здравствует королева Элеонора,
Элеонора Первая и Единственная!

*Редколлегия журнала «Ойкумена.
Регионоведческие исследования»,
ученики и коллеги*

*Ставров И.В.
Stavrov I.V.*

**«Россия и Китай: диалог цивилизаций».
Международная научная конференция
(Харбин, 21 – 22 сентября 2013 г.)**

**"Russia and China: dialogue of civilizations". International scientific conference
(Harbin, September 21-22, 2013)**

В самом «русском» городе Китая – Харбине в последней декаде сентября состоялась международная научная конференция «Россия и Китай: диалог цивилизаций». Организаторами конференции выступили Институты русского языка и россиеведения Хэйлунцзянского университета и Китайская ассоциация по исследованиям России, Восточной Европы и Центральной Азии. Основными целями конференции стали развитие россиеведческих исследований в КНР и укрепление научного диалога между учёными двух стран.

В конференции приняли участие около пятидесяти участников из России и КНР. Китайскую сторону представляли исследователи из Пекина, Чанчуня, Харбина и др., российскую – учёные Москвы, Владивостока, Хабаровска и Благовещенска.

Работа конференции была сосредоточена по пяти основным направлениям: Россия в мировой политике и экономике на современном этапе; Россия и Китай: глобальное и региональное взаимодействие; особенности политических, экономических и юридических процессов в современной России, опыт внешней политики России; китаеведение и русский язык, языкознание, литература и образование в эпоху глобализации.

Конференцию открыла директор Института русского языка Хэйлунцзянского университета Дэн Цзюнь. Она отметила большую важность развития межкультурного диалога России и Китая в начале XXI в. С приветствием выступили академик АОН КНР Ли Цзинцзе, директор Института социального развития Евразии Ли Фэнлинь, зав. отделом Китая Института востоковедения РАН, профессор А.И. Кобзев и ректор Хэйлунцзянского университета, профессор Чжан Чжэнвэнь.

Пленарное заседание началось с доклада директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР Ли Юнцюаня «Перспективы расширения китайско-российского делового сотрудничества», в котором автор рассмотрел основные направления двусторонних отношений в указанной сфере между нашими странами. В докладе профессора Чжан Шухуа «Куда идёт Россия? – проблемы и поиски Владимира Путина» отмечалось, что российское общество после Перестройки, проводимой М.С. Горбачёвым, и олигархического правления при Б.Н. Ельцине попало в тупик. С приходом к власти В.В. Путина в стране началась стабилизация, Россия начала сложный поиск выхода из сложившегося положения. Однако в результате всемирного экономического кризиса 2008 г. в стране вновь встал вопрос о путях развития: либо сохранить независимость и идти собственным путём, либо пойти по европейскому пути.

СТАВРОВ Иван Валерьевич, к.и.н., научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **Email:** stavivan@mail.ru

Профессором А.И. Кобзевым был зачитан доклад «Китай и Россия в эпоху великих перемен». В нём автор отметил высокий потенциал китайской культуры, без которой страна вряд ли бы смогла сделать такой серьёзный рывок на пути социально-экономического развития. В настоящее время КНР стоит на своеобразном перепутье: «экономически он привязан к Западу (США, Евросоюзу), а идейно-политически и геостратегически – к Востоку». А.И. Кобзев обратил внимание, что значительное количество китайских студентов обучается в США – это будущая элита страны, однако это направление грозит КНР жёсткой экономической конкуренцией и т.п. У России и Китая многовековая история взаимоотношений, иногда непростых, однако у двух стран есть много точек соприкосновения и хорошие перспективы в будущем.

Ещё один доклад сотрудника ИВ РАН, к.и.н. В.Ц. Головачёва был посвящён предварительным итогам реализации международного проекта «Китаеведение – устная история»¹. Выступление было поэтично озаглавлено «Слышен на Волге голос Янцзы». Целью работы стало рассмотрение наиболее общих черт и особенностей, объективных и субъективных сторон «тех обстоятельств, в которых происходили первые встречи с Китаем и китайцами, а также влияние этих обстоятельств на судьбы, настроения и профессиональную деятельность современных российских китаеведов». Среди интервьюеров такие известные учёные, как академики С.Л. Тихвинский и В.С. Мясников, профессора Л.П. Делюсин, А.А. Бокщанин, Е.И. Кывчанов и мн. др.

В секции экономики и политики с докладом «Россия и Китай: региональные экономические взаимодействия» выступил к.э.н., в.н.с. ИЭИ ДВО РАН Д.В. Сулов. Он выделил основные направления экономического сотрудничества в регионе – транспорт, добыча полезных ископаемых, военно-техническое сотрудничество и торговля энергетическими ресурсами. Несмотря на положительную динамику экономических отношений двух стран, в России и Китае существует разное отношение по вопросу о формах сотрудничества. У китайской стороны отсутствует заинтересованность в инвестиционном сотрудничестве, развитии обрабатывающей промышленности в ДВФО. Автор констатировал, что и с нашей стороны в этом направлении также существуют проблемы ввиду слабой заинтересованности региональных властей в активном развитии двусторонних экономических отношений.

Чжан Уци (Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР) в докладе «Российское антизападничество в эпоху Путина» затронул вопрос о росте таких настроений в российской политике и обществе в начале XXI в. Он отметил, что в России исторически, так же как и сейчас, антизападничество и идея признания и распространения русской культуры идут совместно. В период правления Б.Н. Ельцина антизападничество отошло на второй план, но с приходом к власти В.В. Путина оно снова стало нарастать. После мюнхенской речи президента 2007 г. антизападничество впервые за последнее время достигло очередного пика. Однако Россия не сможет длительное время противостоять Западу, т.к. она принадлежит к одной с ним цивилизации.

В работе секции также были прочитаны доклады по другим аспектам двусторонних и многосторонних отношений.

Немало выступлений прозвучало на секции, посвящённой культуре. В докладе Э.А. Синецкой (ИВ РАН) «Современная китайская культура как источник социальной истории» отмечено, что «самый чувствительный индикатор происходящих в обществе перемен... – произведения литературы». С помощью изучения литературных произведений исследователи могут выявлять изменения в таких областях обществен-

¹ Подробнее: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

ной жизни, как поведенческие нормы, психология, материальное бытие. Таким образом, постижение литературных источников – «самый плодотворный путь изучения общества в целом».

Ли Суйань (АОН провинции Хэйлуунцзян) в докладе «Создание образа СССР в Китае в 50-е годы XX века (на примере литературы)» отметил, что 1950-е годы стали «медовым месяцем» во взаимоотношениях двух стран. В песнях, романах, очерках, путевых заметках, а также на театральной сцене – всюду воспевался положительный образ СССР. В этих произведениях создание образа СССР происходило в следующих основных сюжетах: почитание СССР, воспевание успехов строительства социализма в СССР, китайско-советской дружбы, а также восхваление работы советских специалистов.

Исследователь пекинского университета Ли Вэй в работе «Образ Китая в России» пришёл к выводу, что в целом у россиян довольно позитивное восприятие Китая, их увлекает китайская культура, нет непреодолимых препятствий в области понимания особенностей политического режима, хотя и существуют некоторые опасения по отношению к КНР. Автор считает, что такое восприятие нашими соотечественниками китайцев и Китая есть результат успешной реализации политики «мягкой силы».

В конференции приняли участие два сотрудника ИИАЭ ДВО РАН – научные сотрудники Отдела китаеведения к.и.н. И.В. Ставров, О.Н. Рисухина. Доклад И.В. Ставрова «Изучение национальной политики КНР в России во второй половине XX – начале XXI века» познакомил делегатов с историей исследований национального вопроса в Китае советскими и российскими учёными. Автор отметил, что длительное время (1950-е – 1980-е годы) на оценку национальной политики накладывали отпечаток изменения в двусторонних отношениях, однако в настоящее время преобладают взвешенные, более объективные мнения в данной сфере.

О.Н. Рисухина в работе «Развитие культурных связей российско-го Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая после нормализации советско-китайских отношений: направления и формы сотрудничества» изучила специфику культурных обменов между двумя регионами. Большую роль в развитии этого направления сотрудничества сыграл Указ об открытии г. Владивостока, проведение национальных годов, а также реализация Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере.

На закрытии конференции прибыл генеральный консул России в г. Шэньяне С.Ю. Пальтов. Он отметил важность проведения таких встреч для укрепления взаимопонимания и в целом гуманитарных контактов. Сергей Юрьевич обратил внимание участников, что российско-китайские отношения в настоящее время находятся на очень высоком уровне и с приходом к власти следующего поколения руководителей вышли на новый уровень. Также он ответил на интересующий многих присутствующих вопрос о планах открытия новых дипломатических представительств на территории КНР и РФ. Так, в настоящее время обсуждается вопрос об открытии генеральных консульств России в городах Харбине и Чунцине и дипучреждений КНР в Чите и Казани.

Закрыв конференцию проректор Хэйлуунцзянского университета профессор Дин Лицунь. Он поблагодарил участников за интересные доклады и выразил надежду, что такие встречи превратятся в добрую традицию.

*Латушко Ю.В.
Latushko Yu.V.*

Круглый стол молодых учёных России и стран АТР

Round table of young scientists of Russia and APR countries

13 сентября 2013 г. в кампусе Дальневосточного федерального университета на о. Русский в рамках Международной научно-практической конференции стран АТР «Технологии наукоёмкого бизнеса» (11-17 сентября 2013 г.) прошло заседание круглого стола молодых учёных России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Всего же в конференции приняли участие свыше 350 специалистов (представители органов государственной власти, науки, образования, промышленности, финансового и медийного секторов) из восьми стран (в том числе России, Китая, Индии, Вьетнама и др.).

Главной целью настоящего круглого стола являлось обсуждение возможного научно-технического сотрудничества, в первую очередь между молодыми учёными РФ и КНР, а также обсуждение возможных направлений взаимодействия между молодыми учёными России и Китая.

С китайской стороны в работе круглого стола приняли участие молодые учёные из научных, образовательных и коммерческих организаций Пекина, Шанхая, Харбина и Шеньчжэня.

Модератором круглого стола с российской стороны выступил член совета молодых учёных РАН Виктор Андрианов (Институт Дальнего Востока РАН). Кроме того Московский регион представляли Дмитрий Дёмин (Пушинский научный центр РАН) и Константин Яковлев (Институт системного анализа РАН).

Активное участие в работе форума приняли молодые учёные Дальневосточного отделения РАН – Андрей Веремейчик (Институт истории ДВО РАН), Кирилл Ганзей (Институт географии ДВО РАН), Александр Захаренко (Институт биоорганической химии ДВО РАН), Юрий Латушко (председатель Совета молодых учёных ДВО РАН, Институт истории ДВО РАН, ШГН ДВФУ), Дмитрий Пелагеев (Институт биоорганической химии ДВО РАН), Иван Ставров (Институт истории ДВО РАН).

Участниками круглого стола была представлена и обсуждена серия докладов.

В своих выступлениях китайские партнёры (господа Чженпин Лю, Сю Цзинь из Шеньчжэня и др.) акцентировали внимание на необходимости усиления сотрудничества между молодыми учёными КНР и РФ, в том числе в области изучения истории взаимоотношений между нашими государствами. Также было отмечено, что сотрудничество молодых учёных укрепляет взаимопонимание между странами и создаёт условия для более активного развития взаимовыгодного партнёрства Китая и России.

Обсуждались и острые проблемы российско-китайского научного партнёрства. С точки зрения китайских коллег, в настоящее время при проведении совместных научных исследований одной из важнейших тем является вопрос защиты интеллектуальной собственности. Для пло-

ЛАТУШКО Юрий Викторович, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток) **E-mail:** latushko@mail.ru

Фото 1. Круглый стол

дотворного сотрудничества необходимо развивать пригодную для данной цели юридическую платформу. Без юридического сопровождения глубокое научное сотрудничество невозможно. Стороны согласились, что данный вопрос очень острый (даже гражданская наука сегодня – поле огромной конкуренции), чувствительный как для отдельных учёных, так и для государств, в которых они работают. Без детально проработанной юридической базы такое сотрудничество едва ли возможно как в научном, так и в коммерческом плане.

В развитие сказанного акцентировалось внимание и на том, что между КНР и РФ необходимо развивать совместные бизнес-проекты, где молодые учёные могли бы играть ключевую роль. Для внедрения результатов научных исследований в жизнь и последующей их коммерциализации необходимо создавать профессиональные команды из учёных, функционеров и представителей бизнеса.

Председатель СМУ ДВО РАН Ю.В. Латушко представил информацию об организациях ДВО РАН, главных направлениях их научных исследований. В XXI веке АТР является основным центром мирового развития, а добрососедские отношения между Россией и Китаем являются залогом устойчивого развития данного региона. Между региональными и федеральными общественными организациями молодых учёных в России налажены тесные контакты, а молодые учёные ДВО РАН имеют большой опыт научного сотрудничества с коллегами из стран АТР, что может стать важным подспорьем для дальнейшего успешного развития научно-технического обмена между молодыми учёными стран АТР. В конце выступления Ю.В. Латушко было отмечено, что 2014 год объявлен годом образовательных и научных контактов между Россией и Китаем, в рамках которого можно организовать совместные площадки для развития научного сотрудничества, рассчитывая на поддержку официальных лиц и других заинтересованных участников двух стран.

В заключении все участники круглого стола положительно оценили результаты встречи и выразили заинтересованность в проведении

Фото 2. Конференция

совместных научных мероприятий и консультаций с целью развития сотрудничества между молодыми учёными стран АТР.

Совет молодых учёных ДВО РАН выражает отдельную благодарность Международному союзу приборостроителей и специалистов по информационным и телекоммуникационным технологиям за помощь в организации форума, а также китайской редакции «Российской газеты» в лице Ольги Горшковой за информационную поддержку круглого стола.

**Указатель статей и материалов,
опубликованных в журнале за 2012 – 2013 гг.**

Автор	Название	Год	Номер	Страницы
Тема номера: <i>Перспективы сотрудничества на Корейском полуострове в XXI веке</i>				
Забровская Л.В.	Шестисторонние переговоры: будет ли продолжение?	2012	№ 1	7 – 16
Зыков А.А.	КНДР в условиях смены политического руководства	2012	№ 1	17 – 24
Козлов Л.Е., Реутов Д.А.	Внешиполитический контекст сотрудничества России и Республики Корея в промышленной модернизации Дальнего Востока	2012	№ 1	25 – 33
Эсаулова Д.Е.	Сеул-Токио: попытки преодоления прошлого (2000-2011 гг.)	2012	№ 1	34 – 42
Тема номера: АТР: культурологическое измерение				
Конончук Д.В., Ячин С.Е.	Культурная парадигма: опыт концептуального осмысления	2012	№ 2	7 – 13
Литошенко Д.А.	Феномен «Юоны и Авось» в историографии и искусстве	2012	№ 2	14 – 20
Толстых И.Н.	Придворные танцы Кореи: этнокультурный аспект	2012	№ 2	21 – 28
Ткачук М.А.	Социальный танец в системе межкультурной коммуникации	2012	№ 2	29 – 35
Чулкова С.Б.	Значение этнокультурного компонента в процессе обучения китайских студентов русскому языку (на территории Китая)	2012	№ 2	36 – 41
Тема номера: Политогенез в АТР				
Беляев Д.Д.	Под сенью Птичьего Божества: формирование идеологии царской власти на Гватемальском нагорье в I тыс. до н.э.	2012	№ 3	8 – 22
Острирова Е.С.	Образ правителя в культуре Тайрона (Колумбия)	2012	№ 3	23 – 32
Пакин А.В.	Лидерство и власть у науа на южных границах Месоамерики в период испанской конкисты XVI в. (Гватемала, Сальвадор, Никарагуа)	2012	№ 3	33 – 44
Латушко Ю.В.	Эволюция сложного общества на Гавайях (в доевропейский период)	2012	№ 3	45 – 60
Тема номера: <i>Социальные трансформации на российском Дальнем Востоке</i>				
Коваленко С.Г.	К оценке модернизационных структурных преобразований на Дальнем Востоке в 1965 – 1980 гг.	2012	№ 4	7 – 18

Автор	Название	Год	Номер	Страницы
Соловченков С.А.	Трансформация системы занятости и социальной структуры в приграничном регионе (на примере Еврейской автономной области)	2012	№ 4	19 – 23
Шестак О.И.	Структура потребности в специалистах и кадровые проблемы российской экономики (на примере анализа рынка труда в Приморском крае)	2012	№ 4	24 – 36

Тема номера:

Россия и Дальний Восток в АТР: итоги АТЭС-2102 и дальнейшие перспективы

Севастьянов С.В.	Проблемы и перспективы развития Дальнего Востока России после Владивостокского саммита АТЭС	2013	№ 1	7 – 16
Козлов Л.Е., Никулина А.К.	Имплементация региональной политики России на Дальнем Востоке	2013	№ 1	17 – 26
Губин А.В.	Китайский вызов для Приморского края: новое измерение	2013	№ 1	27 – 34
Козинец А.И.	Молодёжное международное сотрудничество на пространстве АТР	2013	№ 1	35 – 39

Тема номера: *Пограничная политика в АТР и Арктике*

Троякова Т.Г.	Сотрудничество России и стран Северо-Восточной Азии в Арктике: современное состояние и перспективы развития	2013	№ 2	7 – 15
Золотухин И.Н.	Северный морской путь как трансокеаническая магистраль. Проблемы освоения в аспекте интересов держав Северной Пацифики: взгляд из России	2013	№ 2	16 – 29
Тимофеев О.А., Грибова О.К.	Некоторые проблемы истории формирования российско-китайской границы в новое и новейшее время	2013	№ 2	30 – 37
Шляпина А.О.	Китай – страны АСЕАН: территориальные споры в Южно-Китайском море	2013	№ 2	38 – 45

Тема номера: *Социальная безопасность жителей Дальнего Востока*

Сухаренко А.Н.	Правовое регулирование обеспечения безопасности в России	2013	№ 3	7 – 11
Комарова Т.М.	География социальной безопасности регионов Дальнего Востока России	2013	№ 3	12 – 17
Жерновой М.В.	Экономическая безопасность ДФО: состояние и проблемы обеспечения	2013	№ 3	18 – 25
Вайсман А.Л.	Нелегальный оборот флоры и фауны между Дальним Востоком России и Северо-Восточным Китаем	2013	№ 3	26 – 37

Автор	Название	Год	Номер	Страницы
Хренков О.В.	Незаконный оборот морских биоресурсов: российско-китайский аспект	2013	№ 3	38 – 42
Самойлюк Н.В.	Незаконная миграция и региональная безопасность	2013	№ 3	43 – 50

Тема номера:

Автомобильная субкультура региона:

границы возможного в фокусе междисциплинарных исследований

Литошенко Д.А.	Феодалные истоки современной этики дорожного движения в контексте автомобильной субкультуры тихоокеанской России	2013	№ 4	7 – 16
Прокопчук А.В.	Автомобильные компании и благотворительность: мировой опыт	2013	№ 4	17 – 21
Лаврентьев А.В.	Развитие российско-китайских автомобильных сообщений: исторический опыт и современные тенденции	2013	№ 4	22 – 27

Интервью

Мультикультурализм: риторика и практика (интервью с А.М. Кузнецовым)	2012	№ 3	61 – 74
Основные внутривосточные тренды и внешнеполитические вызовы «большого трио» Северной Пацифики (Интервью со Стивеном Фишем)	2013	№ 1	40 – 49
Border Studies: азиатский вектор (Интервью с Полом Ричардсоном)	2013	№ 2	46 – 52

Теория и методология регионоведческих исследований

Киреев А.А.	К вопросу о типологии азиатских границ России (I часть)	2012	№ 4	37 – 46
Киреев А.А.	К вопросу о типологии азиатских границ России (II часть)	2013	№ 1	50 – 70
Кузнецов А.М.	Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы	2012	№ 1	67 – 79

Природопользование и экономика

Козлова С.А.	Добыча золота в Верхнеудинском округе Забайкальской области в XIX – начале XX вв. и участие в ней старообрядцев	2012	№ 3	75 – 82
Куприенко С.А., Ракуц Н.В.	Система государственного накопления и распределения продукции в империи инков	2013	№ 2	87 – 94
Маклюков А.В.	Становление и развитие электроэнергетики Дальнего Востока в системе городского хозяйства в начале XX века	2012	№ 3	83 – 93
Маклюков А.В.	Энергетическое строительство на Дальнем Востоке в годы первого пятилетнего плана (1928 – 1932 гг.)	2013	№ 3	51 – 57

Автор	Название	Год	Номер	Страницы
Стась И.Н.	Индустриализация Ханты-Мансийского округа как основной фактор развития городов нефтяников во второй половине XX в.	2013	№ 2	95 – 102
<i>Социальные и демографические структуры</i>				
Андреева О.Н.	Система показателей уровня и качества жизни населения	2013	№ 1	71 – 79
Андреева О.Н.	Способы оценки уровня и качества жизни населения	2013	№ 2	112 – 120
Андреева О.Н.	Уровень и качество жизни населения в Приморском крае (в преддверии проведения саммита АТЭС)	2013	№ 4	48 – 55
Андреева О.Н.	Уровень и качество жизни: содержание понятий и их составляющие	2012	№ 4	68 – 77
Бадараев Д.Д.	Внутренние миграционные процессы в современном монгольском обществе	2012	№ 4	62 – 67
Бадмаева Л.В., Башкуева Е.Ю.	Отношение принимающей среды региона-реципиента к иностранным трудовым мигрантам как показатель толерантности социума в Республике Бурятия	2012	№ 4	47 – 54
Барышникова Е.В.	Правовая культура в системе управления качеством жизни (на примере Владивостока)	2013	№ 2	121 – 128
Бреславский А.С.	Сельские мигранты в постсоветском Улан-Удэ: ожидания, стратегии, практики расселения	2012	№ 4	55 – 61
Бреславский А.С.	Субурбанизация в постсоветской Бурятии и особенности внутренних миграционных потоков	2013	№ 3	68 – 75
Власов С.А.	Становление и развитие городов на Дальнем Востоке России во второй половине XX в.	2013	№ 2	103 – 111
Киреев А.А.	Существует ли на Дальнем Востоке России китайская диаспора?	2013	№ 4	28 – 47
Лазарева С.И., Шпилева А.Н.	Российская эмиграция и развитие образования в Маньчжурии 20-40-х годов XX века	2012	№ 3	94 – 102
Троякова Т.Г., Волошина А.В.	Регулирование трудовой миграции в Россию: возможности использования зарубежного опыта	2013	№ 3	58 – 67
<i>Культурные и идеологические факторы регионализации</i>				
Бех Л.В.	Искусство фарфора в дальневосточной и европейской традициях: государственная политика и сфера сакрального	2013	№ 1	101 – 107
Крупа Т.А.	Личность современного преподавателя в контексте инновационного вектора образования	2012	№ 2	47 – 51

Автор	Название	Год	Номер	Страницы
Налётова Н.Ю.	Античность – Византия – Русь: к вопросу о культуросообразном характере традиций образования личности	2012	№ 2	42 – 46
Норбоева Т.Б.	Этнический костюм бурят: традиции и современность	2013	№ 1	108 – 112
Осипова Э.В.	Дальневосточная театральная аудитория: социально-демографический и культурный портрет	2013	№ 1	90 – 100
Рубан Д.А.	Брендинг регионального геологического наследия России: предпосылки, механизм и ожидаемые результаты	2012	№ 1	87 – 91
Фадеева Е.В.	Роль женщины в традиционных родовых праздниках и промысловых обрядах у коренных народов Нижнего Амура	2013	№ 3	76 – 85
Цзинь Хуа	Русский национальный характер глазами китайцев	2013	№ 2	129 – 136
Чеснокова Н.В.	Этнокультурные аспекты адаптации китайских студентов в России	2012	№ 1	80 – 86
Шепотько Л.В.	Социокультурная специфика России и модернизация	2013	№ 1	80 – 89

Политические отношения и управление регионом

Гетман А.А.	Актуальные проблемы современных электоральных исследований в странах Запада	2013	№ 1	122 – 131
Голиков А.П.	Система восьми знамён: хронологические параметры (опыт конструирования исторического времени)	2013	№ 1	113 – 121
Дыга П.В.	Роль официальных символов Приморского края в формировании идентичности регионального сообщества	2013	№ 1	132 – 138
Золотухин И.Н.	Филиппинская модель организации и управления процессами трудовой миграции	2012	№ 1	100 – 105
Киреев А.А.	Европейская и дальневосточная границы России: две модели управления?	2012	№ 2	60 – 69
Оселедец А.Г.	Особенности формирования сухопутных вооружённых отрядов моряков в конце 1917 – начале 1918 гг.	2012	№ 2	52 – 59
Старцев А.Ф.	Исторические и современные реалии социально-экономического развития аборигенов Приморского края и их будущее	2012	№ 1	92 – 99

Мировая система и межрегиональные отношения

Болдырев Е.В.	Экономическая политика США в отношении стран Восточной Азии в 1980-х – начале 1990-х гг.	2013	№ 3	86 – 94
---------------	--	------	-----	---------

Автор	Название	Год	Номер	Страницы
Бурлаков В.А.	Перспективы развития Расширенной Туманганской Инициативы (геополитический аспект)	2013	№ 2	53 – 63
Золотухин И.Н.	ЮВА как сфера столкновения интересов КНР и США на современном этапе: взгляд из России	2012	№ 2	70 – 75
Золотухин И.Н.	Китайская бизнес-диаспора в Юго-Восточной Азии	2012	№ 3	103 – 108
Коротич С.А.	АРФ и спор в Южно-Китайском море: испытание на прочность	2013	№ 1	150 – 161
Кузьмина О.В.	Реформа Организации Объединённых Наций и политика США в период администрации Барака Обамы (2008 – 2012)	2013	№ 2	69 – 77
Макеева С.Б.	Деятельность забайкальских трудовых коллективов в развитии советско-китайского приграничного сотрудничества (1949-1960 гг.)	2012	№ 1	106 – 112
Макеева С.Б.	Анализ международных коммуникаций в образовательной сфере между Иркутской областью и провинциями КНР: по результатам социологического исследования	2012	№ 3	109 – 115
Манякин Л.В.	Вовлечение двух мировых систем в конфликт на Африканском Роге	2013	№ 1	139 – 149
Реутов Д.А.	«Восточная газовая программа» и перспективы российско-корейского энергетического сотрудничества	2013	№ 2	78 – 86
Реутов Д.А.	Вызовы и перспективы российско-японского газового сотрудничества	2013	№ 4	56 – 67
Родионов В.А.	Центральноазиатский вектор внешней политики Монголии: фактор ШОС	2012	№ 4	104 – 111
Родионов В.А., Бадмацзыренов Т.Б., Шурхуу Д.	«Возвращение» России в Монголию: проблема выбора стратегии	2012	№ 4	112 – 119
Стецко Н.И.	«Перезагрузка» как основная парадигма американо-российских отношений во время первого президентства Б. Обамы	2013	№ 4	68 – 74
Суховой Д.А.	Угроза глобальной гегемонии: американские политологи о Китае	2013	№ 2	64 – 68
<i>Военная и политическая география Восточной Азии</i>				
Губин А.В., Синенко И.Ю.	Северо-Восточная Азия на пороге новой гонки вооружений	2013	№ 4	75 – 83
Колесниченко К.Ю.	Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края)	2012	№ 3	116 – 126
Колесниченко К.Ю.	Военная авиация в Приморье в 1980-е-2000-е годы: военно-политический и социальный аспекты	2013	№ 3	95 – 105

Автор	Название	Год	Номер	Страницы
Синенко И.Ю.	Проблема региональной безопасности в Северо-Восточной Азии в контексте угрозы нового витка гонки вооружений в XXI веке	2013	№ 3	106 – 112
Старогородцева В.В.	Фактологические ошибки и разночтения в регионоведческих исследованиях военно-исторического характера: необходимость и проблема их выявления	2012	№ 3	127 – 134

Проблемы внутренней и внешней политики англо-саксонских держав в первой половине XX века

Лихарев Д.В.	Англо-французское соглашение по морским вооружениям 1928 г.: последний антиамериканский шаг Великобритании	2012	№ 4	78 – 83
Симоненко Е.С.	Фредерик Борден и его программа реформирования канадской милиции (1896 – 1911 гг.)	2012	№ 4	94 – 103
Тихий К.Т.	Пролог «большой чистки». (Убийство С.М. Кирова и мнение американских дипломатов)	2012	№ 4	84 – 93

Философский меридиан

Конончук Д.В.	Конфуцианская культурная парадигма	2012	№ 3	136 – 144
Матвеев В.А.	Специфика японского понимания истины (макото) и феномен истинного сердца (магокуро)	2012	№ 3	145 – 150

Аналитические центры АТР

Журбей Е.В.	«Мозговые центры» и внешняя политика Новой Зеландии: история вопроса	2012	№ 2	76 – 85
Журбей Е.В.	«Мозговые центры» и внешнеполитический процесс Сингапура: история вопроса	2013	№ 4	84 – 92

Studio

Наливайко П.Н.	Состояние российского федерализма на современном этапе: политологический анализ (по материалам социологического исследования, проведённого в 2011-2012 гг. в Приморском крае)	2012	№ 2	86 – 105
----------------	---	------	-----	----------

Проекты

	Научно-методический семинар «Инфраструктурные проекты на Корейском полуострове: современное состояние и перспективы»			
Бурлаков В.А.	Перспективы развития Туманганской инициативы в контексте геополитических процессов в США	2012	№ 1	61 – 66

Автор	Название	Год	Номер	Страницы
Севастьянов С.В.	Роль новых российских инфраструктурных проектов в обеспечении энергетической безопасности Северо-Восточной Азии	2012	№ 1	48 – 60
Со Чон Хо	Транспортная инфраструктура Республики Корея как основа международного сотрудничества	2012	№ 1	44 – 47
<i>Науковедение</i>				
Литошенко Д.А.	Состояние регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России к концу первого десятилетия XXI в.	2012 2013	№ 4 № 1	124 – 134 162 – 173
Рубан Д.А.	Регион как исследовательский бренд в условиях научной глобализации	2012	№ 4	120 – 123
<i>Регион в свидетельствах и документах</i>				
Караман В.Н.	Воспоминания З.Н. Мартынова. Сучанские красные партизаны. Перятинский бой 1919 г.	2012	№ 3	162 – 170
Фунакава Х.	Инцидент с арестом сотрудников генерального консульства Японии во Владивостоке	2012	№ 1	113 – 132
<i>Academia</i>				
Ермошин В.В., Ганзей К.С., Мишина Н.В., Егидарев Е.Г.	Геоинформационное картографирование природных комплексов Дальнего Востока России	2012	№ 3	152 – 161
Латушко Ю.В.	Академия и люди: эскиз к портрету учёного	2012	№ 1	148 – 153
<i>Научные сообщения</i>				
	Информация по вопросам депутатов ГД РФ к Министру РФ по развитию Дальнего Востока В.И. Ишаеву в рамках «правительственного часа»	2013	№ 3	129 – 136
	Заключительный отчёт о научно-исследовательской работе «Изучение общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»	2013	№ 3	137 – 154
Актамов И.Г.	Вопросы экологической безопасности современной Монголии	2012	№ 4	140 – 144
Ахмадуллина Л.Р.	Роль информационного обеспечения культурного туризма в Республике Татарстан	2013	№ 2	149 – 153
Жерновой М.В.	Проблемы противодействия незаконному обороту древесины в ДФО	2012	№ 4	135 – 139
Жерновой М.В.	Радиационная безопасность Приморья через призму автоимпорта	2013	№ 4	93 – 95

Автор	Название	Год	Номер	Страницы
Жерновой М.В., Сухаренко А.Н.	Перспективы сотрудничества правоохранительных органов Дальнего Востока России и Корейского полуострова	2012	№ 1	138 – 142
Жерновой М.В., Сухаренко А.Н.	Транснациональные аспекты незаконного оборота российских культурных ценностей	2012	№ 2	106 – 110
Жерновой М.В., Сухаренко А.Н.	Состояние и прогноз развития наркоситуации в Дальневосточном федеральном округе	2012	№ 3	171 – 177
Никитенко И.В.	Преступность иностранцев: состояние и проблемы борьбы с ней (на примере азиатской части России)	2013	№ 3	118 – 124
Постников В.В.	Книжный памятник историко-географических знаний в России XVII в.	2012	№ 1	133 – 137
Ставров И.В.	Основные результаты социально-экономического развития Северо-Восточного Китая в 2012 г.	2013	№ 2	137 – 148
Сухаренко А.Н.	Криминальная ситуация на Дальнем Востоке в зеркале статистики	2013	№ 3	113 – 117
Федоренко Т.А.	Транснациональные аспекты наркобизнеса в ДФО	2013	№ 3	125 – 128

Рецензии и обзоры

Барбенко Я.А.	Хартленд на ладони: «Сибирь. Атлас Азиатской России»	2012	№ 3	178 – 186
Золотухин И.Н.	Узел противоречий в узловом регионе	2013	№ 4	96 – 101
Лукин А.Л.	Стратегия геоэкономического удушения Китая	2013	№ 1	174 – 178
Метляева Т.В.	«Эпистема цвета в смоленской архитектуре и живописи»	2012	№ 1	143 – 147
Фостер Л.А.	Книга-справочник о русских организациях в Америке	2012	№ 2	111 – 116

Научная жизнь

	К юбилею Элеоноры Васильевны Ермаковой	2013	№ 4	102
Конончук Д.В.	О визите в ШГН ДВФУ делегации Института Философии Хэйлунцзянского университета	2012	№ 4	145 – 146
Конончук Д.В.	Памяти Александра Леонидовича Сергеева	2013	№ 1	179 – 181
Кузнецов А.М., Золотухин И.Н.	Идентичность versus государство. Международная конференция «Политика коренной идентичности: национальные и глобальные перспективы». Сидней, 11-14 июля 2013 г.	2013	№ 3	155 – 162
Латушко Ю.В.	Российские и зарубежные молодые учёные обсудили проблемы и перспективы развития Тихоокеанской России и мира	2012	№ 2	117 – 120

Автор	Название	Год	Номер	Страницы
Латушко Ю.В.	Молодёжь и профсоюз РАН: итоги Санкт-Петербургского форума	2013	№ 3	163 – 168
Латушко Ю.В.	Круглый стол молодых учёных России и стран АТР	2013	№ 4	106 – 108
Латушко Ю.В., Ганзей К.С.	Интеграция исторических и географических исследований на Дальнем Востоке (взгляд молодых учёных)	2013	№ 2	154 – 156
Ставров И.В.	«Россия и Китай: диалог цивилизаций». Международная научная конференция (Харбин, 21 – 22 сентября 2013 г.)	2013	№ 4	103 – 105

Сокращения

А ДВ АСАМП

Архив Дальневосточного регионального представительства
Ассоциации международных автомобильных перевозчиков РФ

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Калугина Марина Альбертовна** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кирсанова Лидия Игнатьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Чой Нак Джун** – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг (*г. Чхонан, Республика Корея*)
- Шестак Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Ойкумена. Регионоведческие исследования", соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не изменять ПРОПИСНЫЕ символы, простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1, 5 интервала.
4. Поля : верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1, 5 см., левое – 2, 5 см.
5. Порядок оформления статьи : УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна. Например: ГАПК -Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения : 31.12.2012 г.).
9. Объем – 0, 5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
10. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу на основании которой этот график сделан.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. E-mail : oikomene@rambler. ru; ojcum@rambler. ru
13. Название (не более 2-х строк), текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
14. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
15. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал

2013 № 4 (27)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01. 08. 2001 г.
Подписано к печати 02. 12. 2013 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 10,85. Уч. -изд. л. 9,80. Тираж 200 экз. Заказ 113
Цена свободная

Издательство "Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

Отпечатано в Информационно-полиграфическом хозрасчётном центре
ТИГ ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

Индекс 42354

